

ISSN 0132-13

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

6
1985

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белозерова Е. В.</i> Социальное развитие рабочего класса Чехословакии на этапе построения основ социализма	3
<i>Гибянский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С.</i> Антифашистское движение Сопротивления и общественно-политические сдвиги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны	13
<i>Носкова А. Ф.</i> Идеино-политическая борьба и поражение аграризма в Польше в 1947 году	31
<i>Никифоров К. В.</i> Внешнеполитическая программа Сербии 1844 г. и ее освещение в историографии	49
<i>Будагова Л. Н.</i> К проблеме эволюции литературных связей	62
<i>Левочкин И. В.</i> «Отеческие книги» и Изборник Святослава 1073 года	76
<i>Булатова Р. В.</i> Вклад А. А. Шахматова в сербохорватскую акцентологию	81

СООБЩЕНИЯ

<i>Гарус Н. В.</i> КПШ в борьбе за безопасность и независимость Польши (вторая половина 30-х годов)	87
<i>Копыстлянская Н. Ф.</i> Жанровое своеобразие романа В. Ванчуры «Маркета Лазарова»	92

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Цайль Л., Цайль В.</i> (ГДР). Научная деятельность Р. Траутмана в области славистики	99
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Недорезов А. И.</i> Э. А. Лейкин. Дружба, сотрудничество, братство	109
<i>Горский И. К.</i> Studia polono-slavica-orientalia	111
<i>Наумов Е.</i> Украинская библиография по балканистике (1917—1980)	113

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Попов Г. Н.</i> X Всесоюзная научная конференция историков-славистов	116
<i>И. К.</i> Научная конференция и заседание Комиссии историков СССР и ПНР	121
<i>А. О.</i> Изучение генезиса пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	122
<i>А. Г.</i> Братиславское заседание Международной комиссии по истории славистики и симпозиум «Актуальные проблемы истории славистики»	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1985 г.	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **В. А. ДЬЯКОВ**,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), **В. И. ЗЛЫДНЕВ**,
В. Г. КАРАСЕВ, **Д. Ф. МАРКОВ**, **А. И. НЕДОРЕЗОВ**, **С. В. НИКОЛЬСКИЙ**,
Ю. А. ПИСАРЕВ, **Л. Н. СМИРНОВ**, **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

БЕЛОЗЕРОВА Е. В.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЧЕХОСЛОВАКИИ НА ЭТАПЕ ПОСТРОЕНИЯ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА

Победа, одержанная в 1945 г. над коалицией фашистских государств, прежде всего, благодаря героизму и мужеству советского народа, оказала «глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития» [1, 17 VI]. Это воздействие в полной мере испытали и народы Чехословакии, которые, освободившись от гитлеровского ига, встали на путь социалистических преобразований. Решающую роль в осуществлении этих преобразований — роль «интеллектуального и морального двигателя», «физического исполнителя» [2, т. 26, с. 73] социалистического переустройства всего уклада жизни трудящихся масс — сыграл чехословацкий рабочий класс, ведомый партией коммунистов. Историческим итогом его революционно-преобразующей деятельности во второй половине 40-х и в 50-е годы было построение в Чехословакии основ социализма.

В ходе этой деятельности, организуемой и вдохновляемой Коммунистической партией Чехословакии, еще более усилился социально-политический и производственный потенциал рабочего класса Чехословакии, постоянно нарастала его подготовленность к решению самых сложных задач социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни. Это было связано прежде всего с тем, что он, руководимый КПЧ, все больше осваивался со своей новой ролью класса, овладевшего всей полнотой государственной власти и всей совокупностью основных средств производства, с ролью класса созидающего; с тем, что на этой основе усиливалась его организованность, повышался уровень идейно-политической зрелости рабочих масс¹. Усиление творческого потенциала рабочего класса Чехословакии на этапе строительства основ социализма было обусловлено количественными и качественными изменениями в его составе. К ним можно отнести прежде всего увеличение удельного веса в населении страны и прогрессивные изменения отраслевой структуры рабочих, расширение масштабов непосредственного участия в решении важнейших задач экономического, социального и культурного развития страны и повышение уровня общей и профессиональной культуры трудящихся, все более полное удовлетворение их материальных, культурных и социальных потребностей.

Возрастание роли рабочего класса как ведущей силы общественного прогресса характерно для всех стран, вставших на путь социалистического строительства. Это — общая закономерность его социального развития при социализме. Однако важно иметь в виду, что конкретно-исторические формы этого развития определяются различиями в исходных уровнях социалистических преобразований. В Чехословакии данный процесс развивался во многом по-иному, чем в большинстве других стран ми-

¹ Наиболее основательно процесс развития социально-политической активности рабочего класса Чехословакии в рассматриваемый период разработан в [3].

ровой системы социализма, прежде всего потому, что ее экономика имела преимущественно индустриальный характер уже на начальных рубежах социалистического строительства. Так, в конце 40-х годов на долю промышленности и строительства здесь приходилось свыше 71 % произведенного национального дохода, тогда как в ГДР — около 53, в Румынии — менее 50, в Польше — 50, в Болгарии — 43 % [4, 1970, с. 46].

Индустриальному по преимуществу характеру народного хозяйства Чехословакии соответствовала социально-экономическая структура ее занятого населения: в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи в 1950 г. было сосредоточено 41,5 % всех работающих. В большинстве других европейских социалистических стран этот показатель был значительно ниже (в Польше — 30,6 %, в Венгрии — 27,5, в Румынии — 16,6, в Болгарии — 13,2 %); только в ГДР доля индустриально занятого населения была выше — 49,7 % [4, 1970, с. 338—391]. Показательно, что в Чешских землях только в населенных пунктах, насчитывавших менее 200 человек (на их долю приходилось менее 6 % населения Чехии и Моравии), большинство жителей занимались сельским хозяйством, а во всех остальных — большая часть трудилась в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства; правда, в экономически менее развитой Словакии в сельском и лесном хозяйстве была занята основная масса экономически активного населения тех городов и поселков, где проживало менее 2000 жителей (в них было сосредоточено почти 54 % населения Словакии) [5, с. 67].

Наконец, об относительно высоком уровне социально-экономического развития Чехословакии на исходных рубежах социалистического строительства свидетельствует и то, что в населенных пунктах городского типа проживало более половины ее населения (в 1950 г. — 51,5 %) — меньше, чем в ГДР (71 %), но значительно больше, чем в Венгрии (38 %), Польше (37 %), Болгарии (27 %) и Румынии (25 %) [4, 1970, с. 10].

Все это, естественно, обусловило значительное преобладание рабочего населения в социальной структуре чехословацкого общества уже накануне преобразований, которые составляют суть переходного от капитализма к социализму периода. По данным переписей населения 1946 г. (в Словакии) и 1947 г. (в Чешских землях), т. е. к моменту, когда народное хозяйство Чехословакии было в основном восстановлено, но еще не были завершены начавшиеся уже вскоре после освобождения процессы социалистических преобразований в промышленности, на долю рабочих, мастеров и технического персонала приходилось почти 59 % экономически активного населения страны. Причем $\frac{3}{5}$ чехословацкого рабочего класса было сосредоточено в промышленности и строительстве [6, с. 393], где обстановка производственного процесса и социальной жизни наиболее благоприятствовала формированию у рабочих таких черт, типичных для класса-созидателя, как организованность, коллективизм, дисциплинированность, политическая и трудовая активность. К тому же среди чехословацких рабочих практически не было неграмотных, большинство их получало 4—6-классное образование в так называемых городских училищах и коммунальных школах, а 15—20 % рабочих прошло сверх того обучение в профессиональных учебных заведениях [7, с. 115, 119, 251]. Поэтому уже на начальном этапе социалистического переустройства страны развитие рабочего класса определялось не столько его количественным ростом², сколько сдвигами в структуре и составе кадров. С одной стороны, на этот процесс влияли такие важнейшие социально-экономические преобразования, как национализация промышленности и других ведущих отраслей народного хозяйства, аграрная реформа и последующая коллективизация сельского хозяйства. С другой стороны, он был обусловлен необходимостью преодоления диспропорций в структуре промышленности, доставшихся в «наследство» от буржуазной республики и углубленных в период оккупации, а также создания современной промышленности

² Характерно, что количество рабочих и служащих в 50-е годы только в ГДР росло медленнее, а во всех остальных европейских социалистических странах — быстрее, чем в СССР [4, 1971, с. 381].

в экономически отсталых районах, в первую очередь в Словакии [8, с. 291; 9, с. 493]. В свою очередь, рост рабочего класса был важной предпосылкой успешного осуществления этих задач.

Важным итогом и одновременно существенным фактором развития рабочего класса Чехословакии в рассматриваемый период был ускоренный рост промышленного производства: в 1960 г. оно превысило уровень 1948 г. в 3,7 раза (при том, что валовый общественный продукт вырос в 2,7 раза). Опережающими темпами развивалось и строительство: в 1960 г. объем строительных работ был в 4,3 раза большим, чем в 1948 г. [10, 1980, с. 20—33]. И хотя на протяжении этих лет заметно выросла производительность общественного труда (в промышленности в 1,9 раза, в строительстве в 2,2 раза), все же важным фактором ускоренного роста индустриального производства было также увеличение численности рабочих: в промышленности за период 1949—1960 гг. более чем на 40%, а в строительстве — на 64% [10, 1980, с. 28—29, 32—33].

Социалистическая перестройка народного хозяйства Чехословакии дала сильный импульс не только относительно быстрому росту численности рабочих индустриальных отраслей материального производства, но и расширила сферу производственной деятельности рабочего класса. Знаменательно, что между 1950 и 1961 гг., когда были проведены переписи населения Чехословакии, число рабочих, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте, увеличилось на 57% (с 1625 до 2552 тыс. человек), в сельском и лесном хозяйстве — на 46% (с 263 до 385 тыс. человек), а в отраслях обслуживания — на 63% (с 260 до 423 тыс. человек). В целом удельный вес рабочих в общей численности экономически активного населения за это время повысился с 46,7 до 52,2%³.

Таблица 1

Численность рабочих, занятых в народном хозяйстве Чехословакии, и их распределение по отраслям народного хозяйства в 1950 и 1961 гг. (по данным переписей населения) [5, с. 76]

Отрасли народного хозяйства	Чехословакия		Чешские земли		Словакия	
	1950	1961	1950	1961	1950	1961
Всего рабочих тыс. человек	2170	3361	1664	2499	506	862
%	100	100	100	100	100	100
Промышленность	59,0	56,4	64,9	60,4	39,6	44,4
Строительство	10,0	11,8	7,6	9,7	18,2	17,9
Транспорт	5,9	7,7	5,5	7,2	7,1	9,3
Сельское и лесное хозяйство	12,1	11,5	8,9	9,8	22,7	16,3
Торговля	5,0	3,9	5,2	4,0	4,5	3,6
Прочие отрасли	8,0	8,7	7,9	8,9	7,9	8,5

Данные таблицы свидетельствуют, что отраслевая структура чехословацкого рабочего класса в 50-е годы не претерпела существенных изменений, хотя некоторые сдвиги все же произошли: удельный вес рабочих, занятых в промышленности, снизился, а в строительстве и на транспорте, наоборот, повысился; уменьшилась доля работающих в сельском и лесном хозяйстве, а также в торговле, тогда как доля рабочих прочих отраслей обслуживания увеличилась. Вместе с тем важно отметить два обстоятельства.

Во-первых, численность рабочих в Словакии росла относительно быстрее, чем в Чешских землях (соответственно, в 1,7 и в 1,5 раза); к тому же, если в более развитых в экономическом отношении Чешских землях удельный вес индустриального ядра рабочего класса практически не изменился (при снижении доли промышленных рабочих), то в Словакии, где индустриализация протекала весьма интенсивно, удельный вес рабочих промышленности и транспорта существенно повысился, а рабочих строи-

³ Расчет произведен по данным табл. 1.

тельства (и без того очень высокий, что характерно для стран и регионов, развертывающих крупномасштабное капитальное строительство) остался на том же высоком уровне; одновременно доля рабочих сельского и лесного хозяйства уменьшилась почти на $\frac{2}{5}$.

Во-вторых, произошли значительные изменения в отраслевой структуре промышленного отряда рабочего класса Чехословакии. Численность рабочих в машиностроении и металлообработке в 1949—1960 гг. выросла на 85% (а их доля в общей численности промышленных рабочих увеличилась с 23,6% до 32%), рабочих же, занятых в текстильной и пищевой промышленности, в 1960 г. было практически столько же, сколько в 1948 г. (соответственно, их удельный вес понизился с 25,9% до 19,1%) [10, 1961, s. 160].

Количественный рост рабочего класса Чехословакии во второй половине 40-х и в 50-е годы, совершенствование его отраслевой и территориальной структур (наряду с коренным изменением его положения в системе общественного производства) обусловили существенное повышение его роли главной производительной силы общества, осуществляющего строительство основ социализма. С теми же факторами было связано и возросшее воздействие рабочего класса на последовательное преобразование социальной структуры чехословацкого общества в структуру социалистического типа.

Победа социалистических производственных отношений в городе и деревне способствовала полному преодолению остаточных социально-экономических противоречий между различными группами трудящихся. Это привело к значительному усилению процессов социальной мобильности (которую усиливали также осуществление программ социалистической индустриализации и коллективизации мелких товаропроизводителей), что было крайне важно для обеспечения количественного роста рабочего класса. В свою очередь, потребность в увеличении численности промышленных, строительных, транспортных и других рабочих явилась важным стимулом для активизации социальных перемещений. При этом следует иметь в виду, что эта потребность была обусловлена не только непосредственными нуждами народного хозяйства, но и тем, что на этапе строительства основ социализма в Чехословакии произошло значительное расширение группы служащих, т. е. работников преимущественно умственного труда (включая и так называемых служащих-неспециалистов).

По данным переписей, проведенных в 1946 г. в Словакии и в 1947 г. в Чешских землях, на долю служащих приходилось 15,8% экономически активного населения страны; к 1961 г., согласно данным переписи населения, эта доля составила уже 29% [6, с. 393, 404]. Ясно, что процесс интенсивного роста числа служащих мог развиваться только потому, что происходил массовый переход рабочих — самой многочисленной группы чехословацкого общества — в аппарат управления государством и народным хозяйством, в сферы обслуживания и духовного производства. Так, среди опрошенных в 1967 г. специалистов, которые начали трудовую деятельность в довоенное время, не более $\frac{1}{4}$ были прежде рабочими, среди тех, кто стал трудиться в 1946—1952 гг., их было уже более $\frac{1}{3}$, а среди включившихся в производство в 1952—1960 гг. — более $\frac{2}{5}$; среди служащих-неспециалистов тех, кто начинал трудиться в качестве рабочего, было в соответствующих возрастных группах $\frac{2}{5}$, $\frac{3}{5}$ и $\frac{2}{3}$ [11, с. 46].

В связи с тем, что численность рабочего класса росла достаточно быстро, а многие кадровые рабочие становились служащими, возросла роль внешних источников его пополнения, самым значительным из которых было крестьянство. Процесс перехода крестьян в ряды рабочего класса принял такой размах, что их численность и удельный вес в социальной структуре чехословацкого общества стали быстро уменьшаться: в 1950 г. 2,5 млн крестьян составляли более 20% населения страны, а в 1961 г. их осталось менее 2 млн человек, т. е. 14% [10, 1972, s. 103]. О масштабах этого процесса свидетельствуют также данные об изменении численности занятых в основных отраслях народного хозяйства Чехословакии. Так,

если количество работников в промышленности увеличилось в 1949—1960 гг. на 623 тыс. человек, в строительстве — на 248 тыс., а во всех несельскохозяйственных отраслях вместе — на 1291 тыс. человек, то в сельскохозяйственном производстве — уменьшилось на 771 тыс. человек [10, 1974, с. 22]. Следовательно, убыль занятых в сельском хозяйстве составляла почти 60% прироста численности работников несельскохозяйственных отраслей, в том числе тех, которые являлись главной сферой производственной деятельности рабочего класса. Конечно, вчерашние крестьяне и дети крестьян становились не только рабочими, но и служащими, работниками промысловой кооперации и т. д., но основная их масса переходила в ряды рабочего класса. Так, среди опрошенных в 1967 г. рабочих 26,5% составляли выходцы из семей мелких и средних крестьян [11, с. 40].

Интенсивному перемещению крестьян в ряды рабочего класса во многом способствовала коллективизация сельского хозяйства, которая, в частности, обеспечивала более эффективное использование труда и, соответственно, высвобождение большего или меньшего числа работников для промышленности, строительства, других «городских» отраслей народного хозяйства. Вместе с тем одним из результатов социалистического общественного производства было перемещение в ряды рабочего класса представителей экспроприированной буржуазии, мелких торговцев и части ремесленников. Как показали результаты опроса 1967 г., 2,1% опрошенных рабочих были выходцами из буржуазных слоев, а 5,5% — из городской мелкой буржуазии [11, с. 40]. В 50-е годы их было, скорее всего, еще больше, поскольку в 1946/1947 гг. в составе экономически активного населения насчитывалось более 400 тыс. капиталистов и мелких предпринимателей, а в 1961 г. капиталистов не осталось вовсе, мелких же предпринимателей (вместе с лицами свободных профессий) было 12—13 тыс. человек [5, с. 76; 6, с. 393, 404].

Рабочими становились и многие служащие. Так, согласно подсчетам чехословацких социологов, в 1952—1960 гг. почти 22% служащих, изменив свое профессиональное положение, перешли в категорию рабочих [11, с. 38], и этого нельзя не принимать в расчет при анализе социального развития рабочего класса Чехословакии на этапе строительства основ социализма, хотя, конечно же, встречный поток — из рабочих в служащие — был гораздо более интенсивным.

Вовлечение в индустриальные отрасли народного хозяйства значительных масс людей, более или менее далеких от ценностей и интересов рабочего класса, не знакомых или слабо знакомых с принципами индустриальной организации производства, создавало опасность ослабления традиций пролетарской организованности и дисциплинированности, политической и трудовой активности. Тем большее значение имел тот факт, что в количественном росте рабочего класса большую роль играли процессы воспроизводства на собственной основе, т. е. за счет выходцев из рабочей же среды (у 55,5% опрошенных в 1967 г. отцы были из рабочих семей [11, с. 40]). Именно в это время в общественное производство втягивались не работавшие прежде женщины, в том числе жены и дочери рабочих. Конечно, многие из них становились служащими, но поток женщин из рабочих семей в собственно рабочие профессии был достаточно большим. В результате существенно увеличилась экономически активная, т. е. занятая в общественном производстве, часть рабочего класса: в 1950 г. она составляла 31,2% от общей численности всех рабочих как общественной группы населения, в 1961 г. — уже 43,4%. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Чешских землях, где удельный вес экономически активной части рабочего класса вырос в 1,5 раза — с 31,7% до 46,2%; он был значительным, но менее интенсивным в Словакии (с 29,7% до 37%), где в пополнении рабочего класса большую роль играло крестьянство [10, 1972, с. 103; 5, с. 76].

Численность женщин, занятых в народном хозяйстве Чехословакии, увеличилась в 1949—1960 гг. на 503 тыс. человек, тогда как мужчин — только на 11 тыс. [10, 1961, с. 67]. В результате доля женщин в общей чис-

ленности занятых повысилась с 37,8% до 42,7%. И если в конце 40-х годов лишь 55—60% женщин трудоспособного возраста (15—54 лет) было вовлечено в общественное производство, то в начале 60-х годов — уже около 86% [10, 1961, с. 67].

Важным аспектом усиления социального и производственного потенциала чехословацкого рабочего класса, возрастания его вклада в решение экономических задач и в преобразование социальной структуры общества было последовательное повышение общей и профессиональной культуры как кадровых рабочих, образующих ядро рабочего класса, так и «новобранцев». Причем этот процесс развивался на весьма прочном фундаменте всеобщей грамотности всех слоев населения Чехословакии, достигнутом еще на предшествующих этапах ее истории.

И все же этот уровень образованности трудящихся можно назвать лишь сравнительно высоким (относительно большинства других стран, приступивших к социалистическим преобразованиям при весьма большом числе неграмотных или малограмотных). Для решения производственно-экономических, социально-политических и культурно-идеологических задач даже начального этапа социалистического строительства необходимо было постоянное — и весьма существенное — повышение уровня культуры трудящихся, и прежде всего рабочего класса. Поэтому одним из важнейших направлений социальной политики КПЧ и народной власти сразу же стали вопросы демократизации народного образования, дальнейшего развития школьного дела и профессиональной подготовки как молодежи, так и уже занятых в общественном производстве людей [12].

В результате в поколениях рабочих, вступивших в трудовую жизнь после установления народной власти, существенно сократилось число лиц, не получивших так называемого основного образования (в объеме 8—9 классов): они составляли почти $\frac{1}{3}$ в поколении 1910-х годов рождения, $\frac{1}{4}$ — 1920-х, $\frac{1}{8}$ — 1930-х годов рождения (вступившем в общественное производство главным образом в конце 40-х и в 50-е годы), и лишь 3—4% в следующем поколении, которое начинало самостоятельную трудовую жизнь уже в 60-е годы. Не менее важно и то, что среди рабочих не просто росла доля окончивших основную школу, но и повышался удельный вес получивших на ее базе систематическую профессиональную подготовку — чаще всего в фабрично-заводских школах и в специальных учебных заведениях, не дающих среднего образования: они составляли в перечисленных выше возрастных группах рабочих соответственно 39%, 41, 47 и 56%. В рассматриваемый период наметилась и тенденция к увеличению доли рабочих, получивших среднее образование (главным образом в средних специальных учебных заведениях): их было по 2—3% в поколениях, начинавших трудовую жизнь до победы революции, стало более 4% в поколении 1930-х годов рождения, а в поколении 1940-х годов рождения — уже свыше 7% [13, с. 67; 5, с. 134].

В результате в составе рабочего класса Чехословакии постоянно росла доля так называемых выученных рабочих, т. е. рабочих, получивших систематическую профессиональную подготовку в специальных учебных заведениях; за послевоенное 15-летие их окончил несколько сот тысяч юношей и девушек, а еще многие тысячи рабочих обучились новым профессиям или повысили квалификацию на разного рода курсах, в школах передового опыта и т. д. [14, с. 43—46]. Если среди рабочих 1916—1920 годов рождения, вступивших в общественное производство в 30-е годы, выученные рабочие составляли 34%; то среди тех, у кого начало трудовой деятельности совпало с началом социалистических преобразований в Чехословакии (годы рождения 1931—1935), выученных рабочих было 42%, а в возрастной группе, достигшей трудоспособного возраста в завершающие годы переходного периода (годы рождения 1941—1945), этот показатель повысился уже до 55% (табл. 2). Причем наряду с общей задачей повышения профессиональной квалификации рабочего класса необходимо было: во-первых, ликвидировать различия в профессиональной подготовке рабочих Чешских земель и Словакии, а, во-вторых, подтянуть уровень профессиональной квалификации женщин-работниц до уровня рабочих муж-

Выученные рабочие в возрастных группах работников физического труда (%) *
[5, с. 80; 10, 1972, с. 84].

Возрастные группы, г. р.	Все выученные рабочие	Мужчины		Женщины	
		Чешские земли	Словакия	Чешские земли	Словакия
1911—1915	31,1	47,7	31,8	12,9	9,6
1916—1920	33,8	48,6	37,5	16,9	12,5
1921—1925	36,1	51,2	42,7	17,4	14,2
1926—1930	39,6	55,0	51,1	18,6	15,9
1931—1935	41,8	57,3	60,2	17,7	17,2
1936—1940	46,7	61,6	65,1	23,3	22,4
1941—1945	54,8	65,6	68,7	39,5	31,5

* В общей численности работников физического труда члены единых сельскохозяйственных кооперативов составляли в 1970 г. около 11%.

чин. Первая — как это видно из табл. 2, была решена уже на рубеже 40-х и 50-х годов. Вторая из этих задач не была окончательно решена и к концу 50-х годов, однако, на протяжении этого десятилетия была в значительной мере преодолена диспропорция между квалификацией рабочих — мужчин и женщин: в поколении 1931—1935 годов рождения доли выученных рабочих среди мужчин была втрое большей, чем среди женщин, а в поколении 1941—1945 годов рождения лишь вдвое.

И все же возрастание притока выученных (квалифицированных) рабочих в народное хозяйство Чехословакии не привело к существенному повышению удельного веса этих рабочих в составе рабочего класса. Дело в том, что среди рабочих, переходивших в категорию служащих, численно преобладали именно квалифицированные рабочие: в 1946—1952 гг. служащими стали 13,3% квалифицированных рабочих и в 1952—1960 гг. — еще 11,3%, тогда как переходы из других групп рабочего класса были менее интенсивными [5, с. 85]. К тому же в то время особенно быстро увеличивались и абсолютная численность и относительная доля так называемых обученных (иначе говоря — полуквалифицированных) рабочих, проходивших профессиональную подготовку непосредственно на производстве и овладевших лишь определенным набором навыков и приемов работы на сравнительно простом оборудовании. Это было неизбежно в условиях, когда значительную часть рабочего класса Чехословакии составили выходцы из крестьянства и женщины, прежде не занятые в общественной производстве.

Динамику квалификационной структуры чехословацкого рабочего класса с середины 40-х до конца 50-х годов рельефно отображает соотношение квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих в общей численности всех рабочих Чехословакии и отдельно Чешских земель и Словакии (табл. 3) ⁴. Как видно, удельный вес квалифицированных рабочих на первом этапе строительства основ социализма (1946—1952) заметно снизился, а затем (в 1952—1960 гг.) стал медленно расти; одновременно доля полуквалифицированных рабочих постоянно увеличивалась (интенсивнее на начальном этапе рассматриваемого периода), а доля неквалифицированных рабочих (подсобных, вспомогательных) — падала (интенсивнее на заключительном его этапе). В целом профессионально-квалификационный потенциал чехословацкого рабочего класса за послевоенное пятнадцатилетие заметно усилился. Особенно большой прогресс был характерен для рабочего класса Словакии, где удельный вес квалифицированных рабочих повысился на 4—5 процентных пунктов, полуквалифицированных — на 11—12 пунктов, а доля неквалифицированных снизилась, соответственно, на 16 пунктов;

⁴ В советской исторической литературе уже приводились данные о доле различных квалификационных групп рабочих в общей численности занятых в народном хозяйстве Чехословакии, выявленные чехословацкими социологами в 1967 г. [14, с. 46, 47]. Представляется, однако, что более содержательную картину позволяет получить пересчет этих данных для выявления квалификационного состава самого рабочего класса.

Квалификационная структура рабочего класса Чехословакии в 1946, 1952 и 1960 гг. (% по данным микроценса 1967 г.) [11, с. 62].

Годы	Чехословакия			Чешские земли			Словакия		
	К	П	Н	К	П	Н	К	П	Н
1946	45,3	27,2	27,5	52,3	27,4	20,3	28,8	26,8	44,4
1952	41,7	33,7	24,6	46,9	33,5	19,6	29,9	36,1	34,0
1960	42,5	38,0	19,5	47,0	37,6	15,4	33,5	38,4	28,1

К — квалифицированные рабочие

П — полуквалифицированные

Н — неквалифицированные

в целом его квалификационная структура существенно сблизилась с той, которая уже была достигнута в Чешских землях.

Важным аспектом и показателем социального развития рабочего класса при социализме является также систематическое повышение уровня жизни рабочих семей. Достижение новых, более высоких рубежей благосостояния, с одной стороны, вызывает чувство удовлетворения от того, что все завоевания на этом пути — дело рук самих трудящихся, закономерный итог социалистического переустройства общественных отношений, укрепляет в рабочих социальную уверенность и убежденность в необходимости активно участвовать в строительстве и развитии экономики социализма. А с другой стороны, рост благосостояния рабочих семей, расширение масштабов реального потребления обуславливает формирование новых потребностей трудящихся и такой трансформации самой их структуры, когда на первый план выдвигается стремление к активной социальной и культурной деятельности, самосовершенствованию, гармоническому развитию всех сторон человеческого бытия. Иначе говоря, рост благосостояния способствует совершенствованию тех свойств рабочих, которые и обеспечивают рабочему классу роль ведущей силы социального прогресса.

Конечно, первоначально чехословацкое народное государство (как и другие страны, только что вступившие на путь социалистических преобразований) не располагало средствами, достаточными для того, чтобы решать весь комплекс проблем благосостояния народных масс. Однако радикальный перелом в социально-экономическом положении рабочего класса и большинства других групп трудящихся принесла уже сама социалистическая революция тем, прежде всего, что ликвидировала эксплуатацию человека человеком и поставила трудящихся в положение собственника всех основных средств производства. Для рабочего класса огромное значение имела и целая серия последующих преобразований, результатом которых были систематическое улучшение условий труда, повышение доходов, реорганизация на новых, социалистических основах систем здравоохранения, народного образования, социального обеспечения.

Были приняты меры для стабилизации и последующего сокращения рабочей недели. Шестидневная 48-часовая рабочая неделя, узаконенная в Чехословакии еще в 1918 г., но фактически не применявшаяся в ряде отраслей народного хозяйства, после взятия рабочим классом власти в 1948 г. была распространена на все отрасли материального производства, а постепенно и на непромышленную сферу. В 1956 г. продолжительность рабочей недели в народном хозяйстве Чехословакии была сокращена до 46 часов. Было полностью реализовано право на отпуск, устранены все проявления прежней дискриминации и для всех трудящихся был установлен отпуск продолжительностью 2—4 недели в зависимости от возраста работника и его трудового стажа [15, с. 221—223].

Несмотря на большие хозяйственные трудности первых лет осуществления социалистических преобразований, народное государство приняло меры для повышения минимальной (или, как ее называли рабочие, «голодной») заработной платы, а также зарплаты женщин-работниц. На про-

тяжении всего периода строительства основ социализма заработная плата всех категорий рабочих и служащих росла систематически. Номинальная зарплата работников социалистического сектора народного хозяйства в 1960 г. превышала уровень 1948 г. в среднем в 1,7 раза [10, 1963, s. 165; 1972, s. 247].

Важную роль в росте благосостояния всего населения Чехословакии и прежде всего рабочего класса сразу же стали играть поступления из общественных фондов потребления, получившие широкое развитие именно с началом социалистических преобразований. Конечно, например, страхование работников по случаю временной нетрудоспособности имело в этой стране более или менее давнюю традицию, однако в буржуазный период ее истории оно отличалось дифференцированностью, дискриминацией рабочих по сравнению с государственными служащими, низким уровнем пособий для рабочих. После февральской победы 1948 г. были устранены все сословные привилегии служащих, государственное страхование стало проводиться на предприятиях, а контроль за его реализацией был возложен на профсоюзы. Система пенсионного обеспечения возникла в Чехословакии также еще в довоенный период, но и она носила классовый характер — разумеется, не в пользу рабочего класса⁵. Ее реорганизация была осуществлена в соответствии с законом от 1 октября 1948 г., а затем она неоднократно модифицировалась, чтобы полнее отвечать новым условиям и принципам социалистической социальной политики (характерно, в частности, что в 1949—1960 гг. общее число выплаченных пенсий увеличилось более чем на $\frac{3}{4}$, а размер месячной пенсии в среднем на $\frac{4}{5}$ — с 229 до 412 крон; причем средний размер месячной пенсии составлял в 1948 г. 27,8% относительно средней месячной зарплаты рабочих и служащих, а в 1960 г. — 30,2% [10, 1980, s. 22—23; 38—39]).

По мере успехов социалистического строительства в области экономики и накопления общественного богатства систематически возрастала сумма выплат и пособий из общественных фондов: выплаты по больничному страхованию, пособия на детей, на санаторное лечение и т. п. составляли в 1950 г. 2,6 млрд крон, а в 1960 г. — более 7,5 млрд [10, 1980, s. 41].

Повышение уровня доходов трудящихся имеет смысл только в том случае, если оно способствует росту потребления материальных и духовных благ, различного рода услуг. Поэтому важным показателем сдвигов в этой сфере жизни населения Чехословакии служит, в частности, улучшение его питания, совершенствование его структуры. Так, довоенный уровень питания (в среднем около 2500 калорий в день, или 85% рекомендуемого уровня), который значительно снизился в годы оккупации, был восстановлен в первой половине 50-х годов, и в 1956 г. на одного жителя приходилось в среднем уже 3100 калорий. Особенно быстро росло потребление продуктов, богатых белками; потребление мяса на душу населения составляло в 1948 г. 28,8 кг, а в 1960 г. уже 56,8 кг (норма — 76,3 кг), яиц соответственно — 114 и 179 штук (норма — 292 штуки), между тем потребление муки в год на одного человека составляло в 1949 г. 168 кг, в 1955 г. — 185,1 кг, а в 1960 г. — 167,3 кг (норма — 95 кг) [10, 1961, s. 389].

Все лучше удовлетворялись потребности в товарах промышленного производства, особенно в прежде мало распространенных предметах длительного пользования. Так, в 1937 г. один пылесос приходился на 64 человека, а в 1960 г. — на 14; электрическая стиральная машина — соответственно на 102 и на 6 человек; холодильник — на 560 и на 30 человек; телевизор в 1956 г. приходился на 139 человек, а в 1960 г. — уже только на 4 [10, 1961, s. 394].

В меньшей мере удовлетворялась потребность в жилье. Это было обусловлено прежде всего тем, что народная Чехословакия получила в на-

⁵ В 1937 г. пенсии, выплаченные служащим, составляли 70% всех пенсионных выплат, хотя доля их страховых взносов равнялась 34%; рабочим же выплачивалось примерно 14% страхового фонда при доле их страховых взносов около 53%. Средняя годовая пенсия государственного служащего равнялась 11,7 тыс. крон, а рабочего — 1,4 тыс. [16, s. 120].

следство чрезвычайно устаревший жилой фонд: более 2 млн домов (из общего числа 3,6 млн) были старше 70 лет, да и большая часть домов, построенных в 1920—1938 гг., не соответствовала требованиям современного уровня гигиены и культуры жилья. Вместе с тем и первые послевоенные годы характеризовались низкими темпами прироста жилого фонда: в 1948—1955 гг. было построено только 284 тыс. квартир, т. е. в год около 3 квартир на 1000 жителей [17, с. 148]. Поэтому во второй половине 50-х годов жилищная проблема приобрела острый характер. Решения IX съезда КПЧ (1958) и последующие постановления центральных органов по вопросам жилищного строительства внесли перелом в ход осуществления этой проблемы: показательно, что в 1960 г. число построенных квартир вдвое превышало соответствующий показатель первой половины 50-х годов [18, с. 160].

Следовательно, социальное развитие чехословацкого рабочего класса на этапе строительства основ социализма явилось своего рода результирующей, с одной стороны, достаточно высокого исходного уровня экономического и культурного развития Чехословакии в периоды ее истории, предшествующие ее освобождению в 1945 г. и февральской победе рабочего класса в 1948 г., а с другой стороны, и в еще большей мере — новых, гораздо более благоприятных условий этого процесса в социалистическом обществе. Среди этих новых условий одинаково большое значение имели как последствия социалистической перестройки народного хозяйства и кооперирования мелких товаропроизводителей, преобразования в области народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, так и тот факт, что рабочий класс стал классом, творящим новый облик своей страны и новый уклад жизни своего народа. В результате существенно усилился вклад рабочего класса в строительство основ социализма, повысилась его подготовленность к решению еще более сложных задач построения развитого социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. О 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Постановление ЦК КПСС.— Правда, 1984.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Недорезов А. И. Рабочий класс Чехословакии — ведущая сила в создании социалистического общества.— В кн.: Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Сухарев В. В. Рабочий класс социалистической Чехословакии. М., 1980.
4. Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М.
5. Charvát F., Linhart J., Večerník J. Sociálně třídní struktura Československa. Praha, 1978.
6. Гулакова М., Вечерник Й. Социальное развитие рабочего класса в социалистической Чехословакии.— В кн.: Развитие рабочего класса стран социалистического содружества. Будапешт, 1978.
7. Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII в. — 30-е годы XX в.). М., 1971.
8. Зародков К. И. Ленинизм и современные проблемы борьбы за социализм. М., 1970.
9. Lehar B. Socialistická industrializace a přestavba průmyslu v evropských lidově demokratických státech ve druhé polovině 50 let.— Slovanský přehled, 1981, № 6.
10. Statistická ročenka CSSR. Praha.
11. Sociální struktura CSSR a její vývoj v 60 letech. Praha, 1972.
12. Небесник И. М. На путях развития чехословацкой школы. М., 1978; Школа европейских стран социализма: послевоенное развитие и современные проблемы. М., 1976; Омеляненко Б. Л. Профессионально-техническое образование в зарубежных странах. М., 1975.
13. Гулакова М., Вечерник Й. Рабочий класс СССР: тезисы, динамика, перспективы.— Рабочий класс и современный мир, 1981, № 2.
14. Шленова Н. А. Рабочий класс Чехословакии в годы строительства основ социализма (численность, состав, структура). М., 1977.
15. Chyba A. Postavení dělnické třídy v kapitalistickém Československu. Praha, 1972.
16. Sociální jistoty v CSSR. Praha, 1975.
17. Životná úroveň. Bratislava, 1975.
18. 30 let budování CSSR. Bratislava, 1976.

ГИБИАНСКИЙ Л. Я., МУРАШКО Г. П., ПАРСАДАНОВА В. С.

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Разгромом гитлеровской Германии и возглавлявшегося ею агрессивного блока увенчалась героическая борьба народов против фашизма во второй мировой войне. Решающий вклад в великую победу внес Советский Союз. Значительным явился и вклад народов Центральной и Юго-Восточной Европы, поднявшихся против фашистской оккупации либо фашистских режимов государств-сателлитов Германии. В постановлении ЦК КПСС к 40-летию победы подчеркивается, что самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками бойцы воинских соединений и партизанских армий и отрядов Югославии, Польши, Чехословакии, патриоты Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, участники движения Сопротивления и антифашистского подполья [1].

В антифашистское движение Сопротивления, выражавшее коренные интересы народов Центральной и Юго-Восточной Европы, втягивались широкие слои населения. Наиболее интенсивно этот процесс с самого начала шел в странах, подвергшихся фашистской оккупации, — Югославии, Польше, Албании, Чехословакии, Греции. За исключением крайне реакционных коллаборационистских элементов и подпадавших под их влияние некоторых наиболее отсталых слоев, подавляющая часть народа в оккупированных странах связывала свое будущее с уничтожением чужеземного гнета, изгнанием фашистских захватчиков, восстановлением государственной самостоятельности.

В странах-сателлитах (Венгрии, Румынии, Болгарии), а также в марионеточных государствах, созданных под эгидой фашистских агрессоров в Словакии и Хорватии, правящей верхушке удалось на некоторое время дезориентировать в одних случаях более, в других — менее значительные группы населения. Важную роль здесь играла националистическая и шовинистическая демагогия, представлявшая территориальные захваты, осуществленные в союзе с Гитлером хортистской Венгрией, диктатурой Антонеску в Румынии и монархо-фашистской Болгарией, как достижение «национального идеала», а создание людацкого режима в Словакии и усташского в Хорватии как «национальное освобождение» и приобретение «независимости». Однако реакционное, антинародное существо фашистских режимов стран-сателлитов и марионеточных государств, антинациональный характер их политики, полная бесперспективность их прогитлеровского курса, ведшего в тупик, становились все более очевидными не только для передовых общественных сил, но и для самых широких слоев народа, особенно по мере того, как суровая действительность войны развеивала националистическую демагогию и неотвратимо надвигалось поражение Германии и всего гитлеровского блока.

Развертывавшееся движение Сопротивления принимало различные формы: саботажа, забастовочного движения, национальных и политических манифестаций, диверсионных актов, наконец, вооруженной борьбы — партизанского движения и восстаний. В разных странах Центральной и Юго-Восточной Европы оно началось и протекало по-разному, в зависимости от конкретно складывавшихся условий. Однако в целом оно приобрело широкий размах после вступления в войну Советского Союза в июне 1941 г., под влиянием возникшей в результате этого новой обстановки, оказывавшей особенно сильное и непосредственное воздействие на указанный регион, географически наиболее близкий к СССР.

Борьба на советско-германском фронте, победы Красной Армии под Сталинградом и Курском, обозначившие коренной перелом в ходе войны, изгнание гитлеровцев из пределов СССР и вступление советских войск в страны Центральной и Юго-Восточной Европы явились важнейшими факторами, повлиявшими на дальнейшее развертывание движения Сопротивления. Огромное значение имела всемерная политическая, пропагандистская, а затем и прямая военная помощь Советского Союза народам этих стран в антифашистской освободительной борьбе (подробнее см. [2]).

В условиях, когда положение на мировой арене и, прежде всего, в Европе определялось борьбой между фашистским блоком и антигитлеровской коалицией, а в каждой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся под господством фашизма, первоепенное общенациональное значение приобретал вопрос об отношении к фашистскому «новому порядку» и гитлеровскому диктату, на антигитлеровскую позицию вставали — в одних случаях раньше, в других позже — самые разные общественные слои и политические группировки, заинтересованные в освобождении и восстановлении государственной самостоятельности оккупированных стран либо ликвидации сателлитских связей с Германией. Общим для них было то, что по этим своим целям все они в конечном счете противостояли Германии и возглавляемому ею блоку и ориентировались на страны антигитлеровской коалиции. Однако в отношении как путей осуществления данных целей, так и своих конкретных национально-государственных и общественно-политических устремлений эти совершенно разные в социально-классовом отношении силы занимали различные, подчас противоположные позиции. Это проявилось и в движении Сопротивления, которое в ряде стран региона характеризовалось возникновением разных социально-политических центров, выдвинувших весьма отличные друг от друга программы освобождения.

Наиболее активной и радикальной антигитлеровской, антифашистской платформой была линия коммунистов и группировавшихся вокруг них левых сил.

Коммунистические и рабочие партии Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Польши выступили последовательными борцами против оккупации, призвали народы своих стран к развертыванию борьбы за освобождение от гнета фашистских захватчиков и их пособников, за восстановление государственной самостоятельности. Такую позицию сразу же, начиная с момента оккупации в 1939 г., заняло руководство КПЧ, которое заявило о «национальном сопротивлении», о необходимости поднаться против гитлеризма, бороться за «восстановление полной свободы и самостоятельности», за «свободную Словакию в свободной Чехословакии» [3, с. 67—72]. В первых же документах, изданных после фашистского нападения на Югославию и ее оккупации весной 1941 г., КПЮ категорически отвергла расчленение страны и призвала югославские народы к совместной борьбе против захватчиков и их прислужников [4, т. II, кн. 2, с. 7—23]. После оккупации Греции гитлеровцами и их сообщниками по фашистскому блоку (апрель — май 1941 г.) руководство КПГ выдвинуло лозунг организации всенародной борьбы за национальное освобождение [2, с. 388; 5, с. 80—81]. К решительному выступлению против захватчиков, за независимость своих стран сразу же призвали созданные в условиях оккупации Компартия Албании (ноябрь 1941 г.) и Польская рабочая партия (январь 1942 г.) [6, с. 70—72; 7, с. 13].;

Компартии Румынии, Венгрии, Болгарии энергично выступили против антинародной политики фашистских режимов в этих странах, против участия в фашистском блоке, в агрессивной войне на стороне «оси». После ввода в октябре 1940 г. немецких войск в Румынию и присоединения страны в ноябре к Тройственному пакту КИР в январе 1941 г. обратилась к народу с призывом к борьбе против военно-фашистского режима и союза с Германией [8, с. 282]. В апреле 1941 г., после того, как хортистская Венгрия не только вступила в Тройственный пакт, но и приняла участие в нападении на Югославию, КПВ выступила против антинародной, агрессивной политики хортизма, за немедленный разрыв с Гитлером [9, с. 90—91]. Когда 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и монархо-фашистский режим принял решение допустить в страну германские войска, болгарские коммунисты в заявлении от 6 марта категорически осудили этот акт, несущий «неизмеримые бедствия и страдания народу». Столь же категорически партия осудила политику правителей Болгарии в воззвании от 6 апреля 1941 г., когда территория страны, привязанной к «оси», стала одним из плацдармов фашистской агрессии против Югославии и Греции [10, с. 22—26]. Компартии Болгарии, Венгрии и Румынии решительно выступили против фашистского нападения на СССР, участия в этой агрессии Румынии и Венгрии [2, с. 217, 270, 349].

Призывая свои народы подняться против фашистского порабощения, коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы выступили инициаторами активного массового движения Сопротивления как самого действенного, магистрального пути к достижению независимости и свободы. Сообразуясь с конкретными условиями каждой из стран, компартии направили усилия на реализацию этой программы, на развертывание борьбы, принимавшей — в одних случаях раньше, в других позже — все более широкие масштабы и интенсивный характер.

Наибольший размах такая борьба, организуемая коммунистами, получила прежде всего в Югославии, а также в Греции и Албании, где главной формой Сопротивления стало партизанское движение, превратившееся в подлинную освободительную войну с оккупантами и их пособниками.

Особенно крупные размеры это приняло в Югославии. Уже летом — осенью 1941 г. организованные КПЮ партизанские силы начали вооруженную борьбу по всей стране, принявшую характер массового восстания. Восстание и начатая им народно-освободительная война нанесли сильнейший удар всей оккупационно-квислинговской системе, установленной гитлеровцами и их сообщниками в Югославии, превратили страну в постоянный театр военных действий, привели к образованию ряда свободных от врага районов (подробнее см. [11]).

Несмотря на удары со стороны оккупантов и квислинговцев и временные отступления народно-освободительных частей, вооруженная борьба нарастала. К концу 1941 г. в рядах вооруженных народно-освободительных сил, организованных и руководимых КПЮ, насчитывалось уже около 80 тыс. человек, к концу 1942 г. — около 150 тыс., к концу 1943 г. — около 320 тыс., а в сентябре 1944 г., к моменту вступления советских войск и начала полного освобождения страны, — около 400 тыс. бойцов [12, с. 69, 123, 219; 13, с. 60]. Одновременно шел процесс превращения партизанских отрядов в постоянную армию. В декабре 1941 г. началось создание пролетарских и ударных бригад. Они стали ядром народно-освободительной партизанской армии, образованной из партизанских отрядов и частей. А с ноября 1942 г. стали формироваться дивизии и корпуса регулярной Народно-освободительной армии Югославии.

Размах борьбы сопровождался расширением освобожденных районов. Уже осенью 1941 г. на обширной свободной территории в Западной Сербии (так называемая «Ужичкая республика») проживало больше миллиона человек [14, т. I, кн. 1, с. 295]. Несмотря на поражение восстания в Сербии в конце 1941 г., образование свободных районов в других частях страны продолжалось. К концу 1942 г. они составляли $\frac{1}{5}$, к концу

1943 г. — около $\frac{1}{2}$, а к осени 1944 г. — около $\frac{2}{3}$ югославской территории [14, т. I, кн. 2, с. 324—325; 15, с. 633; 16, р. 27].

Во многом сходно, хотя несколько позднее и иными темпами, стала разворачиваться организованная компартиями вооруженная освободительная борьба в Албании и Греции.

В Албании в конце 1941 — начале 1942 г. под руководством коммунистов начинают действовать боевые партизанские и подпольные группы. Постепенное развитие партизанского движения в 1942 — первой половине 1943 г., возникновение более крупных партизанских отрядов привело к середине 1943 г. к формированию постоянных партизанских частей и соединений — батальонов и бригад, к созданию Национально-освободительной армии (НОАА) с единым верховным командованием. С мая 1944 г. в ее составе стали действовать дивизии. Осенью 1943 г. НОАА насчитывала около 15 тыс., а осенью 1944 г., когда в обстановке вступления советских войск на Балканы произошло окончательное освобождение Албании, — около 70 тыс. бойцов [6, с. 117; 17, с. 298]. После оккупации Греции там также началось формирование и развертывание боевых действий партизанских групп и отрядов под руководством КПГ и объединившихся с ней левых сил. В феврале 1942 г. было принято решение об образовании Национально-освободительной армии — ЭЛАС. В конце 1942 г. общая численность регулярных отрядов и резерва ЭЛАС достигала почти 6 тыс. бойцов [5, с. 130—132]. С начала 1943 г. операции ЭЛАС против оккупантов и их прислужников приобрели более широкий характер и охватили почти всю Грецию. В мае 1943 г. ЭЛАС насчитывала свыше 12 тыс. партизан, в марте 1944 г. ее регулярные части достигали примерно 35 тыс. бойцов, а к моменту освобождения от гитлеровцев осенью 1944 г. общая численность ЭЛАС превышала 130 тыс. человек [5, с. 162, 234, 344].

В ходе непрерывно нараставшей борьбы в Албании с конце 1941 — начала 1942 г., а в Греции с весны 1943 г. появляются освобожденные партизанские районы. К концу 1943 г. НОАА и ЭЛАС контролировали уже большую часть территории своих стран, причем несмотря на крупное наступление гитлеровских войск, введенных в Албанию осенью 1943 г. после капитуляции Италии, весной 1944 г. вновь была освобождена почти вся южная и значительная часть центральной Албании [5, с. 194; 6, с. 105—122].

Партизанское движение было организовано также коммунистическими и рабочими партиями в Польше, Болгарии, Чехословакии.

В Польше партизанские отряды, создававшиеся по инициативе коммунистов, объединились в 1942 г. в организацию «Гвардия людова» (ГЛ) и начали боевые действия против гитлеровских захватчиков. Всего в 1942—1943 гг. было организовано 135 отрядов ГЛ. На базе этих сил в начале 1944 г. была создана Армия Людова (АЛ), куда вошел также ряд вооруженных отрядов и групп, находившихся под влиянием других течений левого направления, которые вступили в сотрудничество с Польской рабочей партией (ППР). В середине 1944 г., когда началось освобождение Польши, АЛ, активно борющаяся с врагом, насчитывала во всех своих формированиях до 60 тыс. человек, в том числе в партизанских отрядах — 15 тыс. бойцов. Силы АЛ были объединены в 1944 г. в ряд партизанских бригад и других крупных соединений. Боевая активность ГЛ, а затем АЛ стала важнейшим фактором вооруженной борьбы против гитлеровских оккупантов в Польше [18—20].

В Болгарии партизанское движение, к организации которого компартия приступила с лета — осени 1941 г., хотя не перерастает до сентября 1944 г. из вооруженной борьбы авангарда во всенародную вооруженную борьбу, стало тем не менее особенно усиливаться, становиться в некоторых районах более массовым со второй половины 1943 — первой половины 1944 г. Компартия приступила к организации партизанских отрядов в Народно-освободительную повстанческую армию, к созданию партизанских бригад. Дальнейший подъем освободительной борьбы, важнейшей частью которой было партизанское движение, привел в момент вступления советских войск в Болгарию к восстанию 9 сентября 1944 г. Оно

явилось высшей точкой болгарского движения Сопротивления, победой боевой линии коммунистов, ликвидировало антинародный режим, привело к установлению народно-демократической власти, к переходу Болгарии на сторону антигитлеровской коалиции (подробнее см. [21; 22; 23]).

В движении Сопротивления, организованном чехословацкими коммунистами, вооруженные формы в течение длительного времени из-за сложившихся условий не получили развития. Антифашистская борьба, в частности на территории протектората, развертывалась преимущественно в виде саботажа, диверсий, антигитлеровской пропаганды. В Словакии, где первые попытки организации партизанских групп были предприняты в 1942 г., партизанское движение приобрело более широкий и массовый характер в 1944 г., в Чешских землях оно начало зарождаться с 1943—1944 гг., получив большее развитие к концу войны [3, с. 252—261, 496—537]. Однако курс компартии на активную вооруженную борьбу получил всестороннее воплощение в подготовленных по инициативе и под руководством коммунистов Словацком национальном восстании и Майском восстании чешского народа. Начавшееся в конце августа 1944 г. Словацкое национальное восстание фактически привело к краху марионетного людацкого государства, к созданию обширной свободной территории, которая пала лишь в конце октября 1944 г. под ударами гитлеровских войск, введенных в Словакию. Вооруженная борьба продолжалась затем в форме массовой партизанской войны вплоть до освобождения Словакии советскими войсками (подробнее см. [24; 25]). Нараставшее движение Сопротивления на территории протектората привело в начале мая 1945 г., когда большая часть Чехословакии была уже освобождена Красной Армией, к массовому восстанию чешского народа против гитлеровцев, все еще занимавших основные районы Чехии [3, с. 453—469]. Гитлеровцам не удалось подавить восстание, стремительно наступавшие советские войска вошли 9 мая в Прагу и завершили освобождение Чехословакии.

Курс на развертывание активного движения Сопротивления был взят также компартиями Венгрии и Румынии. Но его реализация разворачивалась в очень сложной обстановке, когда националистическая демагогия хортизма и диктатуры Антонеску воздействовала на значительную часть общества, особенно в первые годы, до поражения фашистских армий под Сталинградом и на Курской дуге. Преодолевая трудности, антифашистское движение в названных странах принимало в основном форму антивоенных выступлений, забастовок, противодействия мероприятиям властей, актов саботажа, разного рода антифашистских манифестаций и антиправительственной агитации. Это движение, чьей ведущей силой были компартии, постепенно становилось одним из факторов, углублявших кризис фашистских режимов, который нарастал по мере поражения гитлеровского блока в 1943—1944 гг. На своем заключительном этапе летом — осенью 1944 г., в обстановке вступления советских войск в Румынию, а затем в Венгрию, антифашистское движение приняло и форму вооруженной борьбы. В Румынии это выразилось в восстании 23 августа 1944 г., которое было проведено по инициативе компартии с участием представителей военных, а также дворцовых кругов в условиях стремительного продвижения Красной Армии по румынской территории. Восстание привело к свержению диктатуры Антонеску, разрыву с Германией и переходу Румынии на сторону антигитлеровской коалиции. В Венгрии в ходе освобождения страны от фашизма советскими войсками в некоторых ее районах стали действовать организованные и руководимые коммунистами партизанские отряды и диверсионные группы, операции которых были направлены на дезорганизацию и подрыв фашистского тыла перед наступлением Красной Армии (подробнее см. [26, т. 2; 27; 28]).

Выступая инициатором активной борьбы за национальное и антифашистское освобождение, коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы взяли линию на создание национальных фронтов, объединяющих все патриотические силы, готовые к действенной борьбе против фашизма.

За такое объединение уже накануне, а затем в ходе восстания 1941 г. энергично выступила КПЮ, поднимая массы на борьбу с оккупационно-квислинговским режимом [4, т. I, кн. 1, с. 25; т. II, кн. 1, с. 11—12]. Этот курс нашел выражение в таких программных документах Компартии Греции, как решения VI (июнь 1941 г.) и VII (сентябрь 1941 г.) пленумов ЦК КПГ, а затем в Учредительном манифесте Национально-освободительного фронта (ЭАМ) в сентябре 1941 г.; в политической программе Компартии Албании и в программе созданного под ее руководством Национально-освободительного фронта, которая была принята в сентябре 1942 г. [5, с. 80—82, 99; 6, с. 70, 80—81]. За создание широкого, в подлинном смысле слова национального фронта уже в момент гитлеровского захвата Чехословакии выступало руководство КПЧ [29, с. 31—33]. Образование антифашистского народного фронта было выдвинуто в качестве задачи руководством Компартии Венгрии весной — осенью 1941 г. [27, с. 186, 227]. К объединению в национальный фронт для борьбы за освобождение призывала сразу же после своего создания ППР в январском заявлении 1942 г., а затем в так называемой «малой декларации» «За что мы боремся?» в марте 1943 г. [7, с. 11—12]. Коммунисты Румынии выдвинули в сентябре 1941 г. платформу единого национального фронта румынского народа, а Болгарская компартия в июле 1942 г. — программу Отечественного фронта Болгарии [28, с. 380—382; 30, с. 31].

Выступая за создание национального фронта, компартии и объединявшиеся вокруг них левые силы в качестве платформы фронта выдвигали на первый план общенациональные, антифашистские, демократические задачи, в решении которых в условиях оккупации Чехословакии, Польши, Югославии, Албании, Греции, подчинения Болгарии, Румынии, Венгрии гитлеровской Германии были объективно заинтересованы широчайшие слои нации, включая как трудящиеся массы, так и — в одних странах большие, в других меньшие — буржуазные слои. Национально-освободительные антифашистские цели легли в основу упомянутых выше программных документов компартий. В то же время эта платформа включала в себя программу революционно-демократической национальной реконструкции, последовательное осуществление которой открывало путь глубоким общественным преобразованиям. Реальная действительность, приведшая народы Центральной и Юго-Восточной Европы к фашистскому порабощению, наглядно показала, что вне такой реконструкции невозможно в будущем обеспечить их прочное национальное существование, независимость и национальные интересы. Вне перспективы ее осуществления невозможно было и успешное разрывание освободительной борьбы против фашизма и гитлеровского диктата.

Так, в Югославии, где освободительное движение получило наибольший размах, эффективное сопротивление оккупационно-квислинговскому режиму требовало максимального объединения югославских народов, которое могло быть осуществлено лишь на основе, принципиально отличной от великосербского режима довоенной монархии, на принципах равноправного межнационального содружества. Другую важнейшую задачу, вставшую перед югославским освободительным движением в первые же месяцы борьбы, — создание системы управления на относительно обширных свободных партизанских территориях — также нельзя было решать на основе восстановления там старой системы власти уже потому, что любая реставрация государственной структуры довоенного великосербского режима была опять-таки абсолютно неприемлема для несербского населения, а в самой Сербии местный административный аппарат королевской Югославии быстро включился в административную систему квислинговского «правительства» Недича. В Чехословакии эффективная, включавшая в том числе и массы словацкого народа борьба против фашистского порабощения и за восстановление свободной Чехословацкой республики также была немыслима на базе восстановления домюнхенской государственной структуры с ее национальным неравноправием. Для широких масс польского народа национальной целью не могло быть восстановление реакционного режима санации, так же как для грече-

ского — диктатуры Метаксаса и реакционной монархии, а для албанского — режима Зогу. Для Болгарии, Румынии, Венгрии неперенным условием освобождения и разрыва с гитлеровской Германией была ликвидация существовавших фашистских режимов.

Таким образом, цели национального и антифашистского освобождения были неотделимы от кардинального изменения прежних (для Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, Греции — довоенных) национально-государственной структуры, государственного и политического устройства. Выражая эту объективно стоявшую перед обществом национальную задачу, концепция освобождения, выдвигаемая коммунистическими и рабочими партиями в качестве платформы национальных фронтов, была нацелена против восстановления в Чехословакии, Польше, Югославии, Албании, Греции и сохранения в Болгарии, Румынии, Венгрии прежнего социально-политического устройства.

С известными вариантами, отражавшими специфику конкретных условий, освободительные программы компартий предусматривали, во-первых, установление в освобожденных от фашизма странах Центральной и Юго-Восточной Европы демократических порядков, осуществление власти самим народом и его свободно избранными представительными органами.

Это должно было стать основой восстановления государственности в оккупированных странах. Например, в «малой декларации» «За что мы боремся?» ППР выступала за то, чтобы после освобождения государственное и конституционное устройство Польши и состав высших органов власти были определены учредительным собранием, избранным демократическим путем — на основе прямых выборов при всеобщем и равном избирательном праве, тайном голосовании и пропорциональном представительстве [7, с. 93—94]. Аналогичные цели выдвигались в Учредительном манифесте ЭАМ во главе с КПГ [5, с. 99]. Руководство КПЧ специально подчеркивало при переговорах с Э. Бенешем о сотрудничестве в декабре 1943 г., что «окончательную форму и содержание государственного и общественного строя освобожденной Чехословакии определит демократическим путем сам чехословацкий народ» [31, sv. 1, с. 62]. Эти же принципы были выражены в Рождественском соглашении — программном документе Словацкого национального совета (СНС), созданного в 1943 г. по инициативе коммунистов при участии антифашистских буржуазных групп [32, с. 125—126]. КПЮ и руководимое ею народно-освободительное движение, не выдвигая первоначально вопроса о политическом строе страны после освобождения, уже в ходе восстания 1941 г. приступили к созданию в свободных партизанских районах народно-освободительных комитетов как органов власти, которые в отличие от довоенной югославской администрации свободно и непосредственно избираются самим народом [14, т. I, кн. 1, с. 19]. Осенью 1942 г. руководство КПЮ и народно-освободительного движения, характеризовавшее вначале комитеты как временных носителей власти, осуществляющих свою функцию лишь до освобождения, заявило, что народно-освободительные комитеты являются основой будущей народной власти, что возвращение каких-либо старых режимов невозможно [4, т. II, кн. 6, с. 87; 14, т. I, кн. 2, с. 79—81] (подробнее см. [33]). КПА провозгласила в своей программе, принятой в ноябре 1941 г., что целью борьбы за освобождение Албании является одновременно образование народного демократического правительства. По мере возникновения в Албании и затем в Греции свободных партизанских районов, там под руководством компартий также стали создаваться органы власти восставшего народа, сходные с народно-освободительными комитетами в Югославии [5, с. 139—141, 194—199; 6, с. 70, 79—81].

В Болгарии, Румынии, Венгрии выдвинутые компартиями платформы антифашистских национальных фронтов в качестве неотъемлемого элемента ликвидации фашистского порядка предусматривали установление демократических политических свобод, создание правительства, выражающих стремления всех патриотических сил. Наиболее радикальной была сформулированная болгарскими коммунистами программа Отечественного

фронта, которая, не ставя вопроса о монархии и будущей форме государственного управления, предусматривала, однако, создание подлинно национального народно-демократического правительства [30, с. 31].

Во-вторых, в таких многонациональных странах, как Югославия и Чехословакия, освободительные программы компартий включали радикальное переустройство межнациональных отношений: в Чехословакии — установление равноправия чешского и словацкого народов, в Югославии — свободную демократическую федерацию. Такое переустройство, означавшее коренную ломку довоенной национально-государственной структуры этих стран, стало осуществляться компартиями уже в ходе освободительной борьбы. Так, в Югославии сама организационная структура народно-освободительного движения с самого начала основывалась на своеобразном объединении равноправных в военно-политическом отношении крупных национальных земель со своими главными штабами как руководящими национально-территориальными органами борьбы, направляемой общеюгославским Верховным штабом. Более того, уже с осени 1941 — начала 1942 г. в рамках системы народно-освободительных комитетов учреждаются и первые главные комитеты национальных земель. Так стала складываться новая межнациональная организация, практически противостоявшая государственной структуре старой Югославии. В ноябре 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), образованное годом раньше как центральный политический орган народно-освободительного движения, приняло решение о том, что Югославия будет строиться на федеративной основе, как свободное содружество равноправных народов (подробнее см. [34]). Принципы равноправия словацкого народа с чешским и образования словацких национальных органов в возрожденной Чехословакии, провозглашенные при создании СНС в декабре 1943 г., стали получать практическое воплощение в ходе Словацкого национального восстания, когда СНС превратился в высший орган власти на освобожденной территории Словакии как неотъемлемой части Чехословацкой республики [24, с. 98—100, 348—359; 35, с. 170—171].

В-третьих, освободительные программы национальных фронтов, выдвигая не собственно социалистические цели, а более широкие общенациональные задачи, выражали в то же время объективную необходимость демократизации не только государственно-политической, но и социально-экономической сферы в рамках антифашистского освобождения [36, с. 38—146; 37, с. 54—102]. В условиях борьбы против фашизма, в условиях общего полевения масс, их политической и социальной радикализации под влиянием реального исторического опыта происходило расширение понятия демократии, которая в представлении широких слоев народа неразрывно связывалась с осуществлением серьезных антимонополистических мероприятий, с более или менее значительным обобществлением в важнейших отраслях экономики, с установлением государственного контроля в общенациональных интересах хозяйственного развития. Воплощая и развивая эти национальные стремления применительно к условиям каждой страны, освободительная концепция коммунистов включала в себя в той или иной мере ликвидацию собственности фашистских правящих кругов в государствах-сателлитах, квислинговской буржуазии и фашистских захватчиков в оккупированных странах, помещичьего землевладения, монополий, засилия иностранного капитала вообще, безудержной капиталистической эксплуатации, крайнего социального неравенства, нищеты, безработицы, а также более справедливое перераспределение национального дохода, рабочий контроль и определенное государственное регулирование экономического развития в интересах большинства нации и скорейшего послевоенного восстановления. Это находило отражение как в программах национальных фронтов, особенно, например, в Польше, Чехословакии, в определенной мере в Болгарии, Венгрии и Румынии [7, с. 94, 95, 147; 22, т. I, с. 245; 26, т. 2, с. 289—292; 30, с. 31; 31, sv. 2, с. 386—388; 38, с. 235; 39, с. 89—91], так и в практике самой освободительной борьбы, например, в Югославии, где

на свободных территориях осуществлялись, применительно к специфике конкретных условий, некоторые революционно-демократические мероприятия в экономической жизни [40—42].

Программа освобождения предусматривала также коренное изменение внешнеполитического курса, ориентацию на антигитлеровскую коалицию и особенно на СССР, который рассматривался в качестве первостепенного и естественного союзника народов Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против фашизма, за национальную свободу и демократическую реконструкцию. Это приобретало особое значение, поскольку Советский Союз был той антигитлеровской силой, которая не только вела борьбу с фашизмом на наиболее важном фронте, но и выступала в качестве основного внешнего фактора освобождения стран данного региона (подробнее см. [2; 43]).

Освободительная платформа, выдвинутая коммунистами, развернутая ими активная и самоотверженная борьба за осуществление этой платформы поставили коммунистические и рабочие партии в центр антифашистского Сопротивления.

Если говорить об оккупированных странах, то в Югославии и Албании компартии явились не только организаторами, но и безраздельными руководителями массовой вооруженной освободительной борьбы. Национальные фронты, объединившие широчайшие слои населения и представлявшие собой там единственную антифашистскую силу, сложились не как межпартийные коалиции, а как массовые народные движения во главе с компартиями. Буржуазные (в Албании — буржуазно-феодалные) политические группировки остались в целом вне фронтов и в подавляющей части вступили в прямую вооруженную борьбу с народно-освободительными движениями в обеих странах, сочкнувшись на этой основе с оккупационно-квислинговскими режимами. Возникшие в ходе освободительной войны органы повстанческой власти (народно-освободительные комитеты в Югославии и национально-освободительные советы в Албании), осуществлявшие управление освобожденными районами, полностью руководились коммунистами. Эта власть в обеих странах сформировалась в новую, революционную государственность. В ноябре 1943 г. АВНОЮ конституировалось на своей II сессии в качестве высшего органа власти, был создан Национальный комитет освобождения Югославии с функциями народного правительства. Одновременно эмигрантское правительство лишилось прав, а королю запрещалось возвращаться в страну. Окончательно вопрос о короле и монархии предстояло решить самому народу после освобождения. В мае 1944 г. на I Антифашистском национально-освободительном конгрессе Албании был избран Антифашистский национально-освободительный совет как главный законодательный и исполнительный орган и образован Антифашистский национально-освободительный комитет с правами временного правительства (в октябре 1944 г. преобразован во Временное демократическое правительство), бывшему королю Зогу запрещался въезд в Албанию. В ходе начавшегося осенью 1944 г. окончательного освобождения Югославии и Албании от гитлеровцев, новая государственность в каждой из стран утвердилась на всей национальной территории [6; 44; 45].

В Греции главным и, по существу, единственным активным центром Сопротивления, который развернул массовую и вооруженную борьбу с оккупантами и квислинговской администрацией, явились ЭАМ — ЭЛАС, организованные и руководимые КПГ. Опираясь на успехи в вооруженном Сопротивлении, образовании свободных территорий, где возникли органы власти борющегося народа, ЭАМ во главе с КПГ создал в марте 1944 г. Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА), выполнявший, по существу, правительственные функции в освобожденных районах. В мае 1944 г. на территории Свободной Греции было создано Учредительное собрание, провозглашенное высшим органом народного суверенитета. Оно подтвердило полномочия ПЕЕА как органа, осуществлявшего управление в стране и представлявшего борющуюся нацию за границей [5, гл. IV]. Однако фактически создававшаяся таким

образом под руководством КПГ новая государственность, в отличие от Югославии и Албании, не утвердилась в момент освобождения Греции осенью 1944 г. Это явилось следствием уступок КПГ и ЭАМ буржуазным антигитлеровским группировкам и греческому королевскому эмигрантскому правительству весной — осенью 1944 г. и в решающей степени — высадки английских войск в Греции, непосредственно вмешавшихся во внутривосточное развитие страны сразу вслед за ее освобождением от фашистской оккупации. Прямым подавлением ЭАМ—ЭЛАС с помощью вооруженной силы Англии удалось обеспечить реставрацию опекавшегося ею буржуазно-монархического режима в Греции [5, гл. VI; 46, с. 167—187, 224—241].

В Польше и Чехословакии, где существовал значительный и — особенно в Польше — организованный буржуазный антигитлеровский лагерь, имевший серьезные позиции среди более или менее широких слоев населения, марксистско-ленинские партии выступили в качестве авангардной, самой активной политической силы Сопротивления. В Чехословакии коммунисты явились главным инициатором создания широкого национального фронта с участием всех антигитлеровских группировок, включая буржуазные и мелкобуржуазные партии, организатором таких важнейших антифашистских выступлений, как Словацкое национальное восстание и Майское восстание чешского народа. В ходе этой борьбы при решающей роли коммунистов закладывались основы народно-демократической Чехословацкой республики. Главную роль здесь играли новые органы власти, утвердившиеся в ходе Словацкого национального восстания, — СНС и руководимая им система национальных комитетов на местах. В Польше коммунистам не удалось создать столь широкого национального фронта ввиду противодействия со стороны буржуазного антигитлеровского лагеря, сформировавшего свои военные и политические организации и пользовавшегося значительным влиянием. Вследствие враждебной, антикоммунистической политики со стороны этих сил, представленных польским эмигрантским правительством в Лондоне, ППР пришлось действовать в чрезвычайно сложной общественно-политической обстановке. Тем не менее под ее руководством при участии ряда политических и военных группировок левого направления сложился национальный демократический фронт, который смог сплотить значительные слои народа и взять на себя национальную миссию возрождения Польши, создания нового государства в момент освобождения страны. 1 января 1944 г. эти силы создали подпольную Крайову Раду Народову (КРН) как политическое представительство польского народа, призванное руководить борьбой за освобождение Польши и возрождение польского государства. В принятой декларации КРН заявила, что отказывает эмигрантскому правительству в Лондоне в праве выступать от имени польского народа и создаст, когда этого потребуют обстоятельства, Временное правительство, которое будет осуществлять власть в стране до избрания демократическим путем законодательного собрания [7, с. 469—473]. В июле 1944 г. в момент, когда советские войска вступили в Польшу, КРН создала Польский комитет национального освобождения (ПКНО), который стал действовать в качестве правительства на освобождаемой территории страны [47; 48; 49, гл. I].

В странах — сателлитах Германии компартии выступили единственным инициатором движения Сопротивления.

В Болгарии под руководством коммунистов сложился, в основном в 1943—1944 гг., Отечественный фронт (ОФ). Он включил наряду с компартией ряд буржуазных и мелкобуржуазных группировок и объединил в итоге широкие патриотические и антифашистские силы, принявшие выдвинутую коммунистами платформу свержения монархо-фашистской диктатуры путем вооруженной борьбы, решительного разрыва с гитлеровской Германией и перехода на сторону антигитлеровской коалиции, установления демократической власти народа. Пользуясь поддержкой значительных масс, ОФ стал политической основой восстания 9 сентября 1944 г., организованного и возглавленного компартией. В результате

восстания к власти пришло народно-демократическое правительство ОФ, ведущей силой которого была БКП (подробнее см. [21]).

В Румынии и Венгрии, где развитие движения Сопротивления встречалось, как уже говорилось, с особыми трудностями, созданные в результате усилий коммунистов летом 1943 г. Патриотический антигитлеровский фронт Румынии и весной 1944 г. — Венгерский фронт, куда вошли некоторые левые политические группировки, носили довольно узкий характер. Однако в обстановке нарастающего кризиса фашистского режима Компартии Румынии удалось весной 1944 г. заключить соглашение о Едином рабочем фронте с социал-демократической партией, а летом 1944 г. образовать Национально-демократический блок с участием основных буржуазных, так называемых «исторических партий», и договориться о совместных действиях с королевским двором и значительной группой высших военных. Сотрудничая в этой политически крайне неоднородной коалиции, сложившейся в условиях неизбежного поражения фашизма и вступления советских войск в Румынию, КПП смогла стать инициатором и активной силой в подготовке и осуществлении свержения диктатуры Антонеску 23 августа 1944 г. Она приняла участие в образовании нового правительства, объявившего о переходе на сторону антигитлеровской коалиции и об установлении политических свобод, хотя большинство в нем составили правые буржуазно-помещичьи силы. В Венгрии коммунисты, прилагавшие усилия к развертыванию антифашистской борьбы, в обстановке освобождения страны советскими войсками выступили организаторами создания на освобожденной от фашистов территории в декабре 1944 г. Венгерского национального фронта независимости (ВНФН), в который вошли основные нефашистские партии страны. ВНФН, в основу программы которого был положен проект, выдвинутый компартией, приступил в сотрудничестве с частью бывших хортистов, перешедших на сторону Красной Армии, к формированию новых национальных органов власти 19, с. 249—252; 26, т. 3, с. 33—45, 57—83; 28, гл. VI—VIII; 39, гл. II.

В условиях оккупации Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, Греции, подчинения Венгрии, Румынии, Болгарии диктату гитлеровской Германии на антигитлеровской платформе помимо коммунистов стояли или постепенно вставали на нее в ходе войны и другие политические силы, различные буржуазные и мелкобуржуазные группировки. Этот лагерь был очень разношерстным, выражая стремления разных по социальному положению и непосредственной политической ориентации слоев. Тем не менее почти для всех буржуазных и мелкобуржуазных антигитлеровских течений, во всяком случае для их подавляющей части, были характерны общие черты.

Что касалось путей и методов освобождения, то в противоположность линии коммунистов на активную массовую борьбу почти все эти буржуазные и мелкобуржуазные течения занимали, особенно на первых этапах войны, позицию выжидания.

Полная пассивность была характерна для некоторых группировок в Югославии, Чехословакии, Греции, которые, по крайней мере на какое-то время, перестали действовать в качестве реальных политических факторов либо были серьезно дезориентированы и деморализованы, находились в состоянии дезорганизации и распада. Такими были, например, правое руководство Народно-крестьянской партии в Югославии; то течение в средних слоях и среди интеллигенции протектората, которое, ожидая поражения Германии и освобождения извне, главную задачу видело лишь в «сохранении народа, его языка и культуры». В странах — сателлитах гитлеровской Германии позиция пассивного выжидания в той или иной мере была характерна, особенно до 1943 г., для большей части буржуазных и мелкобуржуазных политических сил, оппозиционных монархо-фашистской диктатуре в Болгарии и хортистскому режиму в Венгрии или выступавших против участия этих стран в войне на стороне Германии и гитлеровского блока, для «исторических партий» в Румынии. Эти силы, ориентировавшиеся на западных союзников, заинтересованные в конечном счете в отстранении фашистских правителей, тем не менее

выступали решительно против какого-либо движения Сопротивления. Свои расчеты они связывали с победой западных союзников, частичной политической реорганизацией внутри страны либо верхушечным переворотом (см., например, [27; 28; 50]).

В оккупированных странах, прежде всего в Польше, Югославии, Чехословакии, в меньшей мере в Греции, значительная часть буржуазных и мелкобуржуазных течений антигитлеровского направления взяла курс на создание своих политических центров и военных формирований. Такой курс проводили, например, лондонский лагерь в Польше, чешские политические группировки, чью линию выражал Э. Бенеш, великосербские круги, представленные четническим движением Д. Михайловича и королевским эмигрантским правительством, ряд греческих буржуазных сил, группировавшихся вокруг эмигрантского правительства и таких организаций, как ЭДЕС Н. Зерваса. Однако целью создаваемых ими военно-политических организаций внутри стран являлось, как правило, не развертывание активной широкой борьбы с захватчиками, а ожидание момента, когда последует разгром Германии и всей фашистской «оси» на главных фронтах, с тем, чтобы, выступив, восстановить старую государственность и взять власть в свои руки, не допуская революционных перемен.

Даже в Польше и Югославии, где раньше всего были сформированы довольно крупные и способные к значительным действиям военные формирования буржуазных антигитлеровских сил, насчитывавшие десятки тысяч человек (в Польше к 1944 г. до 350 тыс. человек), их руководители проводили доктрину, отвергавшую «преждевременные» выступления против оккупационно-квислинговского режима. В Югославии в обстановке развертывания под руководством КПЮ массового восстания четники были вынуждены осенью 1941 г. принять ограниченное участие в действиях против захватчиков, однако очень быстро отказались от этого и начали борьбу против возглавлявшегося коммунистами народно-освободительного движения [51]. В Польше вооруженные формирования лондонского лагеря, объединявшиеся в подчиненной правительству Армии Крайовой (АК), лишь с 1943 г. под воздействием активной борьбы с гитлеровцами Гвардии людовой под руководством ППР также активизировались в сопротивлении оккупантам. Вместе с тем боевые действия АК, особенно в 1944 г., все в большей мере диктовались политическими целями руководства лондонского лагеря — стремлением упрочить свое влияние и установить контроль в стране в момент надвигающегося поражения Германии. Этому была подчинена и крупнейшая вооруженная операция, предпринятая АК, — Варшавское восстание. Начатое 1 августа 1944 г., когда Красная Армия, вступившая в Польшу, приближалась к Варшаве, восстание, по замыслу его руководителей, должно было освободить польскую столицу к моменту прихода советских войск и утвердить там власть эмигрантского правительства и его представителей в стране, поставив КПЮ, а также Советский Союз, порвавший с эмигрантским правительством, перед совершившимся фактом. Восстание против гитлеровцев, принявшее большие размеры и ставшее крупнейшим событием польского движения Сопротивления, продолжалось 2 месяца. Участвовавшие в нем массы героически боролись с немецкими войсками. Однако преследуя политические цели, враждебные СССР, руководители восстания не координировали свои планы и действия с советским командованием, восстание не смогло опереться на прямую военную поддержку Красной Армии, форсировавшей Вислу и взявшей Варшаву только в январе 1945 г. В результате действий крупных немецких сил Варшавское восстание в начале октября 1944 г. было разгромлено [52—55].

Проявлявшаяся в той или иной мере позиция отказа от массового сопротивления или от «преждевременного» выступления была, по существу, направлена против активной роли поработанных фашизмом народов Центральной и Юго-Восточной Европы в деле своего освобождения. Эта позиция была неотделима от самих концепций национально-государственной структуры и общественно-политического устройства после войны, вы-

двигавшихся буржуазным антигитлеровским лагерем и базировавшихся, при всем их различии, в конечном счете на сохранении в том или ином виде буржуазных основ в послевоенный период.

Что касалось национально-государственных доктрин, то в оккупированных странах подавляющее большинство буржуазных и мелкобуржуазных антигитлеровских группировок имели в виду возврат к положению, существовавшему до войны. В Чехословакии такой возврат означал декларировавшийся эмигрантским правительством унитаризм, отрицавший национальные права словацкого народа, а также населения Закарпатской Украины в рамках Чехословацкой республики. Бенеш и его сторонники отстаивали тезис о единой «чехословацкой нации», о невозможности согласиться с существованием чехов и словаков как особых народов [56, с. 98—99; 57, с. 271]. В Югославии это выражалось в шовинистической унитаристской великосербской концепции четнического руководства, отвергавшего не только национальные права несербских народов и национальностей, но и само существование некоторых из них, угрожавшего им подавлением вплоть до физического уничтожения [4, т. I, кн. 2, с. 378; т. III, кн. 4, с. 457]. В Польше национально-государственная доктрина лондонского лагеря строилась на великодержавных претензиях включения западноукраинских и западнобелорусских земель в состав польского государства. В странах-сателлитах Германии неотъемлемой частью национально-государственных доктрин большинства антигитлеровских буржуазных группировок было стремление удержать ряд территориальных приобретений, осуществленных в ходе войны с помощью гитлеровцев.

Во внешнеполитическом плане составным элементом национально-государственных доктрин буржуазных и мелкобуржуазных течений антигитлеровского лагеря были различные проекты объединения государств Центральной и Юго-Восточной Европы под покровительством западных союзников. Это находило и практическое выражение, прежде всего в провозглашении эмигрантскими правительствами в январе 1942 г. польско-чехословацкой и югославо-греческой конфедераций. Проекты таких объединений, имевшие антигерманскую направленность, вместе с тем строились на антисоветской основе [58; 59; 60, с. 99—155]. Почти все антигитлеровские буржуазные и мелкобуржуазные группировки ориентировались исключительно на Англию и США и освобождение с запада.

Подобное направление национально-государственных доктрин приходило, во-первых, в противоречие с задачами развертывания объединенного Сопротивления всех народов, национальных и этнических групп в таких многонациональных государствах, как Югославия и Чехословакия; оно могло, наоборот, лишь усиливать национальную отчужденность, что в конечном счете способствовало политике оккупационно-квислинговского режима и препятствовало созданию единого антифашистского национального фронта в общегославских и общечехословацких рамках. Во-вторых, антисоветский характер буржуазных и мелкобуржуазных национально-государственных доктрин, особенно польская доктрина «двух врагов», претензии на Западную Украину и Западную Белоруссию или притязания румынских «исторических партий» на Бессарабию и Северную Буковину, полностью противоречили исторической реальности: именно СССР являлся той силой в антигитлеровской коалиции, которая была способна освободить страны Центральной и Юго-Восточной Европы от фашистской оккупации и гитлеровского диктата. В-третьих, упомянутые выше стремления антигитлеровских буржуазных сил в странах-сателлитах к сохранению территориальных приобретений были несовместимы с задачей ликвидации гитлеровской перекройки европейских границ и восстановления независимости оккупированных стран.

Относительно послевоенного общественно-политического устройства антигитлеровские буржуазные и мелкобуржуазные группировки, несмотря на весьма большие различия, в большинстве так или иначе выступали за сохранение основ буржуазного порядка, хотя бы и существенно модернизированного и частично реформированного.

В оккупированных странах наиболее консервативными были позиции тех буржуазных сил, которые стремились к восстановлению политического и социально-экономического строя, существовавшего до фашистского захвата. На крайне правом фланге тут стояли группировки, общественно-политические устремления которых немногим отличались от фашизма, с той, однако, разницей, что их интересы приходили в столкновение с захватнической политикой гитлеровской Германии, с оккупацией их стран и уничтожением их государственности. Таковы были, например, антиоккупационные группировки реакционной великосербской буржуазии, объединившиеся вокруг четнического движения Д. Михайловича, санационные элементы в Польше, сторонники восстановления довоенного диктаторского режима и реакционной монархии в Греции, силы, объединившиеся вокруг организации «Легалитет» во главе с А. Купи, ставившей своей целью восстановление режима Зогу в Албании. В странах-сателлитах гитлеровской Германии на сходных во многом позициях стояли в той или иной мере правые буржуазные оппозиционные группировки Болгарии, «исторические партии» Румынии, хотя эти и некоторые другие консервативные течения и в странах-сателлитах и в оккупированных странах допускали введение весьма ограниченных политических свобод и парламентаризма.

Более либеральные и демократические буржуазные и мелкобуржуазные силы выдвигали всякого рода буржуазно-реформистские концепции, в ряде случаев окрашенные в довольно левые тона. Однако все эти реформы предполагалось проводить сверху самим буржуазным государством, а не путем массовых действий широких слоев народа.

Реформистский курс либеральных и ряда демократических группировок, наиболее значительных, прежде всего, в Чехословакии и Польше, обуславливался, главным образом, пониманием сложности сохранения при освобождении стран прежних буржуазных порядков в условиях общего колебания масс и их активного участия в освободительной борьбе, роста авторитета СССР и влияния коммунистических партий. Характерны в этом смысле высказывания Э. Бенеша и командующего Армии Крайовой Т. Бур-Коморовского, что противостоять концепциям коммунистов и сохранить буржуазное устройство можно лишь на путях значительных социальных и экономических перемен, новых форм буржуазной демократии [61; 62, с. 547]. Это являлось важным фактором при формировании реформаторской позиции как Бенеша и представляемых им буржуазных сил Чехословакии, так и ряда группировок лондонского лагеря в Польше (Стронництво праца, Стронництво людове, правосоциалистическая ППС—ВРН, Рада Едности Народовой), выдвигавших особенно к концу войны весьма левые и даже подчас радикальные программы, которые предусматривали аграрную реформу, национализацию, государственное регулирование экономики [63—67].

Особое направление составляли более левые мелкобуржуазные группировки, ряд течений в крестьянском и рабочем движении, чьи общественно-политические концепции отражали действительные стремления определенных слоев трудящихся к социальному переустройству общества. Однако во многих случаях эти концепции были крайне неоднородны, непоследовательны. Представителями этого весьма пестрого направления были, например, Рабочая партия польских социалистов (РППС) и силы, которые она пыталась объединить в рамках так называемой «Централизации», левые людовцы в Польше, левые группировки интеллигенции, профсоюзных деятелей, социал-демократов в Чехословакии, выдвинувших свои социально-политические программы освобождения и послевоенного развития [68—70]. С менее выкристаллизовавшимися платформами на сходные позиции вставали, например, левые группировки Болгарского земледельческого народного союза, Хорватской крестьянской партии, социал-демократов и партии мелких сельских хозяев в Венгрии, румынской социал-демократии. Под влиянием объективно складывавшейся общественно-политической ситуации, под воздействием стремлений масс и логики антигитлеровской борьбы позиции названных течений постепенно

все больше сближались с национально-демократической концепцией, выдвинутой коммунистами, а сами эти силы приходили, особенно в 1943—1945 гг., к сотрудничеству с компартиями в рамках национальных фронтов (см. [9, гл. III; 22, т. I, гл. VI—VII; т. II, гл. VIII—IX; 71, гл. II—IV]).

Находившиеся на противоположном фланге антигитлеровского направления наиболее правые буржуазные течения вступили, наоборот, в резкое столкновение и открытую конфронтацию с национально-демократической платформой активной освободительной борьбы и объединенного антифашистского национального фронта, с руководимым коммунистами освободительным движением. Наиболее резко это раньше всего проявилось в Югославии, где четники Михайловича начали уже в ноябре 1941 г. вооруженную борьбу с народно-освободительным движением, руководимым КПЮ. Сосредоточив все свои усилия на ликвидации народно-освободительного движения, четники пошли в этих целях на сотрудничество с оккупационно-квислинговским режимом, фактически сомкнулись в своей непосредственной военно-политической практике с фашистскими захватчиками [72; 73]. В итоге четническое движение фактически перешло в прогитлеровский лагерь и потерпело затем крах вместе с оккупантами. Поддерживая Михайловича, потерпела крах и югославская буржуазная эмиграция, объединявшаяся вокруг королевского правительства. Сходным образом развивались события в Албании. Созданные буржуазно-националистическими кругами военно-политические организации «Балли Комбетар» (конец 1942 г.) и «Легалитет» (осень 1943 г.), провозглашавшие своей целью независимость страны, вступили в борьбу с руководимым КПА национально-освободительным фронтом, став пособниками врага и связавшись с оккупационно-квислинговским режимом. Разгром захватчиков и сил квислинговской администрации стал одновременно и разгромом «Балли Комбетар» и «Легалитета» [6, с. 88—91, 103—105, 113—117, 129—135, 143].

В Польше борьба лондонского лагеря, не занимавшего позиций коллаборационизма, против ППР и национально-демократического фронта протекала в основном в политической, а не военной плоскости. Однако в своем политическом столкновении с национально-демократической платформой освобождения и возрождения Польши, представляемой ППР и объединявшимися вокруг нее силами, лондонский лагерь выступил как фактор, враждебный начавшемуся в июле 1944 г. реальному освобождению страны от гитлеровской оккупации Советским Союзом. В результате он пришел и во внутреннем и во внешнеполитическом плане к банкротству, поставив себя вне национальной реконструкции. Следствием этого банкротства явился ставший особенно интенсивным во второй половине 1944 — начале 1945 г. не только идейно-политический, но даже организационный распад всего весьма широкого и пестрого лондонского лагеря. Наиболее левые его течения под влиянием происходивших общественных сдвигов и начавшегося освобождения, доказывавших полную несостоятельность буржуазных доктрин и практической политики, все больше радикализировались, переходя к сотрудничеству с ППР и национально-демократическим фронтом. За исключением крайне правых сил даже важнейшие группировки лондонского лагеря (Стронництво людове, Стронництво працы) принуждены были, хотя бы из тактических соображений, согласиться, по крайней мере словесно, с принятием концепции народной Польши. Это в итоге сделало возможным соглашение их с национально-демократическим лагерем во главе с ППР и участие в образовании временного правительства национального единства уже после освобождения страны, в июне 1945 г. (подробнее см. [49, гл. I—III]).

Аналогичное принятие национальной программы, выдвинутой коммунистами, вынуждены были в обстановке явной победы народно-освободительного движения декларировать летом — осенью 1944 г. и некоторые югославские буржуазные течения и лидеры, что выразилось в заключении в июне и ноябре 1944 г. соглашений между председателем Национального комитета освобождения Югославии И. Броз Тито и сменившим ипрежних, скомпрометированных поддержкой четников, новым эмигрант-

ским премьером И. Шубашичем. Соглашений, приведшие в итоге к образованию объединенного югославского правительства с участием некоторых эмигрантских деятелей, базировались на признании основных революционных завоеваний, достигнутых в ходе народно-освободительной борьбы, на признании новой Югославии [45, с. 329—335].

В отличие от других стран, в Чехословакии еще до освобождения основные антигитлеровские буржуазные течения вынуждены были согласиться с национально-освободительной концепцией коммунистов и начать сотрудничество с ними в рамках национального фронта уже в период Сопротивления. Новые общественные условия, внутренняя и международная расстановка сил, складывавшиеся в ходе войны с фашизмом, вынудили антигитлеровские буржуазные группировки в Чехословакии к постепенному принятию, хотя и не без достаточно острой борьбы и во многом также по тактическим соображениям, такой освободительной платформы национального фронта, которая в своих решающих моментах базировалась на принципах, выдвинутых коммунистами. Это нашло воплощение как в документах Словацкого национального совета, так и в совместных программах, выработанных во время московских переговоров Бенеша с руководством КПЧ в декабре 1943 г., с коммунистами и СНС в марте 1945 г., а затем в принятой в апреле 1945 г. Кошицкой программе правительства Национального фронта чехов и словаков, явившейся основой возрождения Чехословакии [24, с. 832—837; 74, с. 588—589; 75].

Что касалось стран — сателлитов гитлеровской Германии, то в Болгарии правые буржуазные нефашистские группировки, отказавшиеся войти в Отечественный фронт, пытались путем лавирования и сотрудничества с правящей верхушкой осуществить политическую реорганизацию фашистского режима в буржуазно-парламентарную монархию и дистанцироваться от Германии на позициях нейтралитета. Не решая главных антифашистских освободительных задач, такой курс завел и в международном и во внутреннем плане в абсолютный тупик и потерпел поражение в условиях вступления Красной Армии в Болгарию и восстания 9 сентября 1944 г. В Румынии правые буржуазные силы, стремившиеся к выходу из гитлеровского блока и группировавшиеся вокруг лидеров «исторических партий» и королевского двора, пытались в условиях нарастающего кризиса диктатуры Антонеску прибегнуть к во многом сходной тактике. Однако в обстановке непосредственно надвинувшегося военного поражения фашистского режима и вступления советских войск в Румынию эти силы оказались вынужденными принять концепцию активного вооруженного выступления с целью свержения диктатуры Антонеску и разрыва с Германией, выдвинутую компартией, и вступить в сотрудничество с ней в проведении восстания 23 августа 1944 г. и формировании нового национального правительства. В Венгрии уже в ходе начавшегося освобождения страны советскими войсками и в обстановке, когда вместо отстраненного Хорти гитлеровцы поставили у власти откровенно марионеточный режим Салаша, основные нефашистские партии и часть бывших хортистов также оказались перед необходимостью присоединиться к национально-демократической платформе антифашистского возрождения, выдвинутой коммунистами.

В итоге движение Сопротивления в Центральной и Юго-Восточной Европе, несмотря на значительные различия в разных странах, явилось важным фактором в борьбе за освобождение оккупированных стран, за свержение фашистских режимов в странах-сателлитах и их разрыв с гитлеровской Германией, за национальное и антифашистское возрождение. Другим важнейшим результатом движения Сопротивления было то, что в ходе столкновения различных общественно-политических и национально-государственных концепций освобождения, отстаивавшихся разными, подчас противоположными по своему социальному характеру антигитлеровскими силами, ведущее место заняла в конечном счете революционно-демократическая платформа, выдвинутая коммунистами. Именно она стала основой национального и антифашистского освобождения большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы (за исключением

Греции), их поворота на путь глубокого общественного переустройства, на путь социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда, 1984, 17 июня.
2. Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. М., 1978.
3. Za národní osvobození, za novou republiku 1938—1945. Vedoucí úloha KSC v národně osvoboditelské boji. Praha, 1982.
4. Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа, т. I—XIV (часть томов издана латиницей). Београд (начало издания с 1949 г.).
5. История национального Сопротивления в Греции. 1940—1945. Пер. с греч. М., 1977.
6. *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании. 1939—1946. М., 1960.
7. Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Warszawa, 1958.
8. История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
9. *Каллаи Д.* Движение за независимость Венгрии. 1936—1945. Пер. с венг. М., 1968.
10. Единдействието на български народ с другите балкански народи в антифашистката борба. 1940—1945. Документи и материали. София, 1974.
11. *Мораца Р.* Jugoslavija 1941. Beograd, 1971.
12. *Strugar V.* Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969.
13. Белградская операция. М., 1964.
14. Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, књ. 1. Београд, 1949; Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, књ. 2. Београд, 1949.
15. Oslobođilački rat naroda Jugoslavije 1941—1945, knj. 1. Beograd, 1957.
16. Les systèmes d'occupation en Yougoslavie 1941—1945. Belgrade, 1963.
17. *Фрашеру К.* История Албании (Краткий обзор). Тирана, 1964.
18. *Caras J. B.* Oddziały Gwardii Ludowej i Armii Ludowej 1942—1945. Wyd. 2. Warszawa, 1971.
19. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945 (Węzłowe problemy). Warszawa, 1967.
20. *Przygoński A.* Polska w walce z okupantem hitlerowskim (1939—1945). Warszawa, 1971.
21. *Петров С.* БКП в борьбе против монархо-фашизма (1941—1944). Пер. с болг. М., 1973.
22. История на антифашистката борба в България 1939—1944. Т. I—II. София, 1976.
23. Народът против фашизма. Исторически очерк за антифашистката борба на български народ по време на Втората световна война. София, 1983.
24. *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. Пер. со словац. М., 1969.
25. Dějiny Slovenského národného povstania 1944, sv. 1—5. Bratislava, 1984.
26. История венгерского революционного рабочего движения. Пер. с венг. Т. 2—3. М., 1974.
27. *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.
28. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
29. Za svobodu českého a slovenského národa. Sborník dokumentů k dějinám KSC v letech 1938—1945. Praha, 1956.
30. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1957.
31. Československo na cestě k socialismu. Dokumenty o vzniku a vývoji lidové demokracie v Československu do února 1948, I. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu, sv. 1—2. Praha, 1965.
32. Slovenské národne povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965.
33. *Zivković D.* Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969.
34. *Гибианский Л. Я.* Из истории становления новой Югославии (1941—1943).— Советское славяноведение, 1983, № 6.
35. *Plevza V.* Československá štatnosť a slovenská otázka v politike KSC. Bratislava, 1971.
36. *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
37. *Марьина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.
38. Program revoluce. Bratislava, 1975.
39. Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Сокр. пер. с рум. М., 1974.
40. *Kosanović Đ.* Ekonomskopolitička djelatnost narodne vlasti u toku NOV-a. Zagreb, 1964.
41. *Nešović S.* Privredna politika i ekonomske mere u toku oslobodilačke borbe naroda Jugoslavije. Beograd, 1964.

42. *Mikuž M.* Slovensko partizansko gospodarstvo v luči partizanskih dokumentov. Ljubljana, 1969.
43. *Волков В. К.* Защита Советским Союзом на международной арене интересов народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. — В кн.: На путях нерушимой дружбы. М., 1977.
44. *Petranović B.* AVNOJ-revolucionarna smena vlasti. 1942—1945. Beograd, 1976.
45. *Губианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
46. *Рачев С.* Англия и Съпротивителното движение на Балканите (1940—1945). София, 1978.
47. *Pawłowicz J.* Z dziejów konspiracyjnej KRN 1943—1944. Warszawa, 1961.
48. *Pawłowicz J.* Strategia frontu narodowego PPR. Warszawa, 1965.
49. *Парсаданова В. С.* Формирование Национального фронта в Польше (1944—1946 гг.). М., 1972.
50. *Димитров И.* Буржоазната опозиция в България 1939/1944. София, 1969.
51. *Marjanović J.* Prilozi istoriji sukoba narodnooslobodilačkog pokreta i četnika Draže Mihailovića u Srbiji 1941 godine. — In: Istorija XX veka. Zbornik radova, I. Beograd, 1959.
52. *Duraczyński E.* Stosunki w kierownictwie podziemia londyńskiego 1939—1943. Warszawa, 1966.
53. *Armia Krajowa w dokumentach, 1939—1945, t. 1—3.* London, 1970—1976.
54. *Skarżyński A.* Polityczne przyczyny powstania warszawskiego. Warszawa, 1965.
55. *Przygoński A.* Powstanie warszawskie w sierpniu 1944 r., t. 1—2. Warszawa, 1980.
56. *Лапшовичка Б.* В Лондоне во время войны. Пер. с чешск. М., 1966.
57. *Slováci a ich národný vývin.* Bratislava, 1969.
58. *Серпионова Е. П.* Проекты создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации (1939—1941). — Советское славяноведение, 1983, № 3.
59. *Серпионова Е.* Провал планов создания польско-чехословацкой конфедерации (1941—1943). — Советское славяноведение, 1984, № 3.
60. *Duretić V.* Vlada na bespuću. Internacionalizacija jugoslovenskih protivrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata. Beograd, 1982.
61. *Beneš E.* Demokracie dnes a zítá, II. Čes. vydání. Praha, 1946.
62. *Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej, t. III. Armia Krajowa.* Londyn, 1950.
63. *Program Stronnictwa Pracy.* Kraków, 1944.
64. *Programy Stronnictw Ludowych.* Warszawa, 1969.
65. *Program Polski Ludowej.* Wyd. WRN, 1941.
66. *Materiały do Programu Polski Ludowej, zesz. I—III. s. a., s. I.*
67. *Rzeczpospolita Polska, № spec., 15 III 1944.*
68. *18 punktów programowych RPPS (ректографированное издание).*
69. *Deklaracja Centralizacji stronnictw demokratycznych, socjalistycznych i syndykalistycznych.* Kraków, 1944.
70. *Za svobodu. Do nové československé republiky.* Praha, 1945.
71. *Zivković D.* Narodni front Jugoslavije 1935—1945. Beograd, 1978.
72. *Marjanović J.* Draža Mihailović između Britanaca i Nemaca, knj. I. Zagreb — Beograd, 1979.
73. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941—1945. The Chetniks. Stanford (Cal.), 1975.
74. *Fierlinger Zđ.* Ve službach CSR, d. II. Praha, 1948.
75. *Program vlády Národní fronty Čechů a Slováků.* Praha, 1945.

НОСКОВА А. Ф.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОРАЖЕНИЕ АГРАРИЗМА В ПОЛЬШЕ В 1947 ГОДУ

Проведенные в Польше в январе 1947 г. выборы в Сейм завершились решительной победой демократических сил, руководимых авангардом польского рабочего класса — Польской рабочей партией (ППР). Объединившиеся в избирательный блок эти силы получили абсолютное большинство мест в высшем законодательном органе страны и сформировали новое коалиционное правительство. Контрреволюция, группировавшаяся вокруг руководства Польского сторонничества людового (ПСЛ) — партии, представлявшей правый фланг крестьянского движения, потерпела поражение. Тем самым провалился расчет реакции на «легальное» устранение рабочих партий, и в первую очередь ППР, от власти и восстановление в Польше буржуазной демократии.

Выборы в Сейм, обозначив глубокие изменения в расстановке политических сил в пользу народной демократии, открыли в Польше период политической стабилизации, подтвердили принятие подавляющим большинством общества демократических социально-экономических преобразований, разрушавших устои капитализма на польской земле. В таких условиях для народной власти возникали потребность и возможность определить новые задачи, указать главные направления дальнейшей деятельности рабочего класса и его союзников. Каждая из действующих политических сил должна была «смоделировать свой политический облик, найти место, которое следует занять в системе победивших партий», уточнить свою программу [1, с. 435].

ППР отстаивала ранее избранный путь — укрепляя народную демократию, постепенно двигаться к социализму¹. Партия видела свою ближайшую цель в упрочнении взаимодействия демократических сил, в утверждении единства действий рабочего класса, единого фронта с Польской социалистической партией (ППС), в расширении своего влияния среди рабочих, крестьян, трудящейся интеллигенции. Актуальной задачей ППР считала восстановление экономики страны и успешное выполнение трехлетнего плана. В одной из своих речей весной 1947 г. Генеральный секретарь ЦК ППР В. Гомулка так определил суть текущего момента: «...победоносные выборы только создали нам условия для систематического разрешения всех экономических и политических вопросов... Выборы сильно способствовали политической стабилизации в стране, но поданные избирательные бюллетени остались только бюллетенями, они не сделали хлеб, уголь, мануфактурой или железом...» [3, с. 261].

Обсуждению назревших экономических и политических вопросов был посвящен состоявшийся в апреле 1947 г. пленум ЦК ППР [4, № 5]. Он подтвердил принятый на I съезде ППР (декабрь 1945 г.) генеральный курс

¹ О дискуссиях внутри ППР по вопросам дальнейшего развития Польши подробнее см. [2].

партии на укрепление народной демократии, что «приведет в перспективе к новому социалистическому качеству» [5, с. 199]. Одновременно пленум обсудил пути реализации политики ППР на новом этапе². В политической области главные усилия партии направлялись на закрепление стабилизации обстановки в стране и на достижение единства двух рабочих партий на марксистско-ленинской основе [6, с. 110—112]. На пленуме была детально проанализирована экономическая политика партии как решающий рычаг углубления политической стабилизации. Пленум собрался в то время, когда в Польше обострились экономические трудности, порожденные войной и послевоенной разрухой. Эти трудности легли, в первую очередь, на плечи трудящихся: рабочий класс и деревенская беднота страдали от разгула спекуляции и черного рынка. Напомним, что экономическая жизнь Польши возрождалась усилиями, главным образом, государственного, обобщественного сектора, хотя и при определенном участии кооперативного и частного секторов. В 1945—1946 гг. народная власть, руководствуясь задачами быстрее восстановления страны и обладая решающими позициями в промышленности, финансах, в системе транспорта и связи, допускала, а отчасти и стимулировала определенное оживление под контролем государства мелкотоварного производства. За 1946 г. и первый квартал 1947 г. число зарегистрированных, например, ремесленных предприятий выросло с 88,7 тыс. до 135,9 тыс., доля частного сектора в розничной торговле равнялась 87%, в оптовой — 24%, доля мелкой частной промышленности и ремесла достигала в общей промышленной продукции 15% [6, с. 108—109].

Частный сектор участвовал в оживлении экономики, но одновременно неизбежно проявлялась и оборотная сторона этого участия: росла численность рабочих, занятых на частных предприятиях (на 40% в строительстве), в ремесленных мастерских капиталистического характера, в торговле (на 37%), увеличивался капитал, которым располагал частник [7, с. 233]. Крайне тяжелая ситуация польской деревни (но не только она) в свое время продиктовала правительству программу экстренной и разнообразной помощи почти всем категориям крестьян. Это в определенной мере способствовало решению проблемы восстановления сельскохозяйственного производства, но одновременно порождало, как сопутствующую тенденцию, оживление капиталистического субстрата зажиточной части деревни, эксплуататорских тенденций богатого крестьянства. «Деревня, — говорил в начале 1947 г. В. Гомулка, — получила в 1946 г. в три раза больше, чем дала государству...», на этом «зарабатывает богатый крестьянин», который после отмены в середине 1946 г. обязательных сельскохозяйственных поставок «выбросил зерно на рынок», и государство должно было покупать это зерно по рыночным ценам, чтобы обеспечить карточное снабжение трудящихся, в том числе и миллионов бедного сельского населения [3, с. 214].

Понятно, что такая ситуация не позволяла народному государству быть полным хозяином в экономике страны и направлять ее развитие исключительно в интересах трудящихся масс. Поэтому пленум ЦК ППР состоявшийся уже после благоприятного для народной власти политического перелома в стране, внес существенные коррективы в экономическую политику партии, которая должна была обеспечить подступы к строительству социализма. Суть этих коррективов сводилась к борьбе за значительное расширение государственного контроля и управления в экономике, за усиление экономических позиций народной власти, что могло обеспечить развитие многоукладного хозяйства в социалистическом направлении [6, с. 102—105; 8, с. 117]. Ущемление оставшихся еще капиталистических элементов экономическими мерами (налоговая политика, контроль цен, сырьевое обеспечение, создание сети государственной и кооперативной торговли и т. п.), как считали в ППР, сделает невозможным

² Материалы этого пленума были в значительной мере использованы в выступлении В. Гомулки на совещании представителей некоторых коммунистических партий в Польше в сентябре 1947 г. [6, с. 97—124].

обогащение частного за счет результатов производства в национализированных предприятиях и одновременно даст народной власти возможность разложить тяготы восстановления «равномерно на всех граждан» [3, с. 214; 4, № 3, с. 39]. Это был курс на ограничение частного сектора и подчинение его народному государству. Он распространялся и на сферу обмена. Здесь планировалось, не преследуя полной ликвидации рыночно-капиталистических элементов, «овладеть рынком». В этой связи вставал вопрос о роли и месте потребительско-сбытовой кооперации. Согласно концепции ППР, кооперативный сектор, представленный такой кооперацией и мелкими предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья, имел подчиненное (по сравнению с государственным), хотя и важное значение. Сферой его деятельности были деревня и город, а задачей — организация обмена между городом и деревней. Предполагалось создать такую систему связей мелкотоварного крестьянского производства с государственной экономикой, которая будет соединять частный интерес (при контроле его народным государством) с общим интересом, подчинять первый второму и способствовать, как писал в 1923 г. В. И. Ленин, — зарождению «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» [9, с. 370]. С этой целью ППР планировала демократизировать кооперацию путем ограничения позиций и влияния капиталистической прослойки кооператоров и реконструировать ее так, чтобы заставить действовать строго в рамках экономической политики народной власти. Отметим, что позиция ППР в этом вопросе разделялась и руководством Стронництва людового (СЛ), партии, представлявшей леводемократический фланг крестьянского движения и выступавшей союзницей рабочих партий [10, с. 200—201; 11, 1946, VI; 8, с. 89].

Что касается политики в сфере сельскохозяйственного производства, то здесь ППР ориентировалась на долговременное существование мелкотоварного производства в крестьянских индивидуальных хозяйствах. Учитывая тот факт, что сельское хозяйство находилось на низком уровне и не достигало довоенных показателей, пленум считал возможным допустить развитие (в определенных условиях и границах) зажиточных хозяйств — производителей товарной продукции. Вместе с тем предусматривались меры, с помощью которых можно было ограничить способности богатой прослойки деревни к капиталистическому воспроизводству, а именно система цен (которая пока давала некоторой части крестьянства возможность обогащения) и налогов, обеспечивающая участие деревни в накоплении государственных средств для решения общенациональных задач [12, с. 153; 13, с. 56].

Таким образом, пленум ЦК ППР определил экономическую программу партии, программу наступления на позиции капитализма в экономике страны, реализация которой была «хотя и трудна, но все же возможна и реальна» в условиях государства народной демократии. ППР выступала за обуздание частного и регулирование кооперативного секторов, за обеспечение «все возрастающего перевеса государственного хозяйства» [6, с. 103]. Напомним, что к концу 1946 г. государству уже принадлежало свыше 11 тыс. промышленных предприятий, которые давали 86,4% всей валовой продукции этой отрасли экономики [14, с. 247—248]. Хотя наступление на частное промышленное производство продолжалось (за 1947—1948 гг. было национализировано около 6 тыс. в основном средних предприятий), и национализация, как говорил министр промышленности, член ЦК ППР Г. Минц, оставалась «высшей и одновременно единственно результативной формой обобществления средств производства», основное внимание уделялось восстановлению и расширению промышленного потенциала, главным образом группы А [4, № 3; 6, с. 105].

Борьба ППР за ограничение и вытеснение частного велась в 1947 г. в сфере торговли, где позиции мелкой и средней буржуазии все еще оставались значительными. Развернувшаяся «битва за торговлю», по сути дела, была битвой за победу программы обеспечения за народным государством господствующих позиций в экономике в целом, за создание базы

«для дальнейшего продвижения вперед, к социализму» (см. подробнее [15; 16, druk. № 126, 158; 6, с. 102]). Принятие такой программы открывало перспективу социалистических преобразований в решающих сферах экономики — в производстве, на транспорте, в торговле. Обозначились элементы будущей политики индустриализации и реконструкции промышленности Польши.

Программа ППР далеко не во всем согласовывалась с представлениями, существовавшими тогда на этот счет в ППС, руководство которой весной 1947 г. отдавало себе отчет в том, что страна вступает (или вот-вот вступит) в новый этап своего развития [17, гоз. II]. ППС также считала необходимым выработать программу, где был бы «для польского общества, для актива ППС очерчен облик новой Польши». Весной 1947 г. в печати ППС развернулась широкая дискуссия о дальнейшем развитии страны, о темпах, направлении и характере преобразований [17, с. 383—400].

Вопреки заявлениям некоторых деятелей ППС о том, что в результате выборов коалиционное правительство сменилось «правительством общей концепции», дискуссия вскрыла весьма существенные расхождения с концепцией ППР и показала активизацию правых внутри ППС, в том числе и в ее руководстве. Выявились стремление правых социалистов замедлить темпы преобразований, придать им характер не революционных, а эволюционных перемен, подменить революционные принципы марксизма, которыми руководствовалась ППР, реформистским наследием ППС [18, № 9—10, с. 6; 12, с. 9]. Причем, правые в руководстве ППС полагали необходимым иметь такую программу строительства нового государства, которая бы «...устраивала средние слои» [18, № 1, с. 6—7]. Они считали возможным отдать предпочтение производству не средств производства, на чем настаивала ППР (видя в этом единственный путь выхода Польши из экономической отсталости, обеспечения максимальной занятости самодеятельного населения и подъема всех отраслей народного хозяйства), а средств потребления. Далее, намереваясь достигнуть таким путем оживления экономики, в ППС планировали разворачивать производство тех средств производства, которые обеспечат быстрый рост продуктов потребления и тем самым якобы воздействуют на подъем материального благосостояния трудящихся масс.

Программа ППС покоилась на принципе консервации в экономике, как автономных, трех существующих секторов, на предоставлении широкого поля деятельности для мелкотоварных производителей, на расширении роли потребительско-сбытовой кооперации в экономической жизни страны, на ограничении объема государственной собственности, на отведении государству роли регулятора «автономной игры» всех секторов «в границах государственного плана» [18, № 1, с. 13]. По сути дела, все производство и распределение предметов первой необходимости ППС предлагала организовать на кооперативных принципах: предусматривалось в дальнейшем передать кооперации мелкую и среднюю промышленность, ограничив национализированный сектор крупным производством средств производства, предприятиями общественного назначения, финансами и внешней торговлей. Подчеркивалась особая роль кооперации в обеспечении взаимодействия трех секторов народного хозяйства [18, № 1, с. 7, 13, № 3, с. 3; 13, с. 48—51; 19, № 10, с. 132—135; 20, № 3, с. 49]. В отличие от ППР, которая искала пути и методы перехода к строительству экономического фундамента социализма в Польше, ППС выступала за то, чтобы «...строить основание дома, который в далеком будущем примет социалистический облик», а поэтому предлагала использовать принцип ограниченного обобществления — поддерживая частную инициативу, постепенно усиливать государственный контроль над частником.

В сельском хозяйстве социалисты считали подходящим «датский пример» создания высокорентабельных товарных частных хозяйств, как основы аграрного строя, и консервации этого строя. По сути дела, за всем этим стояло стремление правого фланга лидеров и теоретиков ППС остановить или замедлить продвижение Польши по пути наступления на капитализм.

Примечательно, что в самой ППС осознавали, что тот экономический строй, который они «рисуют», во многом родственен капитализму (частная прибыль, экономическая свобода, т. е. конкуренция) и лишь чем-то «близок» социализму («стремление ликвидировать безработицу и кризис») [18, № 1, с. 25; 8, № 4—5].

С программой экономических мер «перекликались» представления деятелей ППС о преобразованиях в политической сфере: курс на ограничение роли и функций государства, на децентрализацию власти, на многопартийную систему с прицелом на допущение «игры» на межпартийных разногласиях. Речь шла об утверждении парламентарной модели государственного устройства, гораздо более близкой к буржуазной, чем к народной демократии [18, № 1, с. 8].

Таким образом, в середине 1947 г. в рабочем движении Польши существовали две концепции дальнейшего развития страны. Концепция поэтапного продвижения к строительству социализма под руководством пролетарского авангарда, при условии сосредоточения ключевых экономических позиций в руках народно-демократического государства, концентрации главных сил на решающих направлениях развития народного хозяйства — в промышленности, строительстве, на транспорте — и развитии наступления на носителей капиталистического способа производства, на источники его репродуцирования при сохранении ограниченного, регулируемого и контролируемого государством мелкотоварного производства, главным образом, в сельском хозяйстве. Эта концепция ППР открывала перспективу экономического подъема Польши, роста занятости и ликвидации «лишних» людей в обществе, а также достижения экономической самостоятельности на основе развития производства средств производства и использования национального природного богатства страны. Концепция, предлагаемая, главным образом, правым флангом ППС, базировалась на сочетании итогов проведенных демократических преобразований, направленных на разрушение основ капитализма, с консервацией остатков старого строя в настоящем и обозримом будущем [18, № 9—10; 17, с. 392, 398, 407—416]. Ориентация на предпочтительное развитие производства продуктов широкого потребления не позволяла решить проблемы экономической отсталости, максимальной занятости и неуклонного роста материального обеспечения широких народных масс. В условиях, когда социалистическое содружество только зарождалось, а интернациональная экономическая взаимопомощь в обстановке послевоенной разрухи была ограничена, реализация такой программы могла повлечь за собой экономическую зависимость Польши от капиталистического мира, ослабление внутренних и внешних экономических и политических позиций народной власти.

Следует отметить, что в результате дискуссий между ППР и ППС, а также внутри ППС перевес все больше получали левые социалисты, позиции рабочих партий сближались на революционной основе [17, с. 392—393, 407—416].

В дискуссии о путях дальнейшего развития страны приняли участие и многочисленные политические деятели крестьянского, людовского движения. Они определяли место, роль и функции в этом развитии польской деревни, сельского хозяйства, людовского движения, намечали свой образ будущей Польши. В основе концепции людовцев всех направлений, как и прежде, лежала доктрина аграризма³, концентрировавшая в себе программу, средства и цель перестройки общества. Повышение интереса к этой доктрине, дискуссии о сути и судьбе аграризма были вызваны рядом причин. Важнейшими среди них стали: формирование концепций рабочих партий, что вызвало рост внимания к идейным, идеологическим вопросам, в первую очередь, в леворадикальной или радикализирующейся людовской среде, и политический опыт, приобретенный людовцами в ходе революции, что и порождало новое отношение к аграризму, нарастание критики в адрес доктрины среди левого и центристского направле-

³ Подробнее о сути доктрины аграризма см. [22].

ний движения. В среде же правых деятелей сохранялись удивительная «твердость», проистекавшая из упорного нежелания принять существующие реальности, отстаивание наиболее консервативных, открыто реакционных и контрреволюционных принципов аграризма [21, 9 I]. Следует отметить, что теперь среди яростных сторонников аграризма находились те, кто в межвоенный период расценивал аграристские концепции как столь же угрожавшие капитализму, что и социалистические программы рабочего класса. Довоенные противники аграризма из буржуазных и помещичьих кругов, разномастные представители польской реакции в условиях народной демократии были охвачены «психозом аграризма» и использовали эту доктрину для борьбы с народной властью, для того, чтобы столкнуть рабочий класс с крестьянством, чтобы отвлечь внимание крестьян от задач строительства народной Польши, чтобы противостоять распространению марксистского мировоззрения в деревне [23, № 38]. В дискуссии об аграризме приняли участие лево-радикальные людовцы, руководители и функционеры СЛ, партии, отражавшей интересы крестьянина-труженика. Но, главным образом, она разворачивалась среди тех бывших правых людовцев, кто переместился или перемещался на центристские позиции.

Представляется, что побудительным фактором и одновременно фоном развертывания дискуссии об аграризме, как части общего, более широкого обсуждения проблем дальнейшего развития страны, проходившего, прежде всего и главным образом, в рабочем движении, было признание в людовском движении «общности великих задач» всех демократических сил Польши. В результате приобретения политического опыта происходила определенная переоценка людовцами доктрины аграризма и изменялось отношение к тем, кто воплотил в жизнь демократические преобразования и к самим этим преобразованиям. Голоса о признании «без оговорок» принципов государственного строя народной демократии и программы общественно-демократического устройства раздавались из среды руководителей отделившейся от ПСЛ группы — ПСЛ-Нове Вызволене (ПСЛ-НВ). О точках соприкосновения в программах рабочих и людовских партий говорили функционеры рождавшейся в ПСЛ фракции — ПСЛ-левицы (ПСЛ-Л). Например, один из ведущих деятелей ПСЛ и организатор оппозиции правому руководству во главе с С. Миколайчиком Ю. Нечко усматривал общность основных принципов Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и программы ПСЛ. Он имел в виду проведенные преобразования, характер власти, опиравшейся на союз крестьян и рабочих, и новый внешнеполитический курс Польши [24, 23 111; 25, s. 232—233].

Эти выводы объективно подрывали основу основ аграризма — принципы крестьянского сепаратизма и крестьянской гегемонии в обществе. Но на открытое публичное признание этого факта, на критический пересмотр доктрины как целого не шли даже последовательно демократические деятели людовского движения, за исключением его самого левого фланга.

Тон в дискуссии задавала людовская молодежь, в позициях и настроениях которой тоже не было единодушия. Состоявшаяся в феврале 1947 г. конференция руководящего актива Союза сельской молодежи «Вици» выявила как стремление его демократического фланга критически взглянуть на идейный багаж движения, соотнести его принципы с объективной реальностью настоящего и недавнего прошлого, так и наличие различных точек зрения по кардинальным идейным вопросам.

Высокая степень критики «молодыми» людовцами идеологии аграризма объяснялась в первую очередь тем, что рабочие партии учли и удовлетворили потребности крестьянства в максимально возможной мере, в то время как в людовском движении, ведомом правыми лидерами, только рассуждали о нуждах, помыслах и чаяниях крестьян. Это обстоятельство вызывало среди руководства Союза состояние определенной идейной растерянности, бессилия противопоставить народной демократии конструктивные концепции усовершенствования общественных порядков, что соче-

талось с признанием успехов народной власти, которая «...реализует принципиальные пункты нашей предвоенной программы. Итак, это *наш строй*» [23, № 5].

Признавая народную демократию, людовская молодежь пыталась понять точки идейного расхождения с идеологией рабочего класса, выяснить их причины: «Конечно, самым трудным в марксизме для восприятия крестьянской средой является то, что он стремится к национализации и обобществлению средств производства, а крестьянина рассматривает как переходный элемент между буржуазией и пролетариатом. Все противоречие сводится к этим двум вопросам» [23, № 14].

За многочисленными словесными хитросплетениями многих выступавших в дискуссии стояло недоверие к политике национально-демократического фронта, извращенное толкование идеологии рабочего класса и антикоммунистическая основа аграризма. Из этого для рабочего движения следовал вывод: доверие политической активной части людовцев до конца не завоевано, продолжение политики единого фронта всей демократии — главное условие становления широкого, направленного на полное уничтожение капитализма рабоче-крестьянского союза и укрепления этого союза. Активная наступательная пропаганда и наглядная агитация делом и словом были основными инструментами решения этого вопроса. Тот факт, что среди людовской молодежи находило понимание суждение о правильности, нужности и адекватности крестьянским настроениям преобразований, проведенных народной властью, говорил о возможности компрометации аграризма в глазах крестьян. Нарастание критического отношения к нему среди людовской молодежи свидетельствовало в пользу этой возможности.

Наиболее последовательную позицию занял ставший вскоре председателем Союза «Вици» Ст. Игнар. Он видел в аграристских принципах причины и истоки многочисленных поражений движения, политического крушения целого ряда положений, которые составляли основы доктрины и еще недавно казались незыблемыми. Утопией в идеологии людовцев Ст. Игнар считал веру в буржуазную демократию и потребительско-сбытовую кооперацию как стержень экономического и политического строя Польши. «Мечты о Кооперативной республике, — говорил он, — останутся только мечтами». Далее Ст. Игнар утверждал, что в результате политики правых деятелей ПСЛ, которая препятствовала и препятствует деятельности демократических партий, «...идейные принципы рушатся, не раз проявляется их ...слабость... Мы не можем выдвинуть против того, что является великим, ничего равновеликого». В январе 1947 г. Ст. Игнар полагал, что уже в довоенное время аграризм не соответствовал настроениям многих членов «Вици». Но тогда, по его мнению, отсутствовал необходимый климат для полемики с ортодоксальными сторонниками аграризма, теперь же наглядно выявилось, что аграризм не может служить оружием в борьбе с крупными собственниками, ибо не содержит положений такой принципиальной важности, как крестьянско-рабочее сотрудничество. В феврале 1947 г. Ст. Игнар заострил свою позицию, заявив на упомянувшейся выше конференции ее участникам: «...Аграризм меня не устраивает, меня больше устраивает исторический материализм» [26, s. 145—146, 159].

Таких резких оценок аграризма придерживалось в «Вици», конечно, лишь крайне незначительное, но политически активное меньшинство. Подавляющее большинство членов Союза в целом принимало аграризм, но склонялось к его критическому переосмыслению. И все же влияние тех функционеров, которые сомневались в целесообразности доктрины, нарастало, о чем свидетельствовало то, что в ходе подготовки съезда «Вици» и в результате дискуссий на съезде (апрель 1947 г.) был принят документ, признававший платформу народной демократии, обязывавший членов «Вици» активизировать участие в строительстве новой Польши при сохранении самостоятельности Союза. Термин аграризм в директивах съезда не упоминался, что, видимо, было не случайно, поскольку предполагалось обсудить вопросы теории на специальной идеологической кон-

ференции, запланированной на конец 1947 — начало 1948 г. [26, с. 158; 160—166].

Нарастание критики в адрес доктрины отразила и дискуссия, проходившая весной — летом 1947 г. на страницах журнала «Вици», редакция которого призывала всех желавших принять в ней участие. На призыв откликнулись как людовская молодежь, так и опытные функционеры, оппозиционеры и сторонники главы ПСЛ — Ст. Миколайчика. Дискуссия развивалась сразу по меньшей мере по двум направлениям: выяснялось соответствие доктрины аграризма целям и задачам людовцев и прослеживались возможности сосуществования аграризма и концепций рабочего класса. Мнения высказывались различные, порой полярные, но примечательно, что практически все признавали тот факт, что именно народная власть претворила в жизнь целый ряд демократических постулатов доктрины. Об этом говорил, например, недавний председатель «Вици» и член оппозиции в ПСЛ Я. Душа, не питавший симпатий к народной власти, тем более к ППР. За этим признанием начинались претензии к народной власти и проявлялось отношение к аграризму, как к идеологической платформе движения. По самым принципиальным вопросам внутренней политики правительства высказывались большие сомнения. Это свидетельствовало как о глубоком укоренении аграризма в людовском движении, так и о существовании серьезных идейных преград на пути складывания политического сотрудничества значительной части этого движения с народной властью.

Я. Душа задавал вопрос: а все ли сделано правильно в народной Польше, правильно ли поступил ПКНО в сфере промышленности, «правильной ли была конфискация помещичьей земли с вознаграждением, правильно ли вторжение государства в сферу обмена» [23, № 16]? Подоплекой этих рассуждений было довольно устойчивое на центристско-правом фланге движения нежелание признать свое опоздание с реализацией демократических постулатов аграризма и стремление приобщиться к возрождению страны, внося на ходу идейные коррективы в реализуемую народной властью программу восстановления. Подоплекой был и страх перед «идейной и организационной капитуляцией людовского движения» (перед перспективой утратить аграризм как один из самых главных инструментов мобилизации крестьянских масс, как главное оружие в деле воспитания и сохранения крестьянского сепаратизма), страх перед изменением цели (строить Польшу не аграрную, а индустриально-аграрную). Этому боялись функционеры и актив почти всех направлений и течений людовского движения. Этим объяснялись попытки не только и не столько критиковать, сколько защищать аграризм. Отсюда был поиск аграристских корней в Манифесте ПКНО и в деятельности народной власти, стремление на основе этого присоединиться к народной власти, выдать ее успехи за свои. Поиск «родства» аграризма и программы ПКНО был присущ в первую очередь Союзу молодежи («наши радикальные довоенные стремления, наши проекты периода подполья... становятся действительностью...»), особенно его левому флангу («Манифест ПКНО базируется на нашей досентябрьской идейной декларации»). Умеренные члены «Вици» тоже считали, что «...ПКНО базировал свой манифест на основных принципах... аграризма» [23, № 29, 36]. Из этих заключений логически вытекала необходимость пересмотреть отношение к рабочему классу, т. е. сгладить или отбросить объективно антирабочие положения доктрины. Но, отдавая должное успехам рабочего класса, людовцы видели истоки этих успехов в своих просчетах, в своих ошибках, поскольку «в свое время не изменили своей позиции... и не полностью участвовали в реализации программы реформ...» [23, № 34].

Высказываясь за сотрудничество с рабочим классом, значительная часть людовцев упорно отрицала руководящую роль этого класса и его партии. Правда, сторонники аграризма занимали теперь не агрессивно-наступательную, а скорее оборонительную позицию, что выражалось в идеализации доктрины, особенно ее прошлых «заслуг», и в определенной модификации ряда ее положений. Я. Душа, например, писал: «...агра-

ризм является идеологией живой, постоянно развивающейся. Мы не утверждали и не утверждаем, что его положения неприкосновенны...» [23, № 16]. Преобладал в людовской печати все-таки «оборонительный» мотив. Так, деятель оппозиции в ПСЛ З. Заленский призывал членов «Вици» «дружно встать на защиту коллеги Милковского»⁴, идеи которого резко критиковал лидер левого крыла движения, партии СЛ — В. Ковальский. З. Заленский видел в аграризме «то, за что и почему боролись крестьяне» [23, № 32]. Другой людовец, В. Джубела, шел в своих оценках аграризма еще дальше: «...дискредитировать его (аграризм.— Н. А.), с первого слова считать его ничем, перечеркивать его какую-либо позитивную роль значит дискредитировать само крестьянское движение» [23, № 26—27]. В пылу полемики прорывалось, в качестве «обиды» крестьянства на рабочий класс, непреодоленное в движении противопоставление интересов двух основных общественных классов («...крестьянина обязывает позитивное отношение к рабочему, но в равной мере и рабочего к крестьянину. ...Мы по опыту знаем, как часто рабочие не понимают крестьян» [23, № 33]). Несмотря на приверженность людовцев (особенно большинства актива движения) к идеям доктрины аграризма политический опыт, накапливаемый в ходе развития революции, расплывал устоя аграризма и его укоренение среди людовцев. Этот опыт вызывал расхождения в оценках аграризма внутри движения, что нашло свое выражение в 1947 г. на страницах людовской печати.

Оппонентами Я. Души, З. Заленского и других, выступавших скорее с позиций защиты, чем критики аграризма, были, главным образом, представители леворадикального крыла Союза «Вици». Они обвиняли руководство правого фланга движения (т. е. ПСЛ), оставшегося за рамками национально-демократического фронта, в ошибочных политических позициях, которые не позволили людовцам принять участие в реализации ряда положений аграризма. Причем, порой в адрес аграризма звучала очень резкая критика. Отдавая должное позитивной роли, которую выполнял аграризм в межвоенное время, когда он «развивался как антикапиталистическое направление», когда «аграрная программа была очень полезна для крестьянства», когда «крестьянин-аграрист» и «рабочий-марксист» имели общего врага — помещика и капиталиста, ...имели общую цель — получить землю для крестьян, фабрики для рабочих, а политическую власть передать в руки крестьянско-рабочего лагеря», формирующееся демократическое крыло ПСЛ теперь использовало доктрину как средство отвлечь внимание крестьян от главной цели, столкнуть его с рабочим классом [23, № 36, 38].

Резко отрицательные оценки аграризма не были в 1947 г. редкими среди демократически настроенной людовской молодежи. Напомним выступления Ст. Игнара, приведем в качестве примера статью «Не туда дорога» Л. Стасяка, вице-председателя Комитета демократизации «Вици», а затем члена президиума Главного правления «Вици». Он выступал прямым оппонентом Я. Души, которого обвинял в идеализации возможностей аграризма выполнить «роль чудотворного лекарства от всех крестьянских мук...». Л. Стасяк отрицал позитивное влияние доктрины на позиции польских крестьян, поднимавшихся на борьбу с режимом «санации», на осознание ими «слабых мест капитализма». Голод, нужду и отсутствие работы он называл «призывом, мобилизующим крестьян...». Отрицательную функцию аграризма Л. Стасяк усматривал в призыве к борьбе с материалистическим мировоззрением, к борьбе «за несуществующие дела». Общий фронт борьбы крестьян и рабочих против власти крупного капитала, утверждал Л. Стасяк, «возник независимо от аграризма». «Реакционную сущность аграризма» он видел в той контрреволюционной роли, которую аграризм играл в послевоенный период: «...то, что сегодня отношения между рабочим и крестьянским движением сложились несколько иначе, как и то, что многие аграристы сначала воздержались от совместного строительства народной Польши, что проспали время аграрной

⁴ Один из ведущих идеологов людовского движения. Погиб в годы оккупации.

реформы, что ...укрепляли силы реакции, и то, что еще до сего дня многие не могут найти себе места в народной демократии, все это... имеет свои причины... именно в аграристском способе мышления. И тут проявляется реакционная сущность аграризма» [23, № 30].

Обсуждение коснулось и «святая святых» доктрины — принципа мелкого крестьянского хозяйства как основы сельскохозяйственного производства. В дискуссии принял участие деятель ПСЛ-Левицы М. Полещук (Е. М. Гуршчик) — сторонник обобществления сельскохозяйственного производства. Еще до войны он был одним из первых активных деятелей людовского движения, кто противопоставил аграризму иную концепцию. В аргументации М. Полещука весьма осязаемы его классово-политические позиции, позиции сознательного представителя пролетарской части деревни. Он отдавал должное энтузиазму и убежденности Милковского, но попытку перестроить деревню на принципах аграризма расценивал как утопическую, поскольку, по убеждению Полещука, «аграризм не может устранить ни перенаселенность деревни, ни нужду, ни эксплуатацию человека человеком». Полещук отказывался рассматривать аграризм как оружие в борьбе с «санацией». По его мнению, аграризм «не представлял опасности для „санации“», более того, «даже вопреки воле своих сторонников», он выполнил роль «успокаивающего средства» [23, № 35]. На наш взгляд, М. Полещук в данном случае несколько «забегал» вперед и сбрасывал со счета задачи борьбы за буржуазную демократию, которые стояли в 30-е годы в Польше на первом плане.

М. Полещук, как и до войны, был одним из очень немногих деятелей людовского движения, кто в условиях 1947 г. имел смелость и убежденность противопоставлять аграристским концепциям индивидуального крестьянского хозяйства концепцию «обобществленного сельскохозяйственного производства» [23, № 35].

Мы не располагаем материалом, прямо отражающим реакцию людовских деятелей на выступление М. Полещука. Косвенным свидетельством, мягко выражаясь, сдержанного отношения к его планам организации «общественного производства» в деревне являлась практически всеобщая приверженность людовцев к частной мелкой земельной собственности и идеализация экономических возможностей и будущего индивидуального хозяйства.

Наиболее резкая критика выступлений людовцев по проблемам дальнейшего развития страны прозвучала с самого левого фланга движения, который был носителем и реализатором идеи союза крестьянства с рабочим классом. В дискуссии принял участие лидер СЛ В. Ковальский, который в статье «От Новоселец до ПСЛ» выступил против взглядов Ст. Милковского и его работ об аграризме [27]. Статья В. Ковальского не внесла новых акцентов в отрицательное отношение левых людовцев к аграризму (хотя они и притдерживались некоторых положений доктрины), но стимулировала процессы пересмотра позиций и оценок аграризма в людовском движении, обострила разногласия по этому вопросу на право-центристском фланге (среди членов ПСЛ, «Вици», ПСЛ-НВ, ПСЛ-Л) [26, s. 168—169].

Таким образом, дискуссия об аграризме показала, с одной стороны, довольно глубокое укоренение доктрины в людовской среде, с другой — нарастание ее критики, поскольку аграризм, как идейное оружие людовцев, не обеспечил им успеха в политической борьбе и утрачивал свое недавнее демократическое содержание. В связи с тем, что доктрина аграризма все еще была популярна в деревне и рассматривалась значительной частью людовцев как антипод концепциям рабочего класса, в дискуссии приняли участие представители рабочих партий.

Деятели ППР критиковали доктрину аграризма с позиций марксизма, соотнося постулаты аграризма с реальной действительностью. В 1947 г. теоретический орган ППР «Трыбуна вольности» поместил ряд статей («За концепцию развития Польши», «Аграризм и крестьянский вопрос», «Исторические аналогии. По поводу дискуссии об аграризме»), прямо адресованных сторонникам аграризма [28, № 1, 8, 11].

ППР отвергала концепцию строительства аграрного государства с распыленной промышленностью, обрабатывающей сельскую продукцию, поскольку эта программа не предусматривала главного — быстрого экономического прогресса, резкого роста занятости миллионов недавно «лишних» людей (в первую очередь, из села), постепенного подъема сельского хозяйства на базе индустриализации и (в итоге) роста жизненного уровня трудящихся в городе и деревни. Иными словами, доказывалась невозможность на основе доктрины аграризма решить аграрно-крестьянский вопрос в Польше ни с социально-экономической, ни с социально-политической точки зрения.

Отвергала ППР и предложения аграристов превратить Польшу в экспортера сельскохозяйственной продукции как угрожавшие экономической, а значит и политической независимости страны. «Есть только один выход, — писал публицист ППР, — а именно создать столь емкий внутренний городской рынок, т. е. провести индустриализацию, чтобы сельская продукция в преобладающей своей части могла быть размещена внутри страны» [28, № 11].

Газета ППР «Трибуна вольности» в первой половине 1947 г. поместила ряд статей, касавшихся одной из магистральных проблем аграризма — проблемы кооперации. Причем критика людовских «кооперативных планов» была адресована и ППС, которая отстаивала концепцию «самостоятельного» кооперативного сектора, равновеликого по значению государственному хозяйству, обеспечивающего сбыт и переработку сельскохозяйственной продукции, снабжение товарами широкого потребления городского и сельского населения [28, № 6, 19].

Руководство ППР подходило к этой проблеме с классовых позиций и отказывалось принимать сложившиеся еще в буржуазной Польше принципы и традиции кооперативного движения, а также все суждения о роли кооперации, бытовавшие в социалистическом и людовском движениях. Партия отвергала то, что могло служить интересам богатой и спекулятивной части деревни, а из старых кооперативных традиций принимало только «...лучшее, прогрессивное, что в условиях капитализма было зачастую утопией». ППР отказывалась «от всего, что было направлено против бедноты и середняка» [29, с. 439]. Она открыто заявляла, что не допустит превращения кооперации в инструмент эксплуатации малоимущего крестьянства, не допустит возникновения здесь лазейки для репродукции и обогащения сельской буржуазии.

Вместе с тем партия не отрицала роль кооперации — потребительской, бытовой, кредитной⁵ — в деле восстановления и экономического подъема деревни, в налаживании связи деревни и города. Во имя этого она помогала демократической части кооператоров возглавить кооперативное движение. Но одновременно ППР резко выступала против попыток вывести кооперацию из-под контроля государства. Руководство ППР считало, что не передача кооперации «готовых» предприятий, а их создание путем объединения мелких производителей и предпринимателей в сфере переработки сельскохозяйственной продукции — вот главная задача кооперации, выполнение которой будет способствовать подъему материального уровня крестьян-кооператоров и исключит спекулятивное посредничество из системы экономических контактов «деревня — город», но при условии прочной связи кооперации с государством. Государственный контроль и четко обозначенные экономические рамки деятельности кооперации Польская рабочая партия рассматривала как инструменты пресечения наживы и спекуляции, что было вполне реально при классовой структуре тогдашнего общества и имущественной разнородности населения деревни. Рассматривая кооперативное движение крестьян как часть всего кооперативного движения в стране, ППР учитывала его общественно-воспитательные функции, но считала, что потребительско-бытовая кооперация не может быть универсальным и единственным средством ре-

⁵ Проблема изменения характера сельскохозяйственного производства на основе кооперирования главного средства производства — земли в те годы не обсуждалась в рабочем движении.

шения всех проблем деревни. Партия не абсолютизировала роли таких кооперативов, как это делали людовцы — сторонники концепции аграризма.

Особое внимание доктрине аграризма уделил теоретический орган ППС «Пшеглэнд социалистyczny». В отношении проблем кооперации журнал пытался занять некую среднюю позицию между теми, «кого программа кооперирования лишает сна» (читай — ППР), и теми, кто «все еще бредит кооперативной республикой» (читай — людовцами). ППС видела в потребительско-сбытовой кооперации «решающий координационный фактор», который должен «сыграть специальную роль, как организатор сельских производителей», как канал связи деревни с плановой экономикой [9, № 7].

Анализируя развитие польского сельского хозяйства в течение семи—восьми лет, публицисты ППС приходили к выводу, что несмотря на определенное улучшение положения крестьян (как результат отлива национального дохода из города в деревню), не наблюдался экономический подъем, отсутствовал технический прогресс в сельскохозяйственном производстве, незначительны были темпы роста продукции. ППС признавала большие трудности ситуации в деревне (ножницы цен, посредничество, неудовлетворительная работа государственного аппарата, классовое расслоение крестьян и эксплуатация бедных богатыми). Выход из этого положения ППС видела в индустриализации страны (вопрос — в каком направлении) и в инвестировании деревни через государственную и потребительско-сбытовую кооперацию. Причем, непроизводительной кооперации отводилась здесь главная роль организатора экономической жизни деревни и регулятора производства. Кооперации вменялась в обязанность и особая функция — «обобществление» и возвращение в деревню той прибавочной стоимости, которую перехватывали посредники. Полагая, что «малые, слабые кооперации не сдвинут с места польскую деревню», ППС выступала за «интегральную сельскую кооперацию», способную воздействовать на процесс производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах и на обмен между городом и деревней [18, № 3, 6]. В предлаженной ППС схеме мы видим как рациональнее зерна (например, унификацию кооперативной сети), так и глобализацию роли непроизводительной кооперации в экономике страны, что сближало позиции социалистов и сторонников доктрины аграризма. Но полностью взгляды людовцев были неприемлемы для социалистов (примат сельского хозяйства в экономике страны, например). Поэтому ППС в дискуссии об аграризме выступала на стороне ППР.

Социалисты, как и ППР, не принимали исходный постулат аграризма о возможности на базе сельского хозяйства решить все экономические проблемы, не принимали тезис о сохранении аграрного облика Польши. Они считали: «...проблема сельского хозяйства может быть решена только и в преобладающей мере вне сельского хозяйства», «индустриализация, развитие городов... являются причиной роста богатства в сельском хозяйстве и не только потому, что создают рынок сбыта для сельскохозяйственной продукции, но прежде всего потому, что создают возможности для отлива из деревни излишнего населения... Сельское хозяйство не составляет для промышленности главного рынка сбыта. Промышленность и города являются рынками сами для себя... сельское хозяйство... не решает вопрос об уровне национального дохода, наоборот оно от него зависит...» [18, № 2].

ППС видела только одну возможность решить аграрный вопрос: «...нужно поднять уровень сельского хозяйства. Этой цели... иначе не достигнуть как через индустриализацию страны, что равнозначно утрате ею сельскохозяйственного облика» [18, № 2].

Принимая тезис людовцев об индивидуальном крестьянском хозяйстве, как главном звене аграрной структуры, ППС определяла возврат к аграризму как «какой-то неясный кошмар», который «можно понять, но трудно простить, имея в виду его отрицательное воздействие на мышление польской деревни...» [18, № 2].

Публицист ППС в статье «Аграризм или индустриализация» делал главный вывод: «В дискуссии речь идет... не о выборе средств, а о решении мировоззренческих проблем. Признание жизни и труда крестьянина за источник неиспользованных резервов жизненной энергии, равновесия духа и морального здоровья и отсутствие того, что по сути позиция крестьянина скорей пассивна, — в основе своей фальшивая постановка вопроса...» [18, № 2]. Этот вывод свидетельствовал о сближении позиций обеих рабочих партий по отношению к доктрине аграризма. После заседания Главного совета ППС 30 июня 1947 г., в обстановке усиления позиций левых социалистов, выступивших за укрепление сотрудничества рабочих партий, была предрешена политическая судьба аграризма, стали бесперспективными планы тех, кто выступал за превращение доктрины в государственную программу [17, с. 395—396; 399 и др.]. Нарастание критики аграризма в самом людовском движении, появление тенденций к различной модификации доктрины в партиях и группировках этого движения облегчало возможность для рабочих партий решить судьбу доктрины в ходе политической борьбы. Основной ареной этой борьбы после выборов становился Сейм, а главным политическим противником рабочего класса оставалось правое руководство ПСЛ, за которым все еще шла часть людовцев. Именно обремененный доверием большинства общества Сейм и сформированное новое правительство должны были принять и реализовать программу дальнейшего развития страны.

Для ПСЛ, хотя она и была слабо представлена в Сейме и ее представительство не отличалось политической сплоченностью, борьба в Сейме оставалась последней надеждой: партия не располагала прежней политической мобильностью, пропагандистскими возможностями и аппаратом, она утрачивала партийный актив и лишилась поддержки подавляющей части общества, т. е. не имела «большой общественной энергии» [30, 11 V]. Используя трибуну Сейма, правые лидеры ПСЛ надеялись оказать воздействие на решение важнейших государственных вопросов. Все еще сохранявшаяся определенная популярность доктрины аграризма среди части крестьянских масс эксплуатировалась при этом весьма активно.

Попытавшись (безрезультатно) свести к минимуму срок работы Сейма, ПСЛ развернула критику по всем обсуждавшимся на его заседаниях вопросам: о выборе президента и составе правительства, новой конституции, судебных органах, судьбе некоторых министерств и ведомств, о цензуре и налогах, наконец, об амнистии [31, оп. 27/1, д. 6802, л. 249; оп. 27/2, д. 6811, л. 24—25, 35; оп. 28/2, д. 994, л. 220, 217; 32, II—PSL/8; 16, № 2, 12, 13, 75, 109, 139; 33, 20—23 VII; 34, с. 149; 35, с. 440—441]. Все попытки мешать работе Сейма окончились провалом: президентом стал Б. Берут, в правительство не был избран ни один деятель ПСЛ, амнистия вернула к нормальной жизни десятки тысяч людей. Сейм утвердил так называемую Малую Конституцию, закрепившую результаты демократических преобразований в стране и определявшую принципы внутренней и внешней политики народного государства. Процесс политической стабилизации и консолидации польского общества на демократической основе продолжался.

Работа Сейма нанесла сильнейший удар по ПСЛ — главному политическому противнику демократических сил на пути реализации выдвинутых ими концепций дальнейшего развития Польши. Утверждение Сеймом 2 июля 1947 г. принятого еще осенью 1946 г. сессией КРН трехлетнего плана означало, что аграризм не будет основой общественной перестройки в Польше [36; 37, с. 54].

Трехлетний план был первым в истории Польши планом, направленным на ликвидацию вековой экономической отсталости страны, на подъем жизненного уровня широких масс трудящихся на основе развития производительных сил, в первую очередь в промышленности. Целью его было изменение пропорций в создании национального дохода между сельским хозяйством и промышленностью в пользу промышленности, что в свою очередь открывало реальную возможность восстановления и развития сельского хозяйства, решения проблемы «лишних» людей в деревне.

Против этой долгосрочной экономической стратегии рабочих партий и против основных положений трехлетнего плана правое руководство ПСЛ развернуло «наступление» в Сейме «широким фронтом». Оно не могло напрямую отвергать идею превращения Польши в промышленно развитое государство. Поэтому рабочим партиям предлагалось «найти общий (с ПСЛ — А. Н.) путь, ведущий к этой цели». На самом же деле ставка делалась на раскол демократического фронта (в который раз?!), на ссору рабочих и крестьян по конкретному, но не частному вопросу. Выступавший от имени ПСЛ Ст. Миколайчик с присущей ему манерой преувеличения «заслуг» ПСЛ (и своих лично) в консолидации общества вокруг ПКНО и правительства национального единства доказывал наличие «в политике правительства острых антикрестьянских моментов» [21, 29 VI]. Одновременно он старался обострить разногласия между ППР и ППС по ряду вопросов экономической политики. Депутаты от ПСЛ то «поддерживали» ППС и подчеркивали свое «единство духа» с социалистами («нас объединяет... общая точка зрения на роль кооперации в государстве»), то доказывали «бессилие» ППС перед «давлением» ППР, которая «заняла главнейшие командные посты» и выступает-де против существования трех секторов в экономике [31, оп. 27/2, д. 6810, л. 277—275].

«Маневры» правых лидеров ПСЛ перед ППС не достигли искомого эффекта. Их расценили должным образом не только в ППС — резкой критике они были подвергнуты со стороны одного из лидеров оппозиции в ПСЛ Ч. Выщеха, который подчеркивал, что политика правительства полностью отвечает нуждам народа и чаяниям крестьян [32, П—PSL/8; 18, № 10, s. 7].

Борьба правого руководства ПСЛ против трехлетнего плана тесно переплеталась с борьбой против проекта госбюджета на текущий год, который обсуждался в Сейме. Депутаты от ПСЛ внесли множество поправок и предложений, чтобы помешать намерениям рабочих партий, как «не соответствующим польским условиям». Депутат З. Заленский предлагал «быть осмотрительными» в определении темпов развития экономики, поскольку «...мы зависимы от внешних поставок сырья, технического оборудования и зарубежных кредитов» и «должны сосуществовать со всем миром» [21, 11 VI; 39, s. 73—77]. В условиях «холодной войны» и экономического бойкота социалистического мира ПСЛ, как и ранее, призывала правительство обращаться за экономической «помощью» к западным государствам, доказывала обреченность хозяйства Польши на деградацию без «кинбедки» западных монополий. Лидеры ПСЛ «предупреждали» руководителей рабочих партий, что «польские исходные данные» (2 млн га пустырей, 1,5 млн «лишних» людей в деревне, низкая производительность труда и разруха в промышленности) не позволяют-де строить величественные планы развития польской промышленности, что они диктуют якобы одну возможность — сосредоточить усилия на поддержке сельского хозяйства. Поэтому ПСЛ резко протестовала против направления главных капиталовложений в промышленность, транспорт, строительство [16, № 129]. В позиции ПСЛ просматривалось желание «закрыть глаза» на разрушенные заводы, фабрики, шахты, взорванные мосты, железнодорожные пути, линии связи и энергоснабжения. Не устраивали лидеров ПСЛ и те цифры и та динамика инвестиций в сельское хозяйство, которые отражали их систематический рост, но были ниже роста вложений в промышленную сферу [30, 20 VII]. Депутаты от ПСЛ опротестовали предлагавшееся рабочими партиями распределение инвестиций в госбюджете на 1947 г. [38, s. 69, 79—83].

Подавляющее большинство депутатов Сейма не поддержало претензий ПСЛ по вопросу главного направления развития национальной экономики, поскольку требования и аргументы этой партии находились в противоречии с реальным положением дел и с генеральными принципами политики Демократического блока, направленной на улучшение благосостояния всех трудящихся и на подъем всех отраслей народного хозяйства. Не удалось ПСЛ путем широкой дискуссии «подправить» классовое

содержание экономической политики правительства в пользу мелких собственников и за счет рабочего класса [16, № 75]. Ее предложения не были поддержаны политическими представителями этой категории населения — Стронництвом людовым, Стронництвом демократычным и Стронництвом працы, которые вместе с рабочими партиями голосовали за «...путь конструктивного роста благосостояния, а не за путь краткосрочных конъюнктурных достижений, которые приносят поражение» [31, оп. 27/1, д. 6800, л. 239]. В итоге трехлетний план на 1947—1949 гг. и госбюджет на 1947 г. были единодушно утверждены всеми политическими партиями, одобренными программой строительства индустриально-аграрной Польши [38, с. 95, 108, 124, 125]. Это было политическое поражение доктрины аграризма и защитников ее наиболее реакционных антисоциалистических и антирабочих положений.

Свой вклад в утверждение трехлетнего плана внесло и СЛ, представители которого занимали в Сейме конструктивные и солидарные с рабочими партиями позиции: СЛ видело в развитии промышленности единственно возможный путь вывода сельского хозяйства из глубокой отсталости, а деревни — из нужды к прогрессу, культуре, образованию [38, с. 130]. Вместе с тем представителям СЛ не были чужды определенные симпатии к некоторым положениям доктрины аграризма, что накладывало отпечаток на политику защиты этой партией специфических интересов крестьянства, текущих потребностей сельского хозяйства. Раздавались требования экстренной помощи государства деревне (особенно наиболее пострадавшим от войны районам), ликвидации «запаса земли» (т. е. государственного фонда) и раздела ее среди тех, «кто сегодня не имеет земли для обработки», налаживания широкой системы краткосрочного кредитования крестьянских хозяйств на выгодных для них условиях, немедленного улучшения агроструктуры [31, оп. 27/1, д. 6800, л. 239; 16, № 9, 11, 20; 38, с. 129].

Представители СЛ порой пытались оказать в связи с этим давление на рабочие партии (заметим, что требования, выдвигаемые СЛ, получали одобрение некоторых членов депутатского клуба ПСЛ), что было, на наш взгляд, связано с оживлением в середине 1947 г. в СЛ настроений, свойственных скорей людовскому «центру», чем леворадикальным традициям движения.

Но в целом позиция СЛ принципиально отличалась от курса ПСЛ тем, что она базировалась на признании первоочередности восстановления и развития промышленности Польши под руководством рабочих партий, что во главу угла лидеры СЛ ставили принцип союза с рабочим классом при решении всех государственных задач, что СЛ в целом прочно политически блокировалась с рабочими партиями. Поэтому эта партия не поддержала попытку ПСЛ заставить Сейм признать проблему «восстановления земли главной среди других государственных проблем». По ряду конкретных вопросов, связанных с политикой в отношении деревни, лидеры СЛ были порой близки оппозиционерам в ПСЛ [39, с. 109—112; 40, с. 98], часть которых негативно относилась к планам аграризации Польши. Ведущие деятели ПСЛ-Л не принимали участия в кампании организации провала трехлетнего плана, не подписывали многочисленных «поправок» к нему. Это открывало возможность контактов фракции с руководством СЛ.

Проиграв битву в Сейме за определение облика будущей Польши, лидеры ПСЛ попытались «исправить» положение дел кампанией «защиты» действующей кооперации и кооперативного движения, которые будто бы оказались под угрозой гибели в связи с новыми акцентами в экономической политике ПНР. В руководстве ПСЛ считали, что эта политика направлена «против кооперации и против частной инициативы». Заседания же Сейма якобы созывались лишь для того, чтобы представить правительству «ряд чрезвычайных полномочий, направленных против частной инициативы». Пропаганда ПСЛ извращала суть и причины экономических трудностей в стране, которые, по ее мнению, крылись в нерентабельности государственной промышленности.

Выход из положения лидеры ПСЛ видели в развитии «самостоятельной», т. е. независимой от государства, «аполитичной» кооперации. Весной 1947 г. исполком ПСЛ утвердил «Директивы по вопросам кооперации», где была вновь изложена позиция ПСЛ по этому вопросу [32, II—PSL/53]. Смысл появления «директив» был не в повторении известного, а в том, чтобы, критикуя кооперативную политику правительства и рабочих партий, возродить и разжечь недоверие крестьян к народной власти. С этой целью предпринимались настойчивые попытки обосновать ненужность государственной промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, доказать «ошибочность» действий власти по созданию универсальной непроизводственной кооперации в деревне.

Весьма показательным было наличие в Директивах положения о «независимости» кооперации от политических движений и организаций. Политическая «независимость» кооперативного движения рассматривалась в ПСЛ как средство, препятствующее демократизации руководящего состава кооперативной сети, за что боролись рабочие партии.

Наиболее резко ПСЛ выступала против государственного контроля над перерабатывающей промышленностью и против создания системы государственной розничной торговли, якобы «враждебной кооперации, не приносящей пользу потребителю».

Руководство ПСЛ предлагало своим членам развернутую программу действий, направленную на то, чтобы не выпустить «инициативу из своих рук» и «утверждать наши принципы во вновь возникающих кооперативных пунктах». Это была программа борьбы за сохранение присутствия ПСЛ в политической (прежде всего) жизни общества. Потеря влияния на кооперацию, которая участвовала в организации продовольственного снабжения города и промышленного обеспечения села и предоставляла ряд услуг деревне, играла значительную роль в освоении западных земель, в восстановлении некрупных фабрик и заводов, означала для ПСЛ потерю одного из важнейших каналов влияния в обществе, потерю одной из опор для противостояния рабочим партиям и их концепциям дальнейшего развития страны.

Но начатый процесс демократизации кооперации и усилия демократических партий, в том числе и СЛ, по включению кооперации в систему плановой экономики, прилагаемые в период «битвы за торговлю», привели ПСЛ к поражению и на этом участке. Демократизация и, как сопутствовавшее ей явление, реорганизация в 1947—1948 гг. структуры кооперации, означали провал экономических концепций ПСЛ. Рухнул план создания такого народного хозяйства, где потребительско-сбытовая кооперация играла бы ключевую роль, была бы независима от государства и служила бы сохранению и упрочению влияния и позиций ПСЛ [41, с. 167, 172; 10, с. 205, 32, II—PSL/42].

Положение правого руководства ПСЛ резко ухудшалось ввиду отсутствия единства взглядов на проблемы кооперации в рядах самой ПСЛ. К концу 1947 г. усилились позиции тех, кто боролся за устранение правых от определения политики партии. Деятели фракции признавали право народного государства быть «главным реализатором общественной экономики» и обязанность кооперации «...соответствовать основным направлениям экономической деятельности народного государства» [30, № 42]. Главную функцию кооперации они видели в приобщении народных масс, прежде всего сельского населения, к работе планового хозяйства. Понятно, что при таком понимании роли и места непроизводственной кооперации демократическое крыло ПСЛ приняло и поддержало предлагаемую и осуществляемую народной властью перестройку кооперативной системы в стране.

Таким образом, середина 1947 г. была отмечена принятием всеми демократическими силами правительственной программы дальнейшего развития Польши, программы, основанной на предложениях ПНР. Утверждение трехлетнего плана не только нанесло удар по позициям руководства ПСЛ. Оно означало победу пролетарской концепции будущего над доктриной аграризма. Выполнив этот план, Польша становилась

индустриально-аграрной страной. В 1949 г. основную часть национального дохода должна была давать государственная промышленность, что создавало базу для производства товаров широкого потребления и подъема материального уровня населения, в том числе и крестьянства.

Значительная часть людовского движения приняла пролетарскую программу развития. Популярность доктрины аграризма уменьшалась, особенно ее антисоциалистических и антирабочих положений. Но симпатии людовцев к аграристским концепциям не исчезли полностью — людовское движение развивалось и действовало в рамках ранее утвержденных программ, основанных на этих концепциях. Более того, польская действительность создавала почву для сохранения атмосферы признания доктрины в крестьянской среде. Мы имеем в виду не только субъективный момент (живучесть и популярность традиций людовского движения, в том числе и идеологических), но и объективный фактор. Аграрный строй Польши 1947 г. создавал постоянные источники сохранения доктрины, аккумулировавшей и отражавшей специфические сословные интересы крестьянских масс. Поэтому аграризм как система взглядов на мир и пути его преобразования морального поражения пока не потерпел. Он оставался основой идейных представлений миллионов крестьян (от все еще не вырвавшихся из тисков нужды до зажиточной прослойки деревни), мелких производителей, позиции которых отчасти были укреплены аграрной реформой, сотен тысяч крестьян, впервые получивших свою землю и свою власть, от которой ожидали реализации главных крестьянских требований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kozik Z.* Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. Kraków, 1975.
2. *Jagiello J.* O polską drogę do socjalizmu. Dyskusje w PPR i PPS w latach 1944—1948. Warszawa, 1982, roz. IV, VI.
3. *Gomułka W.* W walce o demokrację ludową. Warszawa, 1947, t. II.
4. *Nowe drogi*, 1947.
5. *Яжборовская И. С.* Польская Рабочая партия в борьбе за развитие революции. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
6. Информационное совещание представителей некоторых компартий в конце сентября 1947 г. в Польше. М., 1948.
7. *Góra W.* Polska Rzeczpospolita Ludowa. Warszawa, 1976.
8. *Z pola walki*, 1971, № 3.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45.
10. *Z dziejów ruchu ludowego w PRL.* Warszawa, 1976.
11. *Głos Ludu*.
12. *Dobieszewski A., Hemmerling Z.* Ruch ludowy w Wielkopolsce. 1945—1949. Warszawa, 1971.
13. *Jeziński A., Petz B.* Historia gospodarcza Polski Ludowej. Warszawa, 1982.
14. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1978.
15. *Kaliński J.* Bitwa o handel. 1947—1948. Warszawa, 1971.
16. *Polska Rzeczpospolita Ludowa. Sejm. Druki.* Warszawa, 1947.
17. *Syzdek B.* Polska Partia socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974.
18. *Przegląd Socjalistyczny*, 1947.
19. *Ideologia i Polityka*, 1981.
20. *Spółdzielczy kwartalnik naukowy*, 1981.
21. *Chłopski sztandar*, 1947.
22. *Носкова А. Ф.* К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. — Советское славяноведение, 1981, № 2.
23. *Wici*, 1947.
24. *Nowe Wyzwolenie*, 1947.
25. *Niećko J.* Na drodze do Polski Ludowej. Warszawa, 1967.
26. *Jarecka-Kimłowska St.* Związek Młodzieży Wiejskiej «Wici». Warszawa, 1972.
27. *Zielony Sztandar*, 1947, 25 V.

28. Trybuna Wolności, 1947.
29. *Gomułka W.* Artykuły i przemówienia, t. II. Warszawa, 1964.
30. Chłopi i Państwo, 1947.
31. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 4459 (ТАСС).
32. Archiwum Zakładu historii ruchu ludowego (AZHRL).
33. Gazeta Ludowa, 1947.
34. *Syzdek B.* Lata decydujących przemian. Warszawa, 1980.
35. *Borkowski J.* Działalność i polityka mikołajczykowskiego PSL. 1945—1947. (Rękopis pracy doktorskiej). Warszawa, 1958.
36. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1947, № 53, 16 VIII, poz. 295.
37. Polska Rzeczpospolita Ludowa. Sejm Ustawodawczy. Sprawozdania stenograficzne. Posiedzenie 2 lipca 1947. Warszawa, 1948.
38. Polska Rzeczpospolita Ludowa. Sejm Ustawodawczy. Sprawozdania stenograficzne. Posiedzenie 1 lipca 1947. Warszawa, 1948.
39. Wspólne cele. Warszawa, 1980.
40. *Jeziński A.* Historia gospodarcza Polski Ludowej. Warszawa, 1971.
41. PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego. I 1947 — XII 1948. Warszawa, 1973.]

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СЕРБИИ 1844 Г. И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ

Сербское княжество, получившее в 1830 г. благодаря решающей военной и дипломатической помощи России внутреннюю автономию и в результате этого международное признание как полунезависимое от Османской империи государство, к началу 40-х годов сделало заметный шаг вперед в своем общественно-экономическом и политическом развитии. Однако отсталость, обусловленная многовековым иноземным господством, еще не была преодолена.

После прихода к власти в 1839 г. уставобранителей (защитников конституции. — К. П.), падения династии Обреновичей и избрания в 1842 г. на престол князя Александра Карагеоргиевича в стране утвердилась олигархическая система правления. Власть оказалась в руках группировки крупных сербских торговцев, представителей высокопоставленной чиновничьей бюрократии. Введенный уставобранителями полицейско-бюрократический режим был реакционерен и не принес облегчения народу после деспотического правления князя Милоша Обреновича. Вместе с тем, в Сербии в 40-е годы были проведены важные меры по укреплению буржуазного правопорядка: принят Гражданский законник 1844 г., введен трехстепенный суд, больше внимания стало уделяться развитию общественных учреждений и просвещению.

В период правления уставобранителей впервые была сформулирована внешнеполитическая программа Сербского княжества, оказавшая впоследствии большое влияние на внешнеполитические акции сербского правительства, на развитие идеи политического единства югославянских народов. Отсутствие в советской историографии специальных исследований, посвященных этой программе, и дискуссионный характер работ по данной проблеме в югославской историографии побуждает рассмотреть этот вопрос в настоящей статье.

Программа внешней политики Сербского княжества, составленная в конце 1844 г. и вошедшая в историографию как «Начертание» Или Гарашанина, была строго законспирирована. О ее существовании было известно лишь крайне ограниченному числу лиц в правящих сербских кругах. В 80-е годы XIX в. копии этого документа попали за границу: в 1883 г. — в Вену, а оттуда через три года — в Будапешт [1, с. 4]. Копия этой программы на немецком языке, хранящаяся в Венском архиве, была снабжена предисловием, в котором анонимный автор писал, что данный план составлен сербским министром И. Гарашанином в конце 1844 г., вскоре после того, как новоизбранный князь Александр Карагеоргиевич назначил его министром. И тогда и позднее — в 60-х годах, когда Гарашанин возглавлял сербское правительство, — этот план являлся внешнеполитической программой княжества. «И сегодня он еще важен, так как его высоко ценит сын Или Гарашанина, нынешний министр внутренних дел, и он известен самому королю Милану», — говорилось в предисловии [1, с. 4].

Общественности этот тайный план стал известен более чем через 60 лет после его написания. В 1906 г. М. Вукичевич опубликовал его под названием «Программа внешней политики Илии Гарашанина от конца 1844 года» [2]. Где М. Вукичевич раздобыл указанный документ, осталось неизвестным. Всего же, по подсчетам югославских историков Д. Страняковича и Р. Перовича, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что существовало шесть экземпляров программы, которые хранились: у Гарашанина, Александра Карагеоргиевича, Михаила Обреновича, в министерстве иностранных дел Сербии, в венском и будапештском архивах. Наиболее вероятно, что М. Вукичевич издал экземпляр, хранившийся у сына Александра Карагеоргиевича короля Петра, с которым Вукичевич находился в дружеских отношениях [1, с. 4—5; 3, с. 90]. Публикация М. Вукичевича вызвала огромный интерес. После этого программа Гарашанина неоднократно частично или полностью переиздавалась по первой публикации (см., например, [4]).

До образования в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев тайный план И. Гарашанина практически не привлекал внимания историков. Задачи, поставленные в этой программе, тогда не потеряли еще политической актуальности. В годы первой мировой войны впервые появляется и само название — «Начертание». Исследовавший этот вопрос Р. Перович писал: «В отношении самого названия текста — „Начертание“ — неизвестно... как и когда оно появилось; прежде всего термин неадекватен, так как это совсем не набросок, а разработанный план... в оригинальной рукописи (предполагается, что М. Вукичевич опубликовал оригинальный экземпляр. — *К. Н.*) названия не было...». В работах, вышедших до первой мировой войны, Перович нашел только косвенное упоминание этого названия в 1-м издании книги С. Йовановича «Уставобрители и их правление» (Белград, 1912), где автор «употребляет его в одном месте в общем смысле», говоря, что у Гарашанина было свое «начертание» о внешней и внутренней политике. В законченном виде название, по заключению Перовича, появляется во время первой мировой войны, может быть, на основе процитированной фразы С. Йовановича в книге Дж. Еленича (опубликованной на французском языке под псевдонимом Жорж Дева). В этой книге — «Новая Сербия» (Париж, 1918) — уже появляется фраза: «Это то, что называлось „Начертание“ (программа)» [3, с. 90—91].

Научному исследованию проблем, связанных с «Начертанием», мешало, кроме политических причин, отсутствие необходимых источников, относящихся к возникновению этого важного памятника сербской политической мысли. Только в 1929 г. польский историк М. Гандельсман издал после изучения архива князя Адама Чарторьского (вождя правого крыла польских эмигрантов, покинувших свою страну после поражения восстания 1830—1831 гг.) документ, вошедший в историографию как «Советы» Чарторьского [5]. Сходство этого документа с «Начертанием» было очевидно. Если до того в югославской историографии не высказывалось сомнений, что И. Гарашанин единственный автор «Начертания», то теперь стало ясно, что это не совсем так.

Затем значительную роль сыграло открытие в 1939 г. Д. Страняковичем в архиве внука И. Гарашанина неизвестного ранее документа, вошедшего в историографию под названием «План» Франьо Заха (с конца 1843 г. — польского агента в Белграде) [6]. Этот «План» оказался во многом почти дословной копией «Начертания». В связи с этим остановимся кратко на деятельности польской эмиграции по привлечению на свою сторону Сербского княжества.

Оказавшись в эмиграции во Франции, А. Чарторьский — этот, по утверждению польской эмиграции, «польский король de facto Адам I» — развил бурную деятельность. Он основал в Париже, в отеле Ламбер, своего рода министерство иностранных дел. Его эмиссары находились в разных странах Европы. Правое крыло польской эмиграции рассчитывало использовать любую благоприятную ситуацию и любого союзника для возрождения независимого польского государства. Большую роль в

своих планах Чарторьский отводил уже имевшему автономию Сербскому княжеству.

С положением дел в Сербии Чарторьский познакомился еще в первые годы XIX в., в начале своей политической деятельности, когда был управляющим МИД России (1804—1806). В 1804 г. в Петербург приезжала сербская депутация во главе с протоиереем Матией Ненадовичем; тогда же карловацкий митрополит Стефан Стратимирович послал русскому правительству свой проект создания большого «славяно-сербского государства»; аналогичное предложение, составленное неким сербом из Воеводины Софронием Юговичем, послал и бачкский епископ Йован Йованович [6, с. 66; 7].

В 1804—1807 гг. в правительственных кругах России (и лично Чарторьским) строились планы основания на Балканах автономных или независимых государств как заслона против наполеоновской агрессии в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье [8—10]. Много лет спустя, в совершенно иной политической обстановке в Европе Чарторьский как бы возродил свои прежние замыслы. Его внимание привлекла Сербия.

Первым польским агентом в Белграде был А. Лициньский, посланный туда летом 1841 г. Он сообщал Чарторьскому о слабой зависимости Сербского княжества от Турции, о том, что сербы по религиозным мотивам расположены к России, а не к полякам, и поэтому трудно добиться их политической переориентации [11, с. 37]. Примерно в то же время главный эмиссар князя Чарторьского по Юго-Восточной Европе М. Чайковский прибыл в Константинополь, где вскоре установил контакты с находившимися там в изгнании вождями уставобранителей: А. Петрониевичем, Т. Вучичем, И. Гарашанином и др. Члены сербской оппозиции обвиняли русскую дипломатию в поддержке Михаила Обреновича в его конфликте с уставобранителями. С другой стороны, сербы, по заключению Чайковского, вполне верили в доброжелательное отношение к ним турок [12]. Используя сложившуюся ситуацию, Чайковский выступил посредником между уставобранителями и Портой. Турецкое правительство согласилось на возвращение вождей оппозиции в Сербию при условии, что они будут бороться за изменение антитурецкой направленности в политике сербского правительства. Вслед за уставобранителями в Белград отбыл новый польский агент — секретарь Чайковского Л. Зверковский, прозванный Ленуаром [11, с. 40].

Во время восстания уставобранителей, возглавленного Т. Вучичем (август 1842 г.), князь Михаил Обренович бежал в Австрию. Созванная уставобранителями скупщина избрала новым князем сына Карагеоргия — Александра Карагеоргиевича (1842—1858). Непризнание этого переворота Россией повлекло за собой еще более тесное сближение польской эмиграции с новым сербским руководством. Зверковский передавал Чайковскому письма от Петрониевича, Гарашанина и нового князя. Последний, кроме того, направил письмо Чарторьскому, в котором благодарил его за поддержку и высказывался за дальнейшие тесные связи между сербами и поляками [11, с. 42]. Провозглашение Александра Карагеоргиевича князем первоначально не признали и другие европейские державы. Оказавшись в изоляции, сербские лидеры пошли на союз с Чарторьским, радуясь любой поддержке. К тому же с помощью польской эмиграции они рассчитывали заручиться благосклонностью Запада, прежде всего Франции.

В начале января 1843 г., т. е. несколько месяцев спустя после избрания Александра Карагеоргиевича, Чарторьский послал вождям уставобранителей послание, в котором были сформулированы его советы по вопросам внешней и внутренней политики Сербского княжества («Советы Чарторьского»). В области внешней политики он рекомендовал оставаться лояльными по отношению к Порте и, используя хорошие отношения с ней, добиваться для себя все больших прав: наследственной княжеской власти, расширения границ в сторону Черногории и Герцеговины, обеспечения свободного торгового пути к Адриатическому морю, изгнания турок из крепостей и т. д. К России как своей покровительнице Сербии не-

обходимо было относиться к осторожностью, но она не должна позволять ей вмешиваться во внутренние дела княжества. Австрию Чарторыйский считал извечным врагом всех славян. Сербии надлежало ориентироваться на Францию и Англию, сблизиться с соседними славянскими народами, которые в будущем должны быть присоединены к Сербии [11, с. 43—45].

Весной 1843 г. Чайковский нелегально ездил в Сербию, где в присутствии Петрониевича, Вучича и Гарашанина встречался с князем Александром. Было решено установить постоянное польское представительство в Белграде во главе с тайным польским агентом (для связи между Александром и Чарторыйским) — Франьо (Франтишек) Захом [11, с. 47—48]. Это был чех, выходец из Моравии, который участвовал в восстании 1830—1831 гг., а затем вместе с его руководителями эмигрировал во Францию [13, с. 38]. В апреле 1843 г. Зах представил Чарторыйскому рапорт о задачах дипломатического агента в Сербии, где были в основном повторены общие положения «Советов» Чарторыйского [11, с. 58—59]. Более конкретную программу он собирался предложить лишь после ознакомления с местными условиями, с позицией вождей уставобранителей и других южнославянских деятелей [13, с. 42].

Приехав в конце 1843 г. в Белград, Зах установил тесные отношения с министром внутренних дел княжества И. Гарашанином, который в отсутствие вновь высланных из страны Вучича и Петрониевича занимал в сербском правительстве главенствующее положение. Тогда же Зах начал писать свой «План» о задачах сербской политики. В феврале 1844 г. он сообщал Чайковскому: «Мое сочинение, которое содержит план славянской политики Сербии, почти завершено; чтобы его закончить, нужно только написать главу о Хорватии и иллиризме». Эту главу Зах написал после непосредственных контактов с некоторыми деятелями иллирийского движения, находившимися в то время в Белграде [13, с. 42—44]. В мае 1844 г. Зах передал свой «План» И. Гарашанину [3, с. 90].

В статье «Как возникло „Начертание“ Гарашанина» Д. Странякович рядом с найденным им «Планом» поместил «Начертание», что позволило наглядно сравнить два документа. Во введении Зах писал о необходимости для Сербии вести долгосрочную государственную политику и подчеркивал, что ее основной чертой должна стать южнославянская направленность. У Гарашанина об этом говорилось так: основа сербской политики состоит в том, что она должна не ограничиваться рамками границ княжества, а стремиться привлечь к Сербии все «сербские народы», которые ее окружают [6, с. 75].

Рассматривая славянскую политику Сербии, Зах считал, что существует два способа перекройки Турецкой империи: раздел ее владений между Австрией и Россией (что невыгодно Сербии) или создание на развалинах Турции большого славянского государства. Чтобы осуществился второй вариант, княжеству нужно опереться на Францию и Англию, которые противятся расширению и усилению Австрии и России. В деле создания южнославянского государства Сербия должна использовать свои богатые исторические традиции, выступать наследницей Душанова царства. Она имеет право претендовать на руководство процессом создания южнославянского государства и потому, что первая из всех славян, подчиненных Турции, своими собственными средствами и силами боролась за свободу. Гарашанин принял эту часть практически без изменений, только озаглавил ее «Политика Сербии» [6, с. 76—79] (у Заха — «Славянская политика Сербии»).

Следующий большой раздел «Плана» Зах разделил на семь частей. Первая часть называлась «Предварительные средства». Чтобы лучше узнать положение дел в южнославянских землях, говорилось в ней, нужно послать по одному агенту в Болгарию, в Боснию, Герцеговину и северную Албанию, в Славонию, Хорватию и Далмацию. Здесь Гарашанин добавлял, что главное внимание нужно уделить Боснии и Герцеговине, Черногории и северной Албании [6, с. 80].

Вторая часть посвящалась отношениям Сербии с Болгарией, связывающей надежду на свое освобождение с Россией. Зах считал необходимым

привлечь болгар на свою сторону: помочь им в деле просвещения и образования; для борьбы с засильем греков в болгарской церкви обучить некоторое число болгарских юношей богословию; печатать в Сербии болгарские книги и т. д. Соглашаясь в целом с автором «Плана», Гарашанин вставил в эту часть свои размышления о взаимоотношениях Сербии и России: «...Сербия ни с кем легче не могла бы добиться своей цели, как в согласии с Россией, но это только тогда, когда Россия совершенно и полностью привняла бы и условия Сербии... Союз между Сербией и Россией был бы на самом деле наиболее естественным, но его создание от самой России зависит, и Сербии надлежало бы принять его с распростертыми объятиями... Нужно о том здесь упомянуть, какая бы это была польза для Сербии» [6, с. 81—86].

Третья часть затрагивала отношения Сербии к Боснии, Герцеговине, Черногории и северной Албании. На эти земли, по мнению Заха, Сербия могла иметь наибольшее влияние. Для привлечения на свою сторону всех боснийцев Зах предлагал выдвинуть принцип свободы вероисповедания. Но самый главный принцип — наследственная власть сербского князя в будущем общем государстве, без него союз сербов с другими южными славянами немыслим (у Гарашанина — союз с другими соседними сербами). Государственное устройство Сербского княжества должно быть распространено на Боснию. Для этого нужно некоторое количество молодых боснийцев принять на сербскую службу и научить их сербским методам правления. В княжестве следует печатать патриотические книги для боснийцев, причем с параллельными текстами кириллицей и латиницей. Через Черногорию и северную Албанию Сербия должна получить выход к Адриатическому морю, что позволит сербской торговле освободиться от австрийской зависимости. Из Боснии нужно привлечь монаха-католика для преподавания в белградском лицее латинского языка и для религиозных нужд католиков, живущих в Белграде. Он был бы посредником между католиками Боснии и Сербским княжеством. Нужно оказывать Черногории денежную помощь. Гарашанин принял эту часть «Плана» практически полностью [6, с. 86—92].

В четвертой части, касающейся отношений с Хорватией, Зах выступал за союз со сторонниками иллиризма, но высказывался против этого термина. Общее государство он задумывал как «сербское царство», а не «иллирийское королевство». Эту часть Гарашанин целиком исключил из «Начертания» [6, с. 92—96].

Пятую и шестую части «Плана» о союзе с воеводинскими сербами и «чешскими славянами» Гарашанин сильно сократил. Он фактически ничего не оставил от идеи союза с «чешскими славянами», а в отношении австрийских сербов был согласен с Захом, что нужно установить контакты с воеводинскими лидерами и иметь там свою газету [6, с. 96—100]. Последнюю, седьмую, часть о внутренней политике Гарашанин исключил из «Начертания» [6, с. 100—102].

В рассматриваемой статье Странякович показал, что хотя большая часть текста «Плана» Заха без изменений вошла в «Начертание», между ними имеются довольно существенные различия. Перед историками встали вопросы: является ли «Начертание» самостоятельным произведением; каковы общественные предпосылки возникновения «Начертания» и его концепция (в частности, основные отличия между концепциями «Плана» Заха и «Начертания»).

Изучение социально-экономических и идейно-политических предпосылок, обусловивших появление «Начертания», началось уже в социалистической Югославии, когда югославские историки стали пытаться с марксистских позиций оценивать данный период. Дdiamетрально противоположные точки зрения относительно этой проблемы отстаивали В. Й. Вучкович и Р. Перович.

Первый доказывал исключительно сербское происхождение этой внешнеполитической программы, считая, что идея объединения южных славян в независимом государстве появилась еще в конце XVIII в., существовала во время Первого и Второго сербских восстаний и особенно

утвердилась в период первого правления князя Милоша Обреновича (1815—1839) [14, с. 35]. О том, что Милош начал задумываться над этой проблемой с конца 20-х годов, свидетельствует, по мнению Вучковича, записка бывшего белградского митрополита грека Леонтия, на содержание которой мог повлиять сербский князь. Леонтий в то время жил в России, но поддерживал тайную связь с Милошем. Записка была передана русскому правительству в марте 1829 г. В этом документе Леонтий писал, что Сербии нужен мир и расширение границ. Из-за своего географического положения ей предназначено стать центром славянских народов. Все пограничные области взирают на Сербию с надеждой, так как находятся под ярмом мусульманской тирании или подвергаются гонениям со стороны католической церкви. О существовании подобных планов у Милоша и после его изгнания из Сербии сообщал в 1841 г. Чайковский. Он писал Чарторьскому из Константинополя, что чиновник сербского представительства в Турции В. Радишич говорил ему о намерениях бывшего сербского князя «объединить Сербию, Боснию, Болгарию, Герцеговину, ускоков (перебежчики из Боснии в приморские края. — К. Н.), Банат, словаков, иллиров, Далмацию, Черногорию и албанскую равнину и создать южнославянское государство» и о сборе им для этого средств. Гарашанин мог узнать планы Милоша в 1837 г., когда тот назначил его начальником «регулярного войска». На этом посту И. Гарашанин оставался до отречения князя в 1839 г. [14, с. 36—37, 42].

В 1843 г. еще до составления «Начертания» сербское правительство, пишет Вучкович в другой статье, имело наготове план общего восстания христиан и ради этого вступило в переговоры с известными вождями соседних народов. Появившись в Белграде в конце 1843 г., Зах находился там в зависимом от сербского правительства положении, испытывая, в частности, нужду в средствах. Он мог работать над «Планом» по заданию Гарашанина. К тому же у Гарашанина, который тогда находился во главе министерства внутренних дел — самого важного министерства в то время, был такой стиль работы: его сотрудники писали ему проекты различных документов, а он их редактировал и дополнял [15, с. 54—56, 61].

В этом же духе трактует Вучкович письмо Заха Чайковскому от 12 января 1844 г. Зах писал: «Мои частые разговоры с г. Илией о славянах в Турции и Австрии предоставили мне возможность мало-помалу изложить взгляды об этих народах. Собственно говоря, я обещал составить ему план о способе воздействия на славян, так как он понимает, что уже настало время, чтобы этим заниматься... систематически. Я работал тщательно и передам вам перевод своего проекта». Из этого письма Вучкович опять делает вывод, что Зах работал по заданию Гарашанина и основывался на его материале [15, с. 54—56].

Говоря о значении помощи польской эмиграции при составлении «Начертания», Вучкович пишет, что услуга Чарторьского «была незначительной по сравнению с ущербом, который нанесли сербскому правительству открытые связи с ним», что сербы собственными силами всего достигли [16]. По мнению историка, «польские государственные деятели, без сомнения, подтолкнули вождей уставобранителей взяться за техническую сторону дела (в этом Гарашанину помогал Ф. Зах), но этот план по содержанию насколько не может рассматриваться как польское изобретение». Чарторьский «крестил крещенных», т. е. посылал советы о ведении национальной политики сербским государственным деятелям, которые уже до него усвоили свои задачи. Сербская политическая мысль развивалась самостоятельно, поэтому сербское происхождение «Начертания» не может быть поставлено под сомнение [14, с. 42—43].

Противоположного взгляда на авторство программы сербской внешней политики и на причины ее возникновения придерживался в своих работах Р. Перович, который обвинил Вучковича в идеализме и метафизическом образе мышления, что неизбежно довело его до отрицания объективных законов общественного развития сербского народа в первой половине XIX в.; отсюда и возникло рассмотрение «идеи единства», как основы этого развития. Политика уставобранителей представлена простым про-

должением политики Милоша, хотя она возникла в ответ на эту политику, что было проявлением антагонистических противоречий между старыми и новыми общественными силами. Вучкович не смог оценить «переломное значение тридцатых годов прошлого века в сербской экономике» [3, с. 74, 76].

Главной задачей Р. Перовича было показать экономические предпосылки возникновения «Начертания». Он развивал точку зрения Л. Алексич-Пейкович, которая первой в югославской историографии исследовала эту проблему [17]. Перович считал, что, начиная с 30-х годов, Сербия быстрыми темпами пошла по пути экономического прогресса вследствие развития сельскохозяйственного производства и торгового оборота, который, втягивая село в товарно-денежные отношения, все больше приобретал общенациональный масштаб и, таким образом, страна объединялась в единый хозяйственный организм. Общественно-политическое развитие Сербии, в первую очередь торговой буржуазии, породило новые внешнеполитические требования. Интересы сербской буржуазии и политические цели польской эмиграции совпадали и нашли свое выражение в «Плане» Заха, который Гарашанин приспособил к тогдашним реальным возможностям и непосредственным целям сербской буржуазии. Экономические и политические цели сербской торговой буржуазии органически переплетались с национально-освободительными тенденциями. Процесс формирования сербского народа в нацию развертывался параллельно с созданием государства, следовательно — в национально-государственных рамках. Все это обусловило внешнюю политику уставохранительского режима, отвечавшую национальным интересам [3, с. 76—77, 91; 18, с. 190].

Убедительно показав, что «Начертание» могло возникнуть только на определенной ступени развития сербского общества (хотя, на наш взгляд, несколько преувеличив степень его развития), Перович считал, что польская эмиграция сыграла роль субъективного фактора, помогла оформить уставохранителям их внешнеполитическую программу. Конкретно это сделал Ф. Зах — автор основного текста «Начертания». Он составил его в интересах внешней политики правого крыла польской эмиграции с князем Чарторыским во главе, основной целью которой было восстановление польского независимого государства, чему, как рассчитывали деятели этой эмиграции, будет способствовать освобождение православных балканских народов от русского влияния, антирусская политика Франции и Англии в Восточном вопросе. Перович делает вывод, что автором «Начертания» нельзя считать Гарашанина, и в будущем даже условно эту программу не нужно называть его именем [18, с. 190].

На наш взгляд, в вопросе об авторстве «Начертания» ближе к истине те историки, которые занимали «серединное» положение: например, в межвоенный период — Д. Странякович, а в наше время — В. Чубрилович. Последний пишет, что Гарашанин составил свое «Начертание» на основе «Плана» Заха, переписав некоторые его положения почти слово в слово, хотя различий оказывается больше, чем кажется на первый взгляд. Эти различия касаются основных вопросов сербской государственной политики; здесь Гарашанин идет дальше Заха и Чарторыского и выступает как самостоятельный мыслитель. Гарашанин — молодой, 32-х летний государственный деятель, неискушенный во внешней политике — не мог один дойти до всех выводов, содержащихся в «Начертании». Но он углубился в эти проблемы, подверг их всесторонней критике, взял для себя то, что по его разумению отвечало интересам Сербии [19, с. 170—171].

В любом случае нельзя, вероятно, согласиться с излишне категоричным предложением Р. Перовича не упоминать в связи с «Начертанием» имени И. Гарашанина. То, что проект программы писал для него Зах (даже если не принимать во внимание различия между «Планом» и «Начертанием»), не может служить к этому основанием. Принимая этот документ в качестве внешнеполитической программы Сербского княжества, Гарашанин нес за него полную ответственность.

Выявив общественные предпосылки возникновения «Начертания», экономическую обусловленность этой программы, объяснив ее появление

изменениями в базисе сербского общества, что было, конечно, определяющим фактором (всего этого не заметил В. И. Вучкович), Р. Перович внес ценный вклад в изучение сербской политической мысли XIX в. Но он, на наш взгляд, несколько недооценивал роль надстроечных явлений, которые как раз в переходные периоды оказывают значительное воздействие на ход исторических событий. В данном случае, в условиях чужеземного господства и наличия примера развитых национальных государств, «идея единства» возникла в Сербии (как и в других славянских землях) раньше, чем этого потребовало экономическое развитие страны.

Идея создания единого южнославянского государства, несомненно, существовала задолго до 1844 г., что не могло не оказать влияния на программу внешней политики Сербского княжества. Так, уже в период Первого сербского восстания отдельные сербские деятели (в частности И. Югович) выдвигали нереальные планы образования на базе повстанческой Сербии грандиозного государства в границах царства Стефана Душана (см., например, [20]). О существовании в Сербии этой идеи в период правления Милоша Обреновича, кроме Вучковича писали и другие югославские историки. Так, например, В. Стоянчевич в своих работах показал, что князь Милош во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. был готов даже к вооруженным акциям для осуществления своих внешнеполитических планов. Он рассчитывал встать во главе общеполитического антитурецкого восстания. Однако после Адрианопольского мира, которым закончилась русско-турецкая война, и получения Сербским княжеством автономии Милош не принимал непосредственного участия в возникавших в то время локальных вооруженных восстаниях южных славян против Турции. Проповедуя в какой-то степени протурецкий нейтралитет, он все же выступал перед Портой заступником восставших и принимал в Сербию многочисленных беженцев [21, с. 345—348; 22].

В период первого правления Милоша сербское правительство вело активную культурно-политическую деятельность в южнославянских землях. Оно купило в 1830 г. типографию в Петербурге, и с 1833 г. за пять-шесть лет в этой типографии были изданы 23 книги на болгарском языке [22; 23, с. 92]. Кроме того, оказывалась материальная помощь православным монастырям и церквам в Болгарии, Македонии, Косово и Метохии [21, с. 352—356]. В Боснии были попытки заручиться поддержкой не только православного населения, но и монахов-францисканцев. Милош хотел даже пригласить представителя этого ордена в Белград в качестве священника для католического населения Сербии [24]. Из неславянских народов поддерживались связи с антитурецки настроенными пашами-сепаратистами и вождями католических племен в Албании; существовали дружественные связи с валашскими господарями [21, с. 358—359]. Опираясь на изложенное, В. Стоянчевич делает вывод, что князь Милош был предшественником Гарашанина, хотя придерживался «несколько другого направления и другой политики» [21, с. 360].

Михаил Обренович во время своего первого правления (1839—1842) пытался даже еще более активно продолжать славянскую политику своего отца [25, с. 257]. Но на качественно новую ступень она поднялась после утверждения у власти уставобранителей (1842—1858), когда была составлена с помощью деятелей польской эмиграции первая внешнеполитическая программа — «Начертание».

Итак, появление этой программы было обусловлено социально-экономическим развитием страны. Здесь необходимо иметь в виду, что это развитие и, прежде всего, процесс формирования нации вели к росту национального самосознания сербского народа. Причем два фактора существенно повлияли на идейное содержание «Начертания»: существование в предшествующем периоде «идеи единства» и помощь правого крыла польской эмиграции в оформлении этой «идеи» в жесткие рамки политической концепции. Последнее, на наш взгляд, оказало воздействие и на существование «Начертания», особенно в отношении внешнеполитической направленности этой программы.

В югославской историографии нет общей точки зрения на существо-

концепции первой внешнеполитической программы; причем, основное внимание чаще всего уделялось вопросу: какое государство задумывалось в «Начертании» — расширенное сербское или южнославянское (включая и австрийских славян).

До опубликования «Советов» Чарторьского и «Плана» Заха почти все историки, занимавшиеся, так или иначе, проблемой «Начертания» (Дж. Еленич, В. Попович, Ф. Шишич и др.), подчеркивали, что основная мысль в этом документе — объединение всех южных славян, находившихся под властью как Турции, так и Австрии. Этой же точки зрения придерживался Д. Странякович. Разбирая его работу «Сербия от 1833 до 1858 года», Й. Митрович первым в югославской историографии отметил, что Гарашанин говорил о создании не южнославянского, а сербского государства. Он не думал об объединении с хорватами, словенцами и болгарями. Его интересовали лишь те области, где проживали сербы: Босния и Герцеговина, Черногория, северная Албания и часть Болгарии. Главная забота Гарашанина — Великая Сербия, а его концепция — великосербская. По «Начертанию» расширение сербского государства должно было быть достигнуто не объединением, а присоединением других областей к Сербии (цит. по: [26, с. 182]).

В 1939 г. Странякович опубликовал «План» Заха, но остался при своем прежнем мнении, что Зах руководствовался идеей создания южнославянского государства. Однако его план был трудно осуществим. Гарашанину было ясно, что Сербия не в состоянии создать в ближайшее время южнославянское государство. Успешно действовать можно было пока лишь в турецких областях. Он не отказался от идеи создания южнославянского государства, но не придал ей первостепенного значения [6, с. 70—71].

Однако публикация «Плана» Заха позволила вскоре (как отмечал Н. Станчич) проанализировать не только то, что вошло в «Начертание», но и то, что в него не вошло. Это сделал в 1944 г. в вышедшей по поводу 100-летия «Начертания» книге П. Шимунич [27]. Он показал, что Гарашанин не только исключил главу о хорватах, но и всюду, где у Заха было сказано — «южные славяне», «славянская политика», писал — «сербы» и «сербская политика». У Заха Босния и Герцеговина заселены сербами и хорватами, у Гарашанина — сербами (у самого Шимунича, как писал Р. Перович, — хорватами). Шимунич считал, что великосербская традиция «Начертания» идет от конца XVIII в. до 40-х годов XIX в., от Д. Обрадовича до Й. Суботича, которые в сербскую нацию включали, частично, и хорватов. Национальная идея «Начертания» — сербского происхождения, а внешнеполитическая ориентация на Запад против России — результат влияния польской эмиграции (цит. по: [26, с. 183—184]).

Р. Перович показал, что при определенном вкладе Шимунича в изучение концепции «Начертания», его критика великосербизма велась с великохорватских позиций [18, с. 190]. Вообще, особенно в межвоенный период, при изучении этой проблемы сербские авторы часто настаивали на южнославянском характере сочинения Гарашанина, а хорватские — на великосербском.

В послевоенное время южнославянский характер «Начертания» доказывал в своих работах В. Й. Вучкович. Отстаивая свою мысль о чисто сербском происхождении этого документа, Вучкович считал, что, так как Зах составлял свой «План» по заданию и по материалам Гарашанина, он отразил его концепцию и плану сербской государственной политики придал южнославянский характер [15, с. 56]. Вначале Гарашанин хотел поместить главу о хорватах, иначе не поручил бы Заху писать об этом, но затем передумал «по чисто практическим причинам..., чтобы не ввязывать Сербию в столкновение с Австрией до того, как будут достигнуты его цели в Турции» (цит. по: [28, с. 130]).

Все же большинство послевоенных югославских историков не отрицают сербского или великосербского характера «Начертания». Р. Перович считал, что Гарашанин заменил «ирреальную южнославянскую концепцию» Заха своей «сербской консервативной концепцией» [3, с. 92]. (Здесь,

как справедливо указывал М. Валентич, Перович себе противоречил: с одной стороны, признавал, что Гарашанин придал программе иную концепцию, с другой — не полагал возможным называть Гарашанина автором «Начертания» [28, с. 187].) В. Чубрилович в своей книге «История политической мысли в Сербии XIX в.» доказывает, что в «Начертании» заложена консервативная концепция сербских политиков. Создание большого славянского государства на Балканах Гарашанин замыслил не как свободное объединение народов, а как их постепенное поглощение Сербией. Югославский историк делает вывод, что «Гарашанин в 1844 г. заложил основы великосербской политики объединения». Эту концепцию Чубрилович подверг критическому анализу. Он пришел к выводу, что в основном по совету Чарторыского (менее — Заха) Гарашанин вместо принципа самоопределения народов и революционных методов борьбы остановился в 1844 г. на принципе исторического права, традиций старого сербского государства времен Душана и на методах компромиссов и постепенности. Это, конечно, не означает, что политика постепенности не имела никакого успеха: Сербия в 1861—1868 гг. все-таки получила крепости и право на самостоятельное внутреннее управление. Но все же этими методами можно было добиться небольших успехов, они не могли решить главного вопроса — создания южнославянского государства [19, с. 167, 175—178, 182, 186].

Великосербский характер «Начертания» Гарашанина отстаивали в своих работах М. Валентич, Н. Станчич, Я. Шидак и другие хорватские ученые. Этой точки зрения придерживаются чешский историк В. Жачек, а в советской историографии — В. Г. Карасев, И. И. Лещиловская и др. Так, В. Г. Карасев писал, что «программа была консервативно-буржуазной и великосербской» [29], а И. И. Лещиловская называла ее великодержавной, считая, что «Великая Сербия была конечной целью политических устремлений И. Гарашанина» [30].

В новейшем многотомном издании «История сербского народа» автор раздела по интересующему нас периоду Й. Миличевич пишет, что в «Начертании» была отражена не южнославянская, а сербская программа. Гарашанин изменил концепцию Заха под влиянием национальной традиции и из-за невозможности бороться на два фронта: против Турции и Австрии. «„Начертание“ не выдвигало южнославянского вопроса», — заключает Миличевич [25, с. 271—272]. Однако великосербская направленность «Начертания» автором в данном случае не подчеркивается.

Нам представляется, что великосербское существо внешнеполитической программы Гарашанина не подлежит сомнению. Дело здесь даже не только в том, что он ограничил славянскую политику сербского правительства территориями, находящимися под властью Турции. Это не без основания расценивалось некоторыми учеными как мера, на которую Гарашанин пошел, принимая во внимание реальные возможности и непосредственные ближайшие цели сербского государства. Главное заключалось в том, на каких принципах он собирался создавать единое южнославянское государство. Но при всем великодержавном отношении сербского руководства к другим южным славянам (Гарашанин часто считал их сербами и не принимал во внимание их собственные чаяния, задумывая, по существу, Великую Сербию) великосербской политике, сформулированной в «Начертании», совсем не был присущ тот крайне реакционный характер, который появляется в любой великодержавной политике в эпоху империализма. Борьба Сербского княжества, пусть даже в своих собственных корыстных интересах, за освобождение соседних славянских народов, находившихся под чужеземным господством, имела для этих народов, несомненно, важное положительное значение. «Начертание» включало также и национальные задачи сербов, стремившихся к созданию полноценного экономически жизнеспособного буржуазного государства.

Сложнее обстоит дело с оценкой взглядов И. Гарашанина на отношения Сербии с великими державами. Касавшийся этой проблемы В. Чубрилович (как и некоторые другие югославские историки) считает, что та

часть программы, где говорится о расстановке сил великих держав и внешнеполитической ориентации Сербии, отвечала жизненным интересам Сербского княжества. Так, например, долгосрочная одора на Францию и Англию помогла Сербии избежать участия в Крымской войне и вместо протектората России получить протекторат всех великих держав [19, с. 179—181]. Нам представляется, что Чубрилович преувеличивает положительное значение для Сербского княжества долгосрочной ориентации на Запад. В данном вопросе можно согласиться с точкой зрения Р. Перовича, который считал эту прозападную антирусскую ориентацию и лояльность по отношению к Турции невыгодной для Сербии. Говоря о том, что Гарашанин допускал возможность будущего союза с Россией, он подчеркивал, что «это отгораживание от исключительно антирусской политики Заха показывает, что Гарашанин был на пути правильного понимания объективно освободительной роли России, которая не была исчерпана в доуставобранительский период» [3, с. 92].

Это признает и Чубрилович, но Перович идет дальше. Развивая свою мысль, он писал, что, хотя поляки допускали в будущем «революционное разрушение Турции собственными силами угнетенных народов», они в тот «промежуток времени рекомендовали лояльную позицию по отношению к Порте и советовали довольствоваться постепенным получением уступок...». Такая позиция вызывалась опасениями польских эмигрантов ничего не выгадать в случае преждевременного распада Турецкой империи, который использовали бы, как они считали, Австрия и Россия. Этим представители польской эмиграции, в сущности, тормозили национально-освободительные движения балканских народов, в то время как Россия, проводя антитурецкую политику, объективно помогала процессу освобождения этих народов, хотя и в рамках данных политических обстоятельств, в соответствии со своими государственными интересами, но систематически, ведь балканские национальные государства могли возникнуть только на развалинах Турецкой империи [3, с. 92—93].

Кроме вышесказанного, принятие, пусть с оговорками, антирусской ориентации во внешнеполитической программе мешало объединению южных славян против своих угнетателей. Такую ориентацию (как показал болгарский исследователь И. Конев) не могли в то время поддерживать и болгары, которые свое освобождение неразрывно связывали с Россией (цит. по: [23, с. 103—104]). Бесперспективность антирусской политики для Сербии вскоре понял и сам Гарашанин. Это произошло, как известно, во время второго правления Михаила Обреновича (1860—1868), когда при создании так называемого первого Балканского союза сербский министр опирался уже на поддержку России.

Вероятно, антирусская направленность внешнеполитической программы Сербии объяснялась не только влиянием правого крыла польской эмиграции, но и другими факторами, в частности, грубыми методами политики правительства Николая I в отношении Сербского княжества в 30—40-е годы. Необходимо также учитывать, что в первой половине XIX в. экономические связи Сербии с Россией были очень слабыми. И все же, на наш взгляд, в то время, когда перед Сербским княжеством стояла задача освобождения и объединения соседних народов, политические интересы должны были превалять над экономическими. Для решения национальной задачи Сербии была необходима поддержка России, которая единственная из всех великих держав объективно способствовала национально-освободительному движению балканских народов. Отвергая такую поддержку, Гарашанин уменьшал возможность реализации национальных задач сербского народа.

Таким образом, в «Начертании» ярко выразились особенности развития сербской политической мысли середины XIX в., отражавшие процесс формирования сербского буржуазного государства, сербской нации, развития национального самосознания сербского народа. Несмотря на отмеченные недостатки, «Начертание» для своего времени сыграло прогрессивную роль, так как являлось тогда единственной официальной программой, направленной на решение исторической задачи югославянских народов.

По-разному, в зависимости от понимания основной концепции «Начертания», оценивали югославские историки роль И. Гарашанина и его программы в сербской и югославянской истории. Но все же в их заключениях преобладает мысль о большой положительной роли деятельности Гарашанина. Его называли и «предшественником Николы Пашича», и «первым буржуазным государственным деятелем в европейском смысле этого слова», и «первым среди духовных творцов Югославии» [28, с. 129—130; 19, с. 159]. Даже Р. Перович, отрицавший возможность называть «Начертание» его именем, специально оговаривал, что, тем не менее, считает Гарашанина одним из самых великих государственных деятелей Сербии [18, с. 189]. Соглашаясь с некоторыми из этих оценок, нельзя, конечно, забывать, что Гарашанин всегда оставался на крайне консервативных позициях, особенно во взглядах на внутреннюю политику Сербского княжества.

В историографии, прежде всего югославской, накоплен и обобщен сравнительно большой конкретный материал о причинах и предпосылках возникновения программы «Начертание», ее основной концепции. Но вопросы, связанные с этой программой, остаются дискуссионными. Больше споров вызывает вопрос о сути концепции «Начертания». И хотя на данный момент наблюдается определенный спад полемики по этой проблеме, острая дискуссия развернулась в Югославии в 70-е годы по более широкому вопросу — о существовании и развитии «югославянской идеи» в XIX в. в основном среди сербского и хорватского народов и о связи этой идеи с сербским или хорватским национализмом (см., например, [31; 32]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Страњаковић Д.* Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије из 1844 године. Сремски Карловци, 1931.
2. *Вукичевић М.* Програм спољне политике Илије Гарашанина на концу 1844 године.— Дело, 1906, књ. XXXVIII, с. 321—336.
3. *Perović R.* Око «Načertanija» iz 1844 godine.— Istorijski glasnik, 1963, № 1.
4. Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. II. (Составитељ С. Ловчевич). Београд, 1931.
5. *Handelman M.* La question d'Orient et la politique yougoslave du prince Czartoryski après 1840. Paris, 1929.
6. *Страњаковић Д.* Како је постало Гарашаниново «Начертаније».— Споменик Српске краљевске академије, 1939, књ. ХСІ.
7. *Достјан И. С.* Плана основања славјано-србског државства с помоћу Русије на почетку XIX в.— В књ.: Славјане и Русија. М., 1972, с. 100—102.
8. *Станиславска А. М.* Русско-англијске одношења и проблеме Средиземно-морија. 1798—1807. М., 1962, с. 335—352, 411—425.
9. *Сироткин В. Г.* Франко-русска дипломатичка борба на Балкану и планови стварања славјано-србског државства у 1806—1807 гг.— Уч. зап. Института славјанологије, т. XXV. М., 1962.
10. *Достјан И. С.* Русска јавна мисао и балкански народи. М., 1980, с. 69.
11. *Дурковић-Јакшић Љ.* О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841—1843).—Зборник за историју, 1971.
12. Записки Михаила Чайковског.— Русска старина, 1898, т. 94, с. 674.
13. *Záček V.* Češko i poljsko učešće u postanku «Načertanija» (1844).— Historijski zbornik, 1963, god. XVI, № 1—4.
14. *Vučković V. J.* Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašaninovu «Načertaniju».— Jugoslovenska revija za međunarodno pravo, 1957, god. IV, № 1.
15. *Vučković V. J.* Prilog proučavanju postanka «Načertanija» (1844) i «Osnovnih misli» (1847).— Jugoslovenska revija za međunarodno pravo, 1961, god. VIII, № 1.
16. *Вучковић В. Ј.* Српска криза у Источном питању (1842—1843). Београд, 1957, с. 96—104.
17. *Aleksić Lj.* Sta je dovelo do stvaranja «Načertanija».— Historijski pregled, 1954, knj. 1, № 2.
18. *Перовић Р.* Београд за време Вучићеве буне.— Годишњак Музеја града Београда, 1955, књ. II.
19. *Тубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958.
20. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 2. М., 1983, с. 56—61, 64—65.
21. *Стојанчевић В.* Политички погледи кнеза Милоша Обреновића на питање ослобођења балканских народа.— Историјски часопис, 1960, књ. IX—X (1959).
22. *Стојанчевић В.* Милош Обреновић и његова доба. Београд, 1966, с. 323—338.
23. *Џамбазовски К.* Неколико прилога о првим корацима на културнополитичкој сарадњи српског и бугарског народа у првој половини XIX в.— Историјски часопис, 1970, књ. XVI—XVII (1966—1967).

24. Стојанчевић В. Да ли су босански фрањевци одржавали политичке везе са Србијом пре Гараџаниновог «Нацертанија» 1844 године?— Зборник филозофског факултета, 1970, књ. I—XI, с. 584.
25. Историја српског народа. Књ. V, т. I. Београд, 1981.
26. Stančić N. Problem «Načertanija» Ilije Garašanina u našoj historiografiji.— Historijski zbornik, 1977, god. XXI—XXII/1968—1969.
27. Simunić P. «Načertanije». Tajni spis srbske nacionalne i vanjske politike. Zagreb, 1944.
28. Valentić M. Konceptija Garašaninova «Načertanija» (1844).— Historijski pregled, 1961, knj. VII, № 2.
29. История Югославии. Т. I. М., 1963, с. 338—339.
30. Лециловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848—1849 гг. М., 1977, с. 77, 153.
31. Časopis za suvremenu povijest, 1973, № 2.
32. Jugoslovenski istorijski časopis, 1974, № 1—2; 1975, № 3—4; 1976, № 1—2; 1977, № 1—2.

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В современной литературоведческой науке проделана огромная работа по изучению литературных связей — их классификации, предпосылок, периодизации. Общеизвестно, что литературные связи, этот «перманентно действующий, вездесущий фактор» [1] литературного процесса, развивались одновременно с литературой, всеми ее компонентами и системами.

Четко осознано, что «закономерность прохождения национальных литератур через сходные стадии — ренессанс, барокко, классицизм, сентиментализм, критический реализм и т. д. — определяет характер и направление связей», и что «обычно литература, достигшая более высокого развития, оказывает определяющее воздействие на другие литературы» [2]. Иными словами, установлена известная зависимость «характера и направления связей» от исторической стадии развития литературы¹, от доминирующих на разных этапах стилей, направлений, методов.

Но вопрос о том, какие именно факторы в меняющихся литературных концепциях наиболее непосредственно управляют литературными связями, определяют их специфику, характер, какие закономерности возникают в динамике литературных отношений, изучен сравнительно мало. Эволюция литературных связей, на наш взгляд, наименее разработанная область сравнительного литературоведения, пока еще тяготеющая к эмпирическому исследованию связей на каждом конкретном этапе.

Данная статья, имеющая дискуссионный характер, представляет попытку обозначить те некоторые свойства разных литератур, видоизменения которых прямо отражаются на характере связей, на усилении одних и редуцировании других форм литературных отношений.

В прохождении литературы через разные исторические ступени, в смене доминирующих творческих принципов, определяющих суть происходящих на каждом этапе процессов, очевидно, можно вычленить какие-то сквозные тенденции, нарастание которых, в известной мере, составляет смысл поступательного развития литературы. К ним относятся, например, укрепление и расширение связей литературы с действительностью, а кроме того — постепенное эстетическое раскрепощение искусства, расплывание жестких правил и норм, повышение творческой свободы, «личной инициативы» художника [4, с. 33]. К прогрессивным эволюционным про-

¹ Необходимо отметить, что степень развитости литератур определяется не только их исторической, но и художественной зрелостью, что не всегда совпадает. «...И истории искусства известны исторически менее зрелые, но художественно более развитые формы, и формы, исторически более зрелые, но художественно менее развитые», — пишет А. С. Бушмин [3, с. 6]. Именно на этом несовпадении во многом основана прочность диахронных связей, когда исторически менее зрелые литературы оказывают в силу своей непревзойденной художественной ценности влияние на исторически более развитые литературы. Но в системе синхронных отношений определяющее воздействие оказывает литература, чье художественное превосходство совпадает с историческим, литература, сумевшая оказаться в авангарде исторически назревшего литературного движения и подкрепить историческую зрелость художественной.

цессам, очевидно, можно причислить и уменьшение перепадов в уровнях развития литератур (хотя бы в пределах отдельных регионов), неуклонное преодоление молодыми литературами исторически сложившихся отставаний, способствующее тому, что разные национальные литературы начинают все более синхронно достигать новых ступеней эволюции.

Тенденции эти играют заметную роль и в эволюции литературных связей, самым непосредственным образом сказываясь на их особенностях и формах. Скажем резко: на наш взгляд, именно характер отношения искусства к действительности, кроме того — степень нормативности господствующих поэтик и степень перепада в уровнях взаимодействующих литератур — определяют характер литературных связей, их доминирующие на том или ином историческом этапе формы.

Значительные расхождения в уровнях развития контактирующих литератур в сочетании с господством нормативных поэтик, с высоким авторитетом литературного канона, а подобная ситуация типична в той или иной степени для многих дореалистических стадий, создают предпосылки для процветания таких форм литературных связей, которые условно можно назвать «элементарными» или «прямолинейными», когда отношения между разными партнерами складываются подчас как отношения между «учителем и учеником».

Достаточно заметная на ранних исторических этапах неравномерность в развитии литератур (разных континентов, регионов, стран), сглаживающаяся по мере приближения к современности, создавала некогда довольно резкое их деление на воспринимаемые и воспринимающие, на влияющие и подверженные влияниям.

Воспринимаемая литература, влияя на партнера, мало что могла взять у него. Литература же, почему-либо задержавшаяся в своем движении, в период преодоления отставания очень активно использовала опыт лидирующего искусства и мало что могла дать ему. Надо отметить при этом, что течение времени меняло разные литературы местами: отстававшие, бывало, резко вырывались вперед, а недавние лидеры оказывались в арьергарде процесса. Известна, например, роль античного искусства в культурном развитии человечества. На древнеримскую и древнегреческую литературу в эпоху Ренессанса и классицизма усиленно равнялись западноевропейские литературы. Но новогреческая литература в XIX в. уже сама активно осваивала их опыт. Русская же литература, испытав в XIV—XV вв. южнославянское, а в XVII в. — польское влияние, в XIX в. выдвигается в авангард мировой культуры, оказывая сильное воздействие как на славянский, так и на неславянский мир. Но при всем том, процесс освоения чужого опыта и передача своего был разделен во времени. Та двойная функция, которую потенциально может выполнять каждая литература — быть источником и объектом влияния, как бы расслаивалась. Состояние литературы склоняло ее то к одному, то к другому положению.

Интенсивное освоение иностранного опыта было важнейшим фактором поступательного развития литератур, преодолевавших отсталость. Само же освоение этого опыта носило в условиях сильного расхождения уровней контактировавших сторон довольно конкретный и подчас механический характер, выражаясь в «перенесении» целых памятников из одной среды в другую, особенно характерном для эпох анонимного творчества, в разного рода заимствованиях и подражаниях.

Так, рассматривая связи древнерусской литературы, исследователи прямо говорят о «пересаживании», «трансплантировании» на Русь в XI—XIII вв. произведений византийской литературы, а в конце XIV — начале XV вв. — памятников от «южных славян» [5, с. 457—458]. Усиление авторского начала, развитие творческой инициативы стало тормозом для подобных операций, но «переносы» как распространенная форма активного освоения инолитературного опыта имеют место и в последующие века, хотя переносятся уже «не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления» [5, с. 457—458].

Вскрывая механизм связей между партнерами, стоявшими на разных уровнях развития, А. Н. Веселовский писал: «Если одна из пришедших в столкновение народно-культурных сфер опередила другую в понимании жизни и постановке идеалов и в уровень с ними выработала и новый схематизм поэтического выражения, она действует на более отсталую среду заразительно: вместе с идеальным содержанием усваивается и выразившая его сюжетность» [6, с. 7].

Подобные тенденции в отношениях между литературами, слишком прямая зависимость воспринимающей литературы от воспринимаемой, обуславливающая, по выражению А. Н. Веселовского, активную «работу усвоений» [6, с. 7] — если уже не целых произведений, то их элементов, — сохраняются и на предреалистических этапах. Этому способствует нормативность господствующих поэтик, высокий авторитет стереотипа в художественном мышлении, большая роль литературного канона.

Заметим, что строгие эстетические правила и нормы до поры до времени сохраняли большую власть над творческой личностью, так как играли исторически прогрессивную роль, были на определенных этапах большим подспорьем для художника. В своде правил, писанных (как, например, «Поэтика» Аристотеля, «Наука поэзии» Горация, «Поэтическое искусство» Буало) или неписанных, как бы незримо передававшихся от одной литературы к другой, аккумулировался и закреплялся определенный художественный опыт, осмысление которого помогало литературе самоопределяться в общем потоке духовной деятельности человечества, осознавать себя, двигаться вперед. «Простейшие» же формы литературных рецептов — заимствования и подражания — способствовали оперативному освоению и распространению опыта, который кто-то успел осознать и реализовать прежде других.

«У подлинного художника даже простая реминисценция из произведения другого автора — органическая часть нового художественного контекста, по сравнению с источником реминисценций возникают новые функции, видоизменяется смысл и т. д.» [4, с. 41], — справедливо пишет С. В. Никольский. Но этот показатель «подлинности» таланта, годится, пожалуй, лишь для поздних литературных эпох. На каких-то этапах истории обилие механических реминисценций объяснялось не нехваткой талантов, а, скорее, другой их направленностью. Заимствования были нормой, естественным следствием связей, исторически обусловленной формой литературных отношений, способом оперативно освоить опыт продвинутых литератур, встать на их уровень. Когда-то самобытность не считалась, как теперь, необходимым критерием качества искусства. Были периоды, когда она могла настораживать, восприниматься как недотягивание до уровня, как дефект. Были периоды, когда подражания, заимствования, стилизации, активное и оперативное освоение «чужого» опыта объяснялось не субъективными слабостями воспринимающей стороны, якобы неспособной на другие формы связей, а объективной необходимостью именно таких связей. Это объяснялось и особым отношением к этому опыту, нацеленностью на его воспроизведение.

Если рассматривать процесс художественного творчества как сложную реакцию взаимодействия «своего» и «чужого», то можно увидеть, что соотношение этих компонентов в произведении будет зависеть не только от субъективных свойств личности художника (от его впечатлительности, подверженности влияниям, способности или неспособности растворить их в себе и т. д.), но и от склада господствующих поэтик, от их отношения к «чужому». Чем скованнее общественное сознание, чем строже эстетические правила и жестче бытующие литературные нормы, тем выше авторитет канона и стереотипа, тем существеннее в произведении доля «заемного», и особенно у представителей развивающихся литератур, оперативно и целеустремленно осваивающих уже наработанное другими. В определенных исторических ситуациях подражательные произведения, ничуть не компрометируя воспринимающую сторону, говорили, скорее, о ее творческих возможностях, об активизации в ней каких-то эволюционных процессов.

Именно об успехах, о больших потенциальных возможностях пробуждавшейся к жизни чешской литературы свидетельствовали подражательные произведения В. Тама, А. Пухмайера и их последователей (конец XVIII — начало XIX в.). Они возникли после тяжелого зстоя в культурном развитии народа, вызванного контрреформацией, габсбургским абсолютизмом, деятельностью фанатиков-иезуитов, искоренявших вместе с иноверием словесную культуру подневольных славян. И нет ничего удивительного в том, что первые ласточки чешского национального возрождения, эти «тихие кабинетные труженики, католические священники скромнейшего поведения» вместе с патриотическими одами и пьесами, вполне отвечавшими их гражданской репутации, сочиняли еще и «игривые стихи о женщинах, оргиях, вине», широко используя так не ввязавшиеся с их образом жизни иронические мотивы, пасторальные образы, галантные жанры немецкой, французской, польской поэзии [7].

Выражая искреннюю радость от наступивших перемен, от ослабления феодально-католической реакции, им трудно было в век литературных канонов выражать свои чувства, минуя эти каноны. И, осваивая их, заимствуя и подражая, они делали объективно полезное дело, как бы подтягивая отечественную литературу, делающую первые неуверенные шаги, до того «светского» уровня, которого уже достигли более свободно и естественно развивавшиеся литературы других народов.

Один из крупнейших деятелей чешского национального Возрождения Фр. Л. Челаковский ориентировался прежде всего на славянский фольклор. Но и он начал освоение открывшихся ему ценностей с их имитации, прославившись своими сборниками «Эхо русских песен» и «Эхо чешских песен» (20—30-е годы XIX в.). Он как бы использовал распространенные способы межлитературных отношений во взаимодействиях с глубинными пластами народного творчества.

По мере мужания молодой национальной литературы формы ее рецепций становятся все более творческими. Искусство, набирающее силу, уже не столько послушно воспроизводит «чужое», сколько на него опирается в ходе решения собственных задач, переосмысливая его по-своему.

Не только выравнивание уровней контактирующих сторон создает стимул к уменьшению доли «ввозного товара» [6, с. 7] в воспринимающей культуре, к сокращению места и роли литературных заимствований в оригинальном творчестве. Их создает и общее поступательное развитие искусства, в ходе которого стереотипы начинают все меньше владеть сознанием художника, правила и нормы смягчаются, увеличивается сфера личной творческой инициативы, сокращается территория, подвластная нормированию.

Но даже в романтизме, уже расковавшем фантазию, чувства и перо художника и означавшем невиданное прежде вторжение в искусство неуправляемых человеческих страстей, еще довольно велика оглядка на каноны, велика роль конкретных литературных влияний, роль заемных героев, сюжетов, образов.

Возникнув у кого-то впервые, как художественные открытия, подсказанные родоначальникам направления опытом предшественников и жизнью, вобрав в себя атмосферу времени и черты биографии реальных исторических лиц (как Чайльд-Гарольд вобрал в себя некоторые черты биографии и личности самого Байрона, а Шильонский узник стал литературным воплощением реальной судьбы женевакого гражданина Франсуа Бонивара, наказанного за борьбу против герцога Савойского кандалами и темницей), новые литературные образы и коллизии не оставались собственностью их перво создателей, а пускались странствовать по свету, заимствовались и переосмысливались, входили в непрменный ассортимент романтического творчества, превращались в опознавательные знаки направления.

Если европейская реальность начала XIX в. могла стимулировать более или менее независимое романтическое мироощущение в разных странах и литературах, то оптимальную форму воплощения романтического конфликта между личностью и обществом подсказывали единомышленни-

кам основоположники романтизма. Редкие, относящиеся к числу исключительных в жизни, типично романтические герои и ситуации проникали в литературу из литературы, становились почти неизменным элементом того структурного каркаса, который держал на себе содержание даже самых неподражательных произведений.

Опора на литературные образы и коллизии в эпоху романтизма вполне предусматривалась его поэтикой и была делом привычным не только для молодых, но и для развитых литератур. Так, сам Байрон, уже протестуя против «рабского подражания», еще призывает к «готовым сюжетам», рассматривая их как законный и необходимый элемент нового произведения, как залог его качества:

Преданью, вымыслу ль итти вослед?
Кого волнует, жил герой иль нет?
Но важно, чтобы верили поэту:
Так быть могло б, как он представил это!

Дрокэясиа ты пишешь? Пусть же он
Неистовствует, позабыв закон;
Дать хочешь бабью злобу? Есть на это
Неукротимая жена Макбета;
Спор зла с добром, поруганную честь —
Есть Констэнс, Гамлет, чорт и Ричард есть!
Но если, новым замыслом покорный,
Захочешь ты свернуть с дороги торной,
Пусть верен будет сам себе герой
и до конца в согласии с собой.

Легко ль пройти, где пал, кто лучше нас?
Как оживить затасканный рассказ?
И все ж разумной взять сюжет готовый,
Чем сослепу плутать в интриге новой.
Однако ты не рабски подражай
И не слова, а мысли повторяй;
Не по пятам за прототипом следуя,
А следуя в том, чем он снискал победу.

«По стопам Горация» [8]. (Пер. Н. Вольпина).

Реализм тоже станет опираться на многовековой опыт мирового искусства. Без преемственности нет развития. Но этот опыт присутствует в нем в более переосмысленном виде. Кроме того, писатель-реалист хоть и мог, но вовсе не был обязан, стремясь к художественному совершенству, прибегать к «готовым» сюжетам и героям, к литературным прототипам. В поэтике Байрона эта возможность выглядит как необходимость: если встречаешься с женским коварством, если пишешь о конфликте добра и зла, вспомни Макбета, Гамлета, Ричарда! Вспомни Шекспира и обопрись на его коллизии и образы!

Примеры с Байроном — из области внутринациональных отношений, но они вполне подтверждают мысль об активности и важной (структурообразующей) функции конкретных влияний в период романтизма. Только эти влияния на представителя высоко развитой английской литературы как бы идут из глубины той же национальной литературной общности. Байрон внимательно смотрит в непревзойденное прошлое отечественного искусства, современники-иностранцы — на Байрона. В системе диахронных внутрилитературных связей он — объект, а в системе синхронных межлитературных отношений — источник влияния.

О специфике литературных связей в дореалистические эпохи, об активности конкретных литературных влияний, о значительной доли заимствованных образов, героев, сюжетов в оригинальном творчестве той поры говорит хотя бы обилие литературных реминисценций у поэтов классицизма и романтизма. У авторов конца XVIII — начала XIX в. их значительно больше, чем у наших современников. И, вероятно, не потому, что предки были эрудированнее потомков, а потому, что к этому предрасполагала сама психология творчества, потому, что когда-то эти реминисценции были знаком качества произведения, потому что повышенное содержание литературных впечатлений в продукте творческого труда было

нормой, закономерным следствием исторически обусловленных литературных связей в определенные эпохи.

К чему в самых общих чертах можно свести перемены в межлитературных отношениях, инспирированные развитием реализма?

Реализм, означающий настоящий прорыв искусства к действительности, резкое сокращение разделяющей их дистанции, укрепляет связи художника с жизнью, повышает непосредственность творчества, роль и место в нем жизненных импульсов и впечатлений.

Можно сказать, что реалистическая литература — гораздо менее книжная, менее «литературная», чем словесное творчество классицизма или романтизма. В ней повышенное содержание непосредственного, первичного, непредсказуемого, своего. Ею властно управляет сама реальность — ее живые процессы и ритмы, богатство и разнообразие скрытых в ней красок и проблем.

«Реабилитация действительности» (Чернышевский), переключение творческого внимания с исключительного, из ряда вон выходящего, с героико-романтического, с мифического, легендарного («Преданью, вымыслу ль идти вослед?...» — Байрон) на обыденное и повседневное, в котором есть и героико-романтическое, но в его сугубо жизненном проявлении — возросшая ценность житейского опыта, тех впечатлений, которые дает человеку каждый прожитый день, любая среда — все это с лихвой обеспечивает художника материалом: проблемами, красками, образами, сюжетами, героями, избавляя от необходимости искать их «на стороне», в далеких от него сферах, или в сферах искусства. Автор-реалист уже меньше, чем, скажем, романтик, нуждается в заимствованных литературных сюжетах. Он может взять сюжет из повседневной жизни, как бы из «первых рук». С байроновским — «и все ж разумней взять сюжет готовый, чем сослепу плутать в интриге новой» — начинает спорить фетовское — «к чему искать сюжеты для стихов: сюжеты эти на каждом шагу — брось на стул женское платье или погляди на двух ворон, которые уселись на заборе, — вот тебе и сюжеты» (цит. по: [9]).

Литературный прототип, т. е. ориентация на литературное впечатление, все охотнее уступает место прототипу реальному. Автор все больше руководствуется не априорными представлениями, а непредсказуемой логикой жизни, проявляющейся в процессе художественного творчества. Непосредственный жизненный материал, завладевший художником, толкает его персонажей на непредвиденные поступки, корректирует первоначальные замыслы. «План никогда подробно не разрабатываю, — писал А. Н. Толстой. — Персонажи (в романе или в пьесе) должны жить самостоятельной жизнью. Их только подталкиваешь к задуманной цели. Но иногда они варьуют весь план работы, и уже не я, а они меня начинают волочить к цели, которая не была предвидена. Такой бунт персонажей дает лучшие страницы» [10].

Поэтика реализма, выдвинувшая в качестве «образца для подражания» неприукрашенную жизнь, ее нормы и правила, избавила художника от довольно жесткой необходимости оглядываться на литературные каноны, держать их в поле зрения, приравнивать к ним свое перо.

Сравнивая в одной из своих статей Маяковского с Мольером, Луи Арагон всячески подчеркивал первичность образов Маяковского, взятых из жизни, и вторичность персонажей Мольера, навеянных литературой. «...Маяковского действительно можно сравнить с Мольером. По типичности его сценических персонажей, по реалистичности его поэзии — с тою лишь разницей, что персонажи Мольера, выведенные им характеры в большинстве своем уже знакомы нам по античной драматургии и, за исключением, быть может, Тартюфа и Мизантропа, не являются отображением подлинной жизни с ее историческими особенностями и событиями эпохи; это скорее перенесенные на французскую почву эпохи Людовика XIV традиционные литературные образы, заимствованные из греческой, латинской, испанской или итальянской комедии. Тогда как созданные Маяковским Победоносиков и Присыпкин еще не встречались в мировой литературе — они вполне самобытны, выхвачены автором из самой действи-

тельности» [11]. Арагон видит здесь различия между двумя индивидуальностями. Но за индивидуальным своеобразием каждого стоит еще и своеобразие разных литературных эпох. Образы Маяковского самобытнее и ближе к реальности, чем у Мольера не из-за субъективных данных Маяковского, а из-за объективных особенностей доминирующих в его век эстетических принципов, на которые он опирался и талантливо воплощал. «Книжность» Мольера — это не его субъективная особенность, это — печать эпохи, в которую жил Мольер, проявление бытовавших в ней законов творчества.

Повысив ценность личного жизненного опыта писателя, ценность непосредственных впечатлений, реализм как бы изменил соотношение между «своими» и «чужими», «первичными» и «вторичными», уже обработанными чьим-то творческим сознанием впечатлениями, в пользу непосредственного, первичного, своего. Он создал условия для доминирования жизненных впечатлений над литературными, для ограничения места и роли «чужого» в творчестве.

Реализм — самый раскованный и ненормативный из предшествовавших ему методов. Нельзя сказать, что он полностью освобождает художника от всяких норм и правил. Существуют принципы реализма, которые определенным образом направляют художника (например, требуя тесной связи с жизнью, анализа ее социальных законов, социально-психологической мотивировки характеров, «воспроизведения типических характеров в типических обстоятельствах», «правдивости деталей», естественности образов и слова и т. д.). Каждый художник-реалист придерживается определенных норм литературного языка, прозы, жанров. Этого требует его профессиональная квалификация. В хорошем владении ими проявляется мастерство писателя. Но, во-первых, сокращается сфера применения обязательных правил и норм — они начинают контролировать самые общетворческие принципы, теряют свою власть над темами, сюжетами, персонажами (типами героев), образностью. Во-вторых, грань между литературными и нелитературными самопроявлениями личности в эпоху реализма становится менее разительной, чем, скажем, в эпоху классицизма или романтизма. Сами нормы — например, языковые — становятся более свободными, раскованными, приближенными к естественным нормам разговорной речи. Верно, что и реализм может создавать свои стереотипы и клише. Но здесь они относятся скорее к разряду издержек, а не законов творчества. Кроме того, в некоторых случаях стереотипы реализма — это стереотипы жизненных характеров и ситуаций, это те повторения, которые подсказывает писателям жизнь.

И при реализме литературные влияния, разумеется, не отмирают. Они играют большую роль и в индивидуальном творчестве, и в поступательном развитии литератур. На любом историческом отрезке есть литературы и писатели, которые оказываются в авангарде литературного движения, прокладывают путь, ведут за собой. Но сущность и законы реализма как бы изменяют характер основополагающих влияний, способствующих развитию, они меняют и функцию лидирующей литературы, функцию исходящих от нее воздействий.

Реализм, укрепляя связи искусства с действительностью, одновременно как бы ослабляет зависимость одной литературы от другой. Влияние жизни на творчество писателя становится самым непосредственным, явным, конкретным, основополагающим. Литературные влияния — менее прямолинейными, чем прежде, труднее распознаваемыми.

Ведущая литература начинает давать лишь самые общие установки и ориентиры. И главная установка, исходящая от литературы-лидера в эпоху формирования реализма — пристально изучать жизнь, окружающую художника. Приковывая к себе взгляды, воспринимаемая литература переадресовывает их объективной реальности, возбуждает в воспринимающих литературах интерес к ней, к тому, что рядом.

Воздействие писателя-реалиста на своих собратьев по перу можно сравнить с тем воздействием, который оказывает на человека мощный источник света в его руках. Не регламентируя чью-либо творческую инициати-

ву, не навязывая своих представлений, он освещает жизненное пространство, помогает сориентироваться в нем, улучшает видимость, обостряет восприимчивость.

Бесспорно, всякое подлинное искусство, и не только реалистическое, многое проясняет в жизни и в душе. Но реализм дает более яркую и сильную степень освещенности, расширяет поле видимости, помогает ощутить красоту и значительность окружающего человека событий и явлений, дает возможность в самом обыденном разглядеть глубинные закономерности бытия.

Влияние реалистической литературы — это и стимул к выработке новых эстетических критериев, где одним из главных становится верность жизненной правде.

Характер влияния русской реалистической литературы на чешскую прекрасно показал А. Сова в одном из стихотворений своего раннего сборника «Реалистические строфы» (1890). По его признанию, она пацеливала на «анализ жизни обычной», помогала «искать причины зла», ценить «крепкую чистую правду», «музыку простых фраз». Она не уводит от жизни, а заставляет внимательно приглядываться к тому, что вокруг.

Но, обращаясь по примеру русской литературы к «анализу жизни обычной», к теме «маленьких людей», чешские писатели искали их в своей национальной среде.

В эпоху реализма происходило и освоение более конкретного прагматического и художественного опыта великих писателей — и не только реалистов! Но реализм усиливал предпосылки для истинно творческого его использования. Он не только сокращал долю «чужого» в художественном произведении, но и менял его функцию в творческом процессе. Воспринимаемый со стороны литературный опыт все реже водит пером воспринимающего писателя, как рука учителя водит ученической рукой, все реже служит объектом подражания, а все чаще — импульсом, развязывающим личную инициативу, источником, обогащающим внутренний мир художника.

При таких влияниях почерк «рецептора» может совсем не напоминать или слабо напоминать почерк «метра». Литературные впечатления становятся не элементом структуры вновь рождающихся произведений, а элементом души писателя, растворяясь в ней. В новое творчество чужой опыт входит в переработанном, расплывленном виде, определяя не столько «физику», сколько «химию» произведений, их общую атмосферу. В этих случаях можно говорить о литературных влияниях не столько на творчество, сколько на личность писателя: столь неощутимы они, так велико их переосмысление.

Характерно, например, что современники, знакомясь даже с ранними произведениями М. Цветаевой (а ранние произведения, как правило, наименее самостоятельны), констатировали «полное отсутствие литературных влияний» [12, с. 215]. Но это не означает, что их не было вообще. Это говорит лишь об их характере, об особенностях взаимоотношений поэта с собратьями по перу. М. Цветаева, воспитывавшаяся в высоко интеллигентной среде, жадно впитывала всевозможные литературные впечатления, но они влияли на ее духовный облик, на ее мировоззрение, не подавляя, а формируя ее индивидуальность, и очень неявно обнаруживая себя в ее произведениях. Читатели еще не замечали, а оно уже было — сильное влияние Пушкина, однажды заявившее о себе пушкинской темой в цветаевском творчестве, но породившее что-то более существенное и менее явное, чем просто тему. «Но еще одно, не одно, а многое, предопределил во мне „Евгений Онегин“. Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда, — то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, — растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда уходили), не только не протягивала вслед руки, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда в саду Татьяна застыла статуей. Урок смелости. Урок гордости. Урок судьбы. Урок одиночества» [12, с. 344]. И еще: «Пушкину

я обязана своей страстью к мятежникам — как бы они ни назывались и ни одевались. Ко всякому предприятию — лишь бы было обречено. Но и другим я обязана Пушкину — может быть против его желания. После „Капитанской дочки“ я уже никогда не могла полюбить Екатерину II. Больше скажу: я ее невзлюбила» [12, с. 382].

Пример с Цветаевой и Пушкиным — из внутринациональных диахронных связей. Но его можно распространить и на межлитературные отношения. Он прекрасно иллюстрирует распространенный тип взаимодействий с литературным источником писателей реалистического склада и к тому же ярких индивидуальностей, когда впечатлительность, способность сильно увлекаться произведениями искусства, буквально жить ими, формируют личность, но не почерк писателя, никого не напоминающий, ни на кого не похожий.

Сближение литературы с действительностью, первоочередная, незамуфлированная роль объективной реальности в качестве первоосновы и регулятора реалистического творчества, возрастающая оперативность непосредственных контактов между литературой и жизнью, которая могла превосходить оперативность межлитературных контактов, — все это увеличивает роль и место типологических схождений в реализме. Вероятность сходит, возникающих в творчестве разных авторов не под литературным влиянием, а под влиянием однотипных жизненных процессов, в реалистическом искусстве возрастает. Иными словами в нем больше независимо возникающих, самозарождающихся аналогий, чем в классицизме или романтизме, где литературы многое перенимали друг у друга. Можно высказать предположение, что реализм, в какой-то мере снижая объективную роль литературных и повышая роль жизненных связей, менял соотношение между суверенными схождениями и схождениями контактными в пользу первых, что он менял природу литературных аналогий, усиливая роль жизненных истоков и импульсов в их образовании.

Не оттого ли и национальная нюансировка реализма гораздо более разительна, чем классицизма и романтизма, что его творческие принципы заставляли писателя предельно чутко и непосредственно реагировать на национальную реальность и проявлять несколько большее, чем его предшественники, равнодушие к мировым литературным стандартам?

Условно век реализма можно назвать веком типологических схождений, веком самозарождающихся аналогий, не абсолютизируя их, но подчеркивая их большое место в реалистическом искусстве. Это место не может оспорить даже не всегда распознаваемое участие литературного влияния в рождении той или иной аналогии, т. е. заставляющее предположить не «чистую» типологию, а, пользуясь терминологией Д. Дюришина, «контактно-типологическую обусловленность» [13]. Решающий голос в формировании типологических схождений в сфере реализма принадлежит самой реальности. Литературное влияние чаще чем прежде играет роль искры, способной взметнуть пламя уже назревшего явления. А контактные связи лишь что-то стимулируют и подправляют в регулируемых жизнью процессах.

Примечательно, что В. М. Жирмунский, стремившийся подчеркнуть социально-историческую обусловленность однотипных процессов в литературах разных стран, и повсе не задаваясь целью показать разницу между романтизмом и реализмом с точки зрения роли в них литературных влияний, невольно обозначает эту разницу. Вот что пишет он о романтическом искусстве: «Развитие в романтической литературе новых синкретических жанров, по-разному окрашенных эмоциональным субъективизмом поэта, — лирической поэмы, лирической драмы („монодрамы“), лирического („личного“, эгоцентрического) романа — отражало характерный для этой переломной эпохи конфликт между личностью и буржуазным обществом, моральный индивидуализм, погружение в мир личных переживаний. В то же время бесспорно, что развитие конкретных форм исторического романа или лирической поэмы в первой половине XIX в. было связано с международными литературными взаимодействиями, с влияниями, в первом случае исторического романа Вальтера Скотта, во втором — ли-

рической поэмы Байрона, а историческая драма романтической эпохи опиралась на литературное наследие прошлого, на исторические хроники и трагедии Шекспира, возрождение которого имело характер не литературной моды, а закономерного исторического процесса, сопровождавшегося, как обычно, различным творческим истолкованием и трансформацией заимствованного образца» [14, с. 150].

А вот как выглядит у того же исследователя природа некоторых аналогий в реалистической литературе: «Точно так же критика противоречий современного буржуазного общества в литературе классического реализма XIX в. выдвинула как ведущий литературный жанр современный общественный роман с его современными, рядовыми, но социально типичными героями, обыденными конфликтами и психологией, опосредованной влияниями среды и общественных отношений. Появление романа этого типа — не результат международного влияния Бальзака, Диккенса, позднее Золя, а тех литературно-общественных отношений, которые вызвали появление этих великих писателей и их международное влияние» [14, с. 151]. Тот же автор отмечает близость романа Доде «Малыш» (1868) к романам Диккенса, особенно к «Николасу Никельби» (1839), хотя «Доде неоднократно заявлял, что никогда не читал Диккенса» [14, с. 151].

Даже из этих наблюдений видно, какую значительную роль играли в формировании романтической общности конкретные литературные влияния и как понижалась их роль в реализме. Учитывая неравнозначную функцию литературных влияний в разные исторические периоды, можно высказать мнение, что, пожалуй, полное отрицание «теории влияний» так же неправомерно, как и ее абсолютизация. В какой-то мере она — порождение некоторых объективных закономерностей развития литератур в определенные эпохи². «Представители старого академического литературоведения преувеличивали роль заимствований и влияний», — считает А. С. Бушмин [3, с. 106]. Но, вероятно, для этого были свои основания. Они исследовали, как правило, дореалистическую литературу, где роль влияний была очень велика.

Итак, с развитием литературы, по мере ее сближения с жизнью и эстетического раскрепощения, изменяется роль и место литературных влияний в литературном процессе. В выборе тем, героев, конфликтов первоочередную роль все очевиднее начинают играть контакты художника с действительностью, а не литературные контакты. Возрастает роль жизненных и уменьшается значение литературных импульсов в формировании разного рода аналогий. Влияния жизни становятся все очевиднее, литературные влияния — менее осязаемы.

Общее развитие художественного сознания и развитие отдельных литератур, относительное выравнивание уровней взаимодействующих партнеров способствует активизации творческих связей, вытеснению конкретных литературных влияний — общими, способствует сугубо творческому использованию чужого литературного опыта и уменьшению доли нетворческих заимствований в произведениях.

Но обо всем этом следует говорить очень осторожно, скорее, как об объективных предпосылках к развитию тех или иных типов литературных отношений, о самых общих тенденциях в их динамике. Весь диапазон форм связей, — настолько «широкий и многоликий» [16], что наука признает их классификацию условной, — по сути дела сохраняется на всем протяжении литературной истории. И можно говорить лишь об определенных перестановках в их иерархии, об их перераспределении по степени значимости в литературном процессе.

Какие-то формы связей и влияний, оттесняясь на второй план в сфере межлитературных отношений, продолжают активно проявлять себя в от-

---

² Мне близка позиция А. В. Липатова, который делает попытку отметить и «положительный аспект» «ославленной теории бродячих сюжетов». «Теория бродячих сюжетов, — пишет он, — была создана на основе многочисленных материалов фольклора, а также и литературы. Ее создатели на основе конкретных фактов вскрывали реально существующие, объективные закономерности» [15].

ношениях межписательских, которые сложнее, запутаннее, разнообразнее, чем отношения межлитературные, как живая, реальная картина связей, пронизывающих вширь и вглубь литературный массив, сложнее и многообразнее вырисовывающихся в этом сплетении тенденций, как совокупность частных, конкретных случаев разнообразнее общего и характерного.

Так, например, элементарные связи, конкретные, стилевые влияния, разного рода подражания, заимствования и т. д., сдавая свои позиции в ходе становления доминирующих направлений, в развитии целых литератур, могут взять реванш в индивидуальном развитии отдельных писателей, в становлении творческой личности. Ситуация «учитель — ученик», уже нетипичная для межлитературных отношений, может возникать в отношениях между начинающими и маститыми писателями. Некоторые дебютанты откровенно подражают известным мастерам, учатся у них, как бы самостоятельно проходя те стадии, которые уже прошла мировая и отечественная литература [17; 18].

Наконец, к разного рода имитациям, стилизациям, очевидным заимствованиям могут прибегать и крупные художники, прибегать вполне сознательно, как к художественным приемам, подчиняя примитивные формы реценций своим замыслам (например, сочиняя пародии, создавая произведения «по мотивам», осуществляя «перевод» одного жанра в другой и т. д.).

Кроме того, постоянно нарастающая интенсификация и усложнение литературного процесса ведут не просто к сохранению, но и к активизации всех форм связей, лишают любые из них количественных преимуществ, способствуют созданию ситуаций для разных, в том числе и, казалось бы, исторически отживающих литературных отношений.

Начиная с последней четверти XIX в. усиливается дифференциация внутри национальных литератур, их организмы становятся особенно сложными. Течения, разделяющие национальные общности, соотносятся друг с другом уже не только, как новое со старым (как, скажем, соотносились романтизм с классицизмом, или реализм с романтизмом), а как разные варианты нового, свидетельствующие о более резкой, чем прежде, дифференциации общества и искусства, о брожении умов, о напряженности социально-художественных исканий. Они усложняют картину литературных связей, вмешиваются в нее.

Возникающие нереалистические течения вновь увеличивают разрывы в уровнях развития отдельных литератур, а, вернее, вызывают их субъективное ощущение, порождая у какой-то части творческой интеллигенции (например, в некоторых культурных кругах зарубежных славянских стран после 1918 г.) иллюзию отставания национального искусства от европейского уровня, потребность наверстать упущенное, что провоцирует реставрацию тех нетворческих отношений между литературами, которые были типичны для более ранних эпох. Но если, скажем, в период национального возрождения подобные отношения были в какой-то мере объективной необходимостью, фактором культурного роста «отставших» народов, то на рубеже XIX—XX вв. усиленная ориентация некоторых представителей творчески окрепших «молодых» литератур на западную культуру, с проступающими в ней кризисными явлениями, может нести в себе что-то и от погони за модой, за ложно понимаемым престижем и не всегда способствует прогрессу. К рецидивам нетворческих связей с нереалистическими течениями предрасполагал и сам характер этих течений, по-своему возвращавших художника к нормативности.

Реализм открывал объективную правду жизни, утверждал простоту, естественность и многообразие творческих проявлений личности. И это обеспечивало ему сильные позиции в искусстве, притягивало к нему таланты. Быть реалистом — значило учиться у жизни, быть самим собой. Реализм — метод для искусства в высшей степени органичный, отсюда склонность его к «самозарождению», отсюда и провозвестники реализма в далеких от его «официального» утверждения эпохах (античный реализм, возрожденческий, реализм эпохи просвещения и т. д.).

В философии и поэтике любого из нереалистических «измов» есть известный элемент отступлений от объективной истины, элемент деформации объективного мира, элемент насилий над личностью художника. Нельзя сказать, что «измы» не имели под собой материальной почвы. Нет, они имели свои социально-психологические мотивы, отражали идущие от жизни настроения. Их талантливейшие представители обогащали искусство. Но природа и особенность нереалистических течений такова, что они сгруппировались на очень узком материальном фундаменте, на быстро исчезающих истоках, на ограниченном спектре эмоций и впечатлений.

М. Цветаева не без основания видела в символизме поэтический аналог каким-то высоким душевным порывам своего времени. «Таковы были души. Лучшие из душ. Символизм меньше всего литературное течение» [12, с. 299], — писала она. Но символизм был и течением, культивировавшим определенные душевные порывы и состояния, и подчас утомлял тем самым даже своих наиболее последовательных приверженцев. Он уводил от обычной жизни в призрачный мир, который тяготил самих же символистов. «Я слишком склонна к отвлеченности; игра с этим огнем для меня опасна, — писала З. Гиппиус в письме к А. Блоку 6 августа 1902 г. — Приходится тогда полунасиленно возвращать себя от разных „белых лестниц“ к самым обыкновенным, ведущим из моей „светлицы“ в столовую, от воображаемых „притихших“ детей — к шумным и грязноватым деревенским ребятам, с которых сестры мои делают этюды /.../ Уверю вас, что вреднее всего для писателя и поэта быть — главным образом — поэтом. Сначала как будто ничего, но скоро чувствуешь непобедимое внутреннее обмеление» [19, с. 181].

Ставка на нечто экстраординарное или потустороннее, на сверхчувство и сверхзрение толкала художника к экстравагантности, к стремлению не «быть», а «казаться». «Все это „нарочно“. Это не поэзия, а поэтичничанье» [19, с. 174], — данное мнение современницы по поводу одного из рядовых символистских сборников отражает особенность практически любого нереалистического течения, где вероятность «поэтичничанья», вероятность подражания — другим, или самому себе — очень велика.

Стремившиеся к максимальной свободе духа, к полному освобождению искусства из плена традиций и объективной реальности, нереалистические течения, тем не менее — каждое по-своему — ввергали художника в плен определенного мироощущения, заданной творческой манеры. Нарушая систему связей искусства с действительностью, ослабляя жизненные влияния, они вновь повышали методобразующую роль литературного влияния, укрепляли зависимость литературы от литературы, повышая роль заново создаваемых канонов и стереотипов.

До сих пор мы касались влияния факторов внутрилитературных на развитие литературных связей. Но наряду с внутренними регуляторами литературных отношений, которые управляют связями изнутри эстетических концепций, следует принимать во внимание и факторы «внешние», которые относятся к условиям существования искусства. На состоянии литературных связей бесспорно сказывается уровень развития цивилизации, темп научно-технического прогресса. Бурное развитие технических и гуманитарных наук, размах переводческого дела, совершенствование средств информации и коммуникации сближают времена и пространства, облегчают международные контакты, создают «высокое техническое обеспечение» связей, которое порождает свои особенности и парадоксы.

Писатель живет и работает в культурной атмосфере, перенасыщенной всевозможными токами, импульсами, веяниями. Он легко становится не только потенциальным источником, но и объектом всевозможных воздействий. Поэтому, к примеру, если эстетика в полный голос заявившего о себе реализма объективно сближает творческую личность с повседневной жизнью, погружает в нее, освобождает от необходимости оглядываться на литературные образцы, вплавлять в свой текст литературные впечатления, то уровень цивилизации, высокий уровень образования и культуры как бы заполняет его сознание этими впечатлениями, прочно включает в систему литературных связей, сознательных и неосознанных.

Иными словами, если зависимость одной литературы от другой со временем уменьшается, то зависимость отдельной творческой личности от вековых культурных накоплений, ее связи со сложившимися культурными слоями не только сохраняются, но даже крепнут. Развитие искусства лишь создает объективные предпосылки для все более добровольных и творческих использований этих накоплений. Степень и функцию этих использований определяют все больше не объективные, а субъективные факторы. Писатель может, но не обязан по доминирующим эстетическим законам опираться на вторичный литературный материал. Он уже сам определяет его меру и функцию в своем творчестве.

Взросшая культурная эрудиция, доступность чужого творческого опыта создавали известную опасность превалирования литературных впечатлений над непосредственными, опасность растворения «своего» в «чужом». Отметим, что как опасность это могло ощущаться лишь в эпоху высокого авторитета творческой самобытности. Боязнь штампа и стереотипа, пришедшая на смену определенному уважению к стереотипу, протест против «клишности» перерастают подчас в протест против сложившихся литературных традиций, обретают крайние формы. Возникают стремления (особенно сильные в переломные исторические моменты, возбуждающие жажду новизны) чуть ли не полностью отрешиться от чужого творческого опыта, очистив — иногда довольно искусственным путем — от него свое сознание, резко ослабив, почти прервав связи, в первую очередь диахронные связи с прошлым.

Нигилистические тенденции, распространенные в европейской литературе конца XIX — начала XX в. (и очень заметные в 20-е годы), обычно рассматриваются как проявление кризиса буржуазного сознания, зашедшего в тупик, или как крайние проявления революционного новаторства. Действительно, истоки и последствия этих тенденций были очень разными, зависели от почвы, где они возникали, и от тех, кто этот нигилизм исповедовал. В одних руках он мог вести к разрушению, в других — к обновлению искусства. Но, оставая в стороне сложный комплекс его мотивов и проявлений, нам хотелось бы обозначить еще один мотив этого нигилизма. В каких-то случаях, вероятно, он мог быть неосознанной реакцией творческой личности, стремившейся к самобытности и неповторимости, на «избыточность» связей и влияний, стихийным стремлением их отрегулировать, воспрепятствовать чрезмерному вмешательству чужого опыта, принявшего форму традиций, в творческий процесс, попыткой укрепить непосредственные контакты с жизнью, которым могли мешать чрезмерные литературные контакты.

Нигилистические тенденции в искусстве, очевидно, можно рассматривать, как возникший в XX в. антипод к примитивным формам связей (подражаниям и заимствованиям), как полюс протеста против навязчивых литературных влияний. Между нетворческими подражаниями и полным отрешением от «чужого» и лежит широчайшая шкала возможных литературных отношений.

И еще одно следствие «высокого технического обеспечения» литературных связей. Легкость пропихивания произведений через языковые и государственные барьеры мешала их «естественному отбору», облегчала циркуляцию по планете не только позитивных, но и негативных влияний, повышала вероятность участия последних в духовной жизни общества. Международный авторитет того или иного явления, его популярность не всегда соответствуют его объективной ценности, а иногда определяются хорошо поставленной рекламой, принадлежностью к облегченной «массовой культуре» или какими-нибудь другими случайными причинами. Развитие технической цивилизации создает условия для таких несоответствий.

Искусство в эпоху отставания социального прогресса от научно-технического как никогда нуждается в выработке факторов, способных притормозить вредные и усилить позитивные литературные влияния. И большая регулирующая роль здесь принадлежит идейно-эстетическим принципам социалистического искусства. Но это — уже сюжет для другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов Ю. В.* Опыт теоретической систематизации сравнительного изучения литературы. Предисловие к кн.: Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, с. 6.
2. *Манн Ю. В.* Литературные связи и влияния. КЛЭ, т. 4, с. 313.
3. *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1975.
4. *Никольский С. В.* Проблема избирательности интересов в процессе литературных связей и творческое взаимодействие литератур.— В сб.: Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
5. История русской литературы. Т. 1. Л., 1980.
6. *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжета. СПб., 1913.
7. Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963, с. 33.
8. *Байрон Д. Г.* Избранные произведения. М., 1953, с. 63.
9. *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 74.
10. Толстой А. Н. Мое творчество.— В сб.: Русские писатели о литературном труде. Т. 4. Л., 1956, с. 488.
11. *Арагон Л.* Собрание сочинений. Т. 10. М., 1961, с. 400—401.
12. *Цветаева М.* Сочинения. Т. 2. М., 1980.
13. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, с. 190.
14. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979.
15. *Липатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература. М., 1977, с. 252.
16. *Кишкин Л. С.* О формах и видах литературных связей (на материале взаимоотношений чешской, словацкой и русской литератур).— В кн.: Sborník katedry ruského jazyka a literatury. Prešov, 1964, s. 10.
17. *Nezval V.* Dílo, sv. XXIV. Praha, 1967, s. 125.
18. *Janko Jesenský v kritike a spomenkách.* Bratislava, 1957, s. 667.
19. Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982.

ЛЕВОЧКИН И. В.

«ОТЕЧЕСКИЕ КНИГИ» И ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 ГОДА

В современном славяноведении кирилло-мефодиевская тема является одной из наиболее актуальных и поэтому находится в сфере постоянного внимания многих славистов. Однако некоторые вопросы этой обширной и весьма сложной темы считать решенными все еще нельзя. К числу таких вопросов относится и переводческая деятельность Мефодия.

Известно, что Мефодий со своими учениками перевел с греческого языка на славянский основной корпус библейских книг. Об этом сообщается в его Житии. В этом же источнике далее говорится: «тѣгда же и номоканонъ рекъше законуу правило и оцъскыя книги прѣложи» [1]. Номоканон — это свод церковных узаконений, но что такое «отеческие книги»? Однозначного ответа на этот вопрос в научной литературе пока не имеется, а между тем он очень интересен и важен.

Рассматривая историографию этого вопроса, Б. Н. Флоря пишет, что одни исследователи под отеческими книгами понимают патерики, другие — сборник проповедей ранних отцов церкви. Закljučая свой исчерпывающий комментарий, ученый отмечает: «окончательное решение вопроса в настоящее время вряд ли возможно, так как в средневековой литературе термин „отеческие книги“ употреблялся в очень широком значении, а ряд памятников, являющихся объектом дискуссии, до сих пор остается недостаточно изученным» [2]. Понятие «отеческие книги» действительно имеет весьма широкое значение, а сборники сочинений ранних христианских писателей изучены все еще недостаточно. Однако это, разумеется, не должно означать отказа от попыток решения вопроса о том, что же такое «отеческие книги», о которых говорится в Житии Мефодия. Одной из таких попыток и является настоящая статья.

Не отрицая возможности перевода Мефодием и его учениками одного из патериков или сборника проповедей, автору настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть еще одну книгу, которая также является сборником сочинений ранних христианских писателей и может быть названной «отеческой». Книга, о которой пойдет речь, чрезвычайно интересна и может быть уверенно поставлена в один ряд с теми книгами, которые перевел Мефодий вместе со своими учениками. Но сначала несколько предварительных замечаний общего характера.

Для христианизации славян-язычников в первую очередь были нужны богословские и богослужебные книги. Кроме того, необходим был свод церковных законов. Об этом хорошо знали Константин (Кирилл) Философ и Мефодий, и именно эти книги ими были переведены в первую очередь. Но все эти книги предназначались для внутрицерковного пользования, т. е. для самих служителей церкви. Главным образом для внутрицерковного пользования были предназначены также патерики и сборник проповедей. Мефодий, как и его брат Константин Философ, был выдающимся деятелем

культуры и очевидно понимал, что одними службами и проповедями перелома в мировоззрении язычников совершить невозможно. Не очень большим подспорьем в этом деле могли быть и патерики, в которых рассказывается о праведной жизни и «подвигах» монахов.

Несомненно, что славянские народы для Мефодия были не только объектом, но и субъектом просвещения. Недаром же просвещение славянских народов с самого начала мыслилось солунскими братьями, в отличие от западных миссионеров, не на чужеземном, а на славянском, родном языке. Следовательно, в просветительской миссии Мефодия, наряду с книгами внутрицерковного пользования, должны были использоваться и такие, в которых с позиций христианства освещались бы основные мирские проблемы. Другими словами, нужны были книги для самих принимающих христианство славян. Но имелись ли в византийской литературе книги, которые в популярной форме освещали бы важнейшие нормы христианской жизни мирян, недавних язычников, а если имелись, то были ли они известны в славянских странах на начальном этапе их христианизации? Для того, чтобы ответить на этот двуединный вопрос, необходимо обратиться к некоторым известным фактам и рассмотреть ту самую книгу, которая, возможно, была переведена Мефодием и его ближайшими учениками.

В 1817 г. К. Ф. Калайдович и П. М. Строев открыли в библиотеке подмосковного Воскресенского монастыря уникальную древнерусскую, датированную 1073 г. книгу, которую они назвали Изборником Святослава. Еще раньше, в 1792 г., с этой книгой в том же Воскресенском монастыре ознакомился чешский славист Й. Добровский [3]. Впоследствии А. Х. Востоков установил, что эта книга имеет византийское происхождение [4], а А. В. Горский и К. И. Невоструев, исследуя Изборник, убедительно обосновали вывод о том, что его «греческий подлинник должен принадлежать к IX столетию» [5].

Сопоставляя содержание Изборника Святослава с содержанием одного известного им греческого кодекса¹, А. В. Горский и К. И. Невоструев установили их почти полное тождество. По своему содержанию Изборник Святослава (а, следовательно, и его византийский подлинник) представляет собой энциклопедический сборник, рассчитанный, по справедливому выводу О. И. Подобедовой, на то, чтобы «...вести новопросвещенных христиан в круг идей и представлений, связанных с принятой ими верой, а главное — в достаточно краткой и легкой форме помочь им овладеть некоторым уровнем просвещения, который приблизил бы их к византийской образованности» [9]. Следует подчеркнуть, что Изборник не может считаться книгой внутрицерковного пользования. По своему содержанию и назначению он гораздо шире любой из чисто церковных книг. Таким образом, в византийском IX в. была известна книга, которая могла использоваться в просвещении славян не с абстрактно-богословских, а с общегуманитарных, в значительной степени мирских позиций.

Изборник Святослава 1073 г. не является непосредственным переводом с византийского кодекса IX в. Установлено, что он является одним из списков Изборника болгарского царя Симеона (865—927 гг.). Но кем и когда был переведен на славянский язык тот греческий кодекс, который явился протографом Изборника Симеона? Этот вопрос имеет принципиальное значение и вплотную подводит к проблеме «отеческих книг» Мефодия.

Есть мнение, что перевод греческого кодекса, о котором идет речь, был осуществлен Иоанном Экзархом — болгарским государственным деятелем и ученым эпохи царя Симеона [10, с. 271]. Однако прямых указаний в источниках об этом не имеется. Иоанн Экзарх, как известно, был переводчиком и интерпретатором ряда крупных сочинений — Богословия Иоанна Дамаскина, Шестоднева и других. Перевод этих сочинений требовал многих лет напряженного труда. Кроме того, Иоанн Экзарх выполнял нелегкие

¹ В настоящее время известно несколько греческих рукописей X в., содержание которых очень близко к содержанию Изборника Святослава, см. [6; 7; 8].

государственные обязанности. В силу этих причин у него вряд ли были возможности заниматься еще и переводом Изборника, произведения иного по сравнению с Богословием и Шестодневом плана. Болгарский ученый Божидар Пейчев не без основания считает, что Изборник не мог быть переведен Иоанном Экзархом, так как его переводческие принципы значительно отличались от стиля перевода Изборника [11].

Рассмотрим более внимательно Изборник 1073 г. Он имеет характерный заголовок: «Съборъ отъ многъ ѿць. тълкованиѣ о неразоумныхъ словесѣхъ. въ еуагголии и въ аплѣ. и въ инѣхъ книгахъ. въкратцѣ съложена. на памѣть и на готовь отвѣтъ». Название кодекса, как видим, полностью соответствует тем самым «отеческим книгам», о которых говорится в Житии Мефодия. Да и по содержанию Изборник представляет собой антологию, в которой представлены сочинения многих ранних христианских писателей — Василия Великого, Григория Богослова, Елифания Кипрского, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Иустина Философа, Иоанна Дамаскина и целого ряда других. В конце кодекса имеется приписка писца: «А коньць въсемъ книгамъ».

В Изборнике Святослава освещается большое количество самых разнообразных вопросов, которые были важны для человека христианского средневековья. Здесь рассматриваются вопросы христианского вероучения, отношения христианина к церкви и ее служителям, повседневного поведения в жизни. Наряду с христианскими, в Изборнике весьма обстоятельно рассматриваются и мирские темы. Это вопросы красноречия, рекомендации «правильного» питания, географические и исторические справки и т. п. Большое внимание в книге уделяется естественнонаучной и философской тематике [12, с. 114—118]. Подавляющее большинство статей Изборника оформлено в виде вопросов и ответов. Кодекс имеет четкую, логически обоснованную структуру и представляет собой законченное целое.

А. Л. Дювернуа не без основания писал о том, что славянский протограф Изборника Святослава был написан глаголицей [13]. Но известно, что в начале своего царствования Симеон провел реформу, которая в качестве государственного письма утверждала кириллицу [14]. Это означает, что славянский протограф Изборника Святослава был создан до 893 г. Правда, в одном из списков Изборника Симеона (Кирилло-Белозерском) имеется так называемая «Похвала», в которой Симеон назван царем, но она могла быть присоединенной к Изборнику не в момент его перевода, а несколько позже, при изготовлении его нового списка.

В настоящей статье нет возможности, да и необходимости рассматривать вопрос о составителе того греческого кодекса, который стал протографом Изборника царя Симеона, явившегося в свою очередь, оригиналом для Изборника Святослава 1073 г.² Что же касается перевода этого кодекса на славянский язык, то по всей вероятности он был осуществлен Мефодием и его учениками, и именно этот сборник обозначен в Житии Мефодия как «отеческие книги».

Развертывая свою просветительскую миссию в Болгарии, ближайшие ученики Мефодия — Константин Преславский, Климент Охридский и другие — не могли не обратиться к интересующему нас кодексу, который они вместе со своим учителем перевели с греческого языка. Когда в 893 г. болгарским царем стал Симеон, они, скорее всего, и преподнесли ему Изборник как книгу, исключительно важную для просвещения народа. Хорошо известно, какую большую роль в развитии болгарской средневековой культуры сыграла эта книга. Она способствовала распространению знаний, содействовала расцвету литературы, укрепляла национальную общественно-политическую мысль [15]. Не меньшее значение имел Изборник и для развития древнерусской культуры, хотя в этом плане он изучен еще явно недостаточно.

И в Болгарии, и на Руси, а может быть и в Византии Изборник (и его протограф) мог использоваться как энциклопедический, универсальный

² Автором настоящей статьи недавно было высказано предположение о том, что создание протопротографа Изборника было связано с именем Константина (Кирилла) Философа, см. [12, с. 118].

учебник для юношества. Таким образом, переводя этот кодекс, Мефодий думал не только о церкви, но и о школах, совершенно необходимых в деле просвещения славянских народов. О том, что на начальном этапе христианизации такие школы создавались, сообщается в русских летописях. Так, сразу же после принятия христианства, князь Владимир «нача поминати у нарочитое чади дети и даяти начаша на ученье книжное» [16]. Думается, что и в Болгарии, и в других славянских странах, было то же самое.

Как и все совершенное Константином Философом, Мефодием и их учениками, перевод «отеческих книг» явился крупным событием в просвещении славянских народов. Если исходить из того, что «отеческие книги» — это протопротограф Изборника Святослава, тогда станет понятным тот авторитет, которым пользовался Изборник на протяжении длительного времени. Известно свыше двадцати списков Изборника, относящихся к XV—XVII вв. [17], и значительное количество сборников, в которые вошли различные статьи из этого кодекса. Отметим, что списки составленного на Руси Изборника 1076 г., напротив, не известны вообще.

Вполне понятно, наше отождествление «отеческих книг» Жития Мефодия и протопротографа Изборника Святослава является всего лишь гипотезой. Однако эта гипотеза представляется более близкой к истине, чем другие, ранее высказанные исследователями. И не потому, что она — результат несколько иного подхода к проблеме и итог разысканий автора настоящей статьи в данной сфере. Высказанная гипотеза основывается на представлении о том, что просветительская деятельность Мефодия заключалась не только в создании христианской церкви у славян, но и в общекультурном просвещении славянских народов. А «отеческие книги» (протопротограф Изборника Святослава) как нельзя лучше соответствуют решению этой задачи.

В заключение следует кратко остановиться на еще одном из возможных решений вопроса об «отеческих книгах». Почему под отеческими книгами нужно обязательно понимать лишь одну из известных в науке книг (патерик, сборник проповедей или протопротограф Изборника Святослава)? Разве исключена возможность понимания этого термина не как одной, а как нескольких книг? Думается, что не исключена. Вполне вероятно, что «отеческие книги», которые перевел Мефодий со своими учениками, это не одна, а несколько книг, а числе которых был и тот энциклопедический кодекс, который послужил протопротографом Изборника Святослава 1073 г.

Конечно, перевод Мефодием не одной, а двух-трех «отеческих книг» был возможен лишь при условии активной и действенной помощи ему со стороны учеников и соратников. Кроме того, для выполнения этой большой работы требовалось определенное время. Из текста Жития Мефодия как будто следует, что ни достаточного количества помощников, ни времени у переводчиков для этой работы не имелось. Однако вопрос о количестве переводчиков и писцов, которые были в распоряжении Мефодия, изучен еще не полностью и требует специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 197.
2. Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981, с. 169—170.
3. Моисеева Г. Н. Первый исследователь Изборника Святослава 1073 г. — Йозеф Добровский. — *Ceskoslavenka rusistika*, XXIX, 1984, № 3, с. 102—106.
4. Востоков А. X. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. М., 1842, с. 500, 506.
5. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2, ч. 2. М., 1869, с. 368.
6. *Omont H. Inventaire sommaire des manuserits grecs de la bibliotheque nationale*, v. III. Paris, 1888, p. 137—138.
7. *Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae*, I, № 489 (L. 88), 1906, p. 590—591.
8. *Pejcev B. Cod. Vat. gr. 423 — ein Analogus dem Izbornik J. 1073.* — *Palaeobulgaria*, 1977, № 3, с. 78.

9. *Подобедова О. И.* Изборник Святослава 1073 г. как тип книги.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 34.
10. *Георгиев Э. И.* К вопросу о возникновении и составителях Изборника Симеона-Святослава, известного по рукописи 1073 г.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 271.
11. *Пейчев Б.* Философский трактат Симеонова сборник. София, 1977, с. 78.
12. *Левочкин И. В.* О естественнонаучном и философском содержании Изборника Святослава 1073 г.— В кн.: Памятники науки и техники. 1982—1983. М., 1984.
13. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. С греческим и латинским текстами. С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа.— ЧОИДР, 1882, кн. 4. М., 1883, с. 7.
14. Супрасълски или Ретков сборник, Т. I. София, 1982, с. 5.
15. *Диневков П. Н.* Значение Изборника Симеона-Святослава 1073 г. в развитии болгарской культуры.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 272—279.
16. ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846, с. 34.
17. *Левочкин И. В.* Изборник Святослава 1073 г.— памятник древнерусской культуры.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983, с. 13—14.

ВКЛАД А. А. ШАХМАТОВА В СЕРБОХОРВАТСКУЮ АКЦЕНТОЛОГИЮ

В 1984 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Алексея Александровича Шахматова, выдающегося русского слависта, который за 56 лет жизни составил эпоху в славистической науке и языкознании прежде всего. Среди работ, освещающих вклад А. А. Шахматова в различные области славянского языкознания, отсутствуют такие, в которых было бы показано основополагающее значение его работ в области сербохорватской и вообще славянской исторической акцентологии. В то же время опыт исследований последнего времени подтверждает: именно А. А. Шахматов вывел славянскую историческую акцентологию на новые рубежи, определив ее развитие на много десятков лет вперед.

Список работ А. А. Шахматова по сербохорватской акцентологии состоит из пяти названий. Три работы посвящены исследованию акцентных систем славонского грамматика начала XIX в. А. Берлича [1], дубровницкого лексикографа XVIII в. Й. Стулли [2], хорватского священника, общественного деятеля и грамматика XVII в. Ю. Крижанича [3]. В [4] подводится итог предыдущих исследований, пересматриваются в связи с критикой М. Решетара некоторые выводы; в [5] дана развернутая рецензия на исследование М. Решетара по сербохорватской диалектной акцентологии.

Чтобы в полной мере понять значение работ А. А. Шахматова для сербохорватской исторической акцентологии, необходимо представить, в каком состоянии находилась сербохорватская акцентологическая наука к тому времени, в 80—90 годы XIX в. Предшествующие два-три десятилетия были периодом бурного развития сербохорватской акцентологии. Сербское и хорватское ударение подверглось всестороннему исследованию: акустико-фонетическому, описательно-грамматическому, сопоставительному, историческому, и были получены значительные результаты. Прежде всего была завершена серьезная и кропотливая работа по нормированию и унификации графического обозначения литературного штокавского ударения (словарь Вука Караджича I и II изданий 1818 и 1852 г., описание по грамматическим классам акцентной системы Дж. Даничича — 1851—1869 гг.), а также сделаны разработки соответствующего раздела в грамматиках, получены представления о диалектных (прежде всего — чакавских, еще с грамматики 1604 г. Кашича) особенностях (грамматики В. Ягича 1864 г., Ф. Миклошича 1852 г., М. Шунича 1853 г., А. Мажуранича 1868 г.—4-е издание, А. Берлича 1850 г., П. Будмани 1867 г., Й. Бошковича 1878 г.).

Выявленные факты требовали сопоставительного анализа и исторического комментария. Поэтому появились исследования В. Ягича о хорватско-сербских (1870) и А. А. Потебни о хорватско-русских (1864) параллелях, а сербские исследователи Дж. Даничич [6] и Ст. Новакович [7], обратившись к материалам старосербских и старохорватских памятников

XIII—XVII вв., пытались найти в них истоки, объясняющие штокавско-Чакавские различия и обрисовывающие раннесербохорватскую акцентную систему, из которой возникли известные современные системы. Даничич отнесся к разнородному во всех отношениях материалу использованных им памятников (притом — изданных, а значит, содержащих множество опечаток) с необоснованным доверием: без предварительного палеографического анализа систем надстрочных знаков каждого памятника, без оценки степени информативности этого материала. Р. Брандт в своей книге 1880 г. [8], подводящей итог всему тому, что было сделано к этому времени по славянскому ударению, справедливо оценил попытку Даничича как неудавшуюся. Было очевидно, что старые памятники письменности, в которых ударение передано надстрочными знаками и удвоением букв, из-за запутанной и непоследовательной системы этих обозначений не могут дать исследователю «никаких ясных и несомненных данных об акцентровке...» [8, с. 69]. Но и Брандту не были известны приемы работы с акцентуированными рукописями.

В этот же период (в 1875 г.) появляется работа Л. Мазинга [9] по акустическому анализу сербохорватского ударения, которая произвела на Шахматова сильное впечатление. Шахматов полагал, что этому исследованию предстоит стать «поворотным пунктом в изучении современных сербских ударений» [1, с. 158]¹.

Таким образом, известные науке факты ко времени занятий Шахматовым сербохорватской акцентологией дали ему возможность подытожить основные результаты. «Сопоставление чакавской и штокавской системы ударений показывает: 1) что место чакавского ударения совпадает с русским, между тем как в штокавских говорах оно передвинулось на один слог ближе к началу слова (ср. чакавск. *noǵa*, русск. *ногà*, но штокавск. *noǵa*; чакавск. *ruka*, русск. *рука*, но штокавск. *ruka*; чакавск. *lopàta*, русск. *лопàта*, но штокавск. *lopàta*); 2) что чакавскому восходящему ударению на долгой гласной соответствует в штокавских говорах нисходящее ударение (чакавск. *kràlj*, но штокавск. *kràlj*; чакавск. *mlàtj*, но штокавск. *mlàtj*). Несомненно, что в обеих этих чертах чакавское ударение архаичнее штокавского» [4, с. 3].

Дальнейшие пути решения акцентологических проблем в сербохорватском еще в 1888 г. Шахматов видел: (1) в исследовании современных говоров — «наблюдении над физиологическим характером ударения»² и (2) в изучении древнесербского ударения по памятникам письменности. Шахматов остановился на втором пути. Он обладал для занятий исторической акцентологией по древним текстам исключительной подготовкой, которую он приобрел в результате многолетней работы с древнерусскими памятниками. Шахматов считал, что «богатая древнесербская литература даст очень много ценных данных для истории ударений, говорю даст, т. к. до сих пор мы почти ничего не знаем об ударении древних памятников» [1, с. 157].

Прежде всего интуиция подсказывает А. А. Шахматову, что следует заниматься ударением одного определенного памятника, предварительно изучив его палеографические особенности, относящиеся к системе надстрочных знаков — набор знаков и функцию каждого из них. Эта принципиально важная методологическая установка была особенно необходима на том, начальном, этапе работы над материалом старых текстов, но она остается обязательным требованием и при работе с группой старых текстов. При этом Шахматов предпочитает работать с оригиналом (как это было с ру-

¹ Надо сказать, что Шахматов верно почувствовал сильные стороны исследования Л. Мазинга. Главное открытие Мазинга, сделанное благодаря его феноменальному слуху (восходящие ударения — двуслоговые, нисходящие — однословные), долго не принимавшееся наукой, через сто лет было подтверждено экспериментами на совершенной аппаратуре П. Ивичем и И. Лехисте в Мичиганском университете [10, р. 20—21, 56 и др.].

² Шахматов опубликовал свои небольшие материалы по современным черпогорским говорам, которые он имел возможность собрать во время зарубежных поездок [4, с. 31—34].

копиями Крижанича), что исключает многочисленные опечатки, неизбежные при публикации.

Другой важнейшей методологической установкой Шахматова является привлечение к исследованию полного материала, т. е. анализируется акцентная система конкретного памятника (говоря словами Шахматова, описываются «различные типы ударений, употребляющиеся в рукописях» [3, с. 250]) при полной выборке примеров и даже с точными подсчетами примеров, составляющих каждый акцентный тип.

Эти два методологических принципа, разработанные Шахматовым, стали обязательной основой для акцентологов, черпающих материал из древних памятников письменности. Однако прошло около 80 лет, прежде чем эти шахматовские разработки получили должное применение и в соединении с новым методом исследования древних акцентных систем (развитым московской акцентологической школой в 60—70 годы) дали ощутимые результаты для славянской исторической акцентологии. Этот новый метод — морфологический (В. М. Иллич-Свитыч), или морфонологический (В. А. Дыбо) — имеет дело с положением иктуса в словоформе (в парадигме склонения/спряжения), и потому материал древнеславянских памятников, показывающий прежде всего место ударения в слове, хорошо поддается расшифровке с помощью этого метода. Продолжая традиции А. А. Шахматова, советские исследователи за последние два десятилетия значительно расширили фактологическую базу из материалов древних славянских рукописей и старопечатных книг [11].

Сам же Шахматов анализировал старые акцентные системы методом, которым располагала наука того времени. Этот метод был тонко и последовательно разработан Л. Мазингом, славистом Дерптского университета [9]. Акустико-фонетический аспект изучения ударения (по Мазингу) оперировал качественно-количественными характеристиками акцента, при этом обсуждались вопросы слабого/сильного, краткого (резкого)/долгого с разной кривой мелодики ударения, нисходящего/восходящего, однослогового/двуслогового ударения.

Применяя этот метод для исследования старосербского ударения, А. А. Шахматов предварительно пытался расшифровать употребляемые старыми грамматистами надстрочные знаки как показатели качественных-количественных характеристик ударения (или, как пишет сам Шахматов, его задача — определить ф и з и о л о г и ч е с к и й характер ударений), а затем эту расшифрованную систему сопоставлял с современной штокавской, описанной Л. Мазингом, и таким образом получал информацию об основных характеристиках описываемой системы и ее диалектных (т. е. отличных от литературной штокавской) особенностях. Анализ Шахматова был чрезвычайно трудоемким и сложным (именно поэтому он не нашел последователей), но гениальность исследователя, скрупулезность его работы дали ценные результаты.

Огромной заслугой А. А. Шахматова является то, что он выявил важные для сербохорватской исторической акцентологии старые акцентные системы, определил степень их ценности и историческую иерархию. Наименее интересной из рассмотренных Шахматовым систем (или, может быть, еще неразгаданной, как считал Шахматов) оказалась система дубровницкого составителя многотомного словаря XVIII в. Й. Стулли [2]. Позднее Шахматов «совершенно отказался от своих выводов относительно ударений загадочного Стулли» [4, с. 2]. Первое же место по ценности, общности и ясности материала, бесспорно, принадлежит системе грамматиста XVII в. Юрия Крижанича. Шахматов открыл для себя Крижанича за пять—шесть лет до своей первой публикации (1894), когда он познакомился с рукописями Крижанича и понял их значимость во многих отношениях.

Анализ акцентной системы Крижанича Шахматов провел по его восьми большим рукописям. Шахматов решал в своем исследовании три задачи: 1) описание основного характера и отдельных диалектных особенностей ударения живого говора Крижанича, 2) определение места системы Крижанича среди известных систем (современных штокавской и чакавской и Берлича — славонского грамматиста XIX в., систему которого Шахматов

описал ранее [1]), 3) выяснение вопроса о происхождении системы Крижанича. Соответственно исследование Шахматова состоит из пяти частей: I — разбор рассуждений самого Крижанича о его ударении, II — обзор встречающихся у Крижанича акцентных типов, III — о соответствии системы Крижанича со штокавской и чакавской, IV — о диалектных особенностях Крижанича, V — о происхождении системы Крижанича.

В рамках принятого метода исследования Шахматов определяет, что в говоре Крижанича наблюдаются разные по акустической характеристике ударения: экспираторное (˘), экспираторно-музыкальные (обозначаемые Крижаничем знаками (˘ ^) и музыкальные (˘)). Рассматривая ударение Крижанича (а) в отдельно взятом слове — вне связной речи и, как мы бы сейчас сказали, (б) в синтагме, Шахматов отмечает, что экспираторное ударение известно лишь в случае (а) или в конце связной речи на кратком слове с предшествующим кратким же; экспираторно-музыкальные: (˘) — на всяком кратком слове слова в случае (а) или в конце связной речи, (^) — на долгих слогах при всяком их положении в слове, (˘) — без сопровождения других ударений на долгом предпоследнем слоге; музыкальные ударения (нисходящие): (˘) — на долгом конечном слоге, (˘) — на кратком неконечном, следующими за ударным слогом (с восходящим музыкально-экспираторным ударением).

В своих выводах Шахматов очень верно определил место системы Крижанича на фоне известных тогдашней акцентологии фактов (в тот период сербохорватская историческая акцентология не располагала знаниями о кайкавских системах, и сведения о словенском ударении, вводимые Валявцем, еще не использовались в полной мере, в то время как для понимания системы Крижанича важно было прежде всего сопоставление его с кайкавскими системами, что было сделано спустя почти 100 лет после работы Шахматова, в результате чего система Крижанича была определена как чакавско-кайкавская)³. Шахматов заключает, что диалектные основы Крижанича и штокавская разные, что ни одна из них не лежит в основе другой, показывает ряд позиций, когда ударение Крижанича первично по сравнению со штокавским, и подводит итог, что обе системы восходят к одному общему типу, от которого уклонился как говор Крижанича, так и штокавский говор. Шахматов восстанавливает черты этой праштокавской системы, а также праобщерусской и через довольно сложные построения в рамках своего «физиологического» метода показывает трансформацию реконструированной им общесербохорватской акцентной системы в известные ныне системы.

Работе о Крижаниче предшествовало исследование Шахматовым системы славянского диалекта середины XIX в., отраженной в «Грамматике» Берлича [1]. На эту грамматику внимание Шахматова обратил Ф. Е. Корш. Система Берлича, отличная от штокавской и чакавской, оказалась весьма важной для понимания исторических процессов сербохорватской акцентологии. Здесь же Шахматов упоминает грамматику XVIII в. Рельковича; ею, как и берличевой грамматикой, позднее занялся виднейший югославский акцентолог Ст. Ившич [12]).

С необычайной тщательностью проведя идентификацию знаков ударения Берлича со знаками Вука, Шахматов (отмечая непоследовательности и неточности системы надстрочных знаков Берлича и выявляя многие опечатки) получает материал, совпадающий/несовпадающий с Вуком, и в случаях несовпадения ищет параллели в чакавских системах Мажуранича, Будмани и других, известных к тому времени. Анализ проводился отдельно по однослоговым существительным, двуслоговым и т. д. Поразительная скрупулезность анализа Шахматова особенно отчетливо прояв-

³ Отметим, что анализ материала Крижанича, проведенный морфонологическим методом, дал возможность проследить акцентологическую закономерность, названную В. А. Дыбо «Законом Крижанича», которая при всей тщательности анализа Шахматова ускользнула от него. Речь идет о перенесении ударения (в а. п. b) с долгого слога на предшествующий долгий, в то время как в краткосложных основах ударение остается на месте. Например, Р. мн.: Грѣхов трѣдов ~ bobrôw, коньѣв; чѣсел, сѣкен ~ ~brevên; Лѣдаѣ, ѣ стѣнъ ~ Петѣль, сестѣр и т. д.

ляется в этом исследовании, где проведены подсчеты всех составляющих каждый акцентный тип, не упускается ни один пример. Наряду с «физиологическими» характеристиками ударений Берлича, Шахматов сделал весьма важные выводы об особенностях его акцентуации. Прежде всего Шахматов отметил сохранение в говоре Берлича (как и у чакавцев) долгого восходящего ударения (рефлекса нового акута. — *Р. Б.*): *králj, dvób* и т. д., что предполагает и сохранение в нем краткого восходящего ударения [5, с. 353], а также показал, что под берличевым знаком ' в словах типа *srjéva, ústà, vràta, Р. мн. drúgah, ljúdih* кроется общесербское (и общеславянское) ~, т. е. циркумфлекс, а под одним знаком ^ Шахматов видит два разных ударения: *bràta, žàba* (акут) и *bògu, vòdu* (краткое нисходящее ударение). Хотя Шахматов допустил ошибки в интерпретации ударений Берлича в ряде позиций (которые позднее отмечал Ст. Ившич, хорошо знавший живые славонские говоры, послужившие для Ившича ключом к пониманию системы Берлича), но в основе трактовка Шахматова была верной. Он справедливо отводит системе Берлича самую древнюю ступеньку в хронологической иерархии исследованных старых систем, приближая ее к праптокавской «со всеми ее особенностями: повышением слога перед ударением, различием четырех видов ударения (\ / и ~ ^) и т. д.» [5, с. 353]. В этой работе Шахматов много внимания уделяет реконструкции общесербских ударений, которые он отождествляет с общеславянскими, и выяснению причин возникновения в общеславянском новых типов ударения (основную причину Шахматов видит в том, что конечные слоги, сократив долготу, потеряли «всяческую высоту» и стали постоянно низкими, что не могло не вызвать повышения предшествующих слогов [1, с. 198]). А. А. Шахматов нарисовал очень сложную картину общеславянских ударений, сформулировал два основных общеславянских закона о разных соотношениях музыкального ударения (восходящего и нисходящего) с экспираторным.

Основные выводы были подтверждены Шахматовым в позднейшем его исследовании (1898), хотя от ряда заключений Шахматов отказался, что свидетельствует прежде всего о его научной смелости и принципиальности, не боящейся признания своих ошибок⁴. Здесь же четко обрисована реконструкция праптокавской акцентной системы, которая, по мнению исследователя, почти без изменений повторяет общеславянскую. Эта система восстанавливается из четырех акцентов: ^ ' на долгих слогах и ~ \ на кратких. Справедливо отмечая, что в случаях *kràva, bràta* в праптокавском первоначально было долгое восходящее ударение (т. е. старый акут. — *Р. Б.*), сократившееся еще в праптокавском (ср. совр. штокавск. *kràva, bràta*), Шахматов, в сущности не отличает его от рефлекса нового акута в *stràža, vràta*, говоря, правда, что в этих последних случаях оно не сокращалось, так как заударный слог был долгим [4, с. 28—29].

Современники не сумели по достоинству оценить новаторские исследования А. А. Шахматова. Более того, видный хорватский исследователь М. Решетар считал материал, использованный Шахматовым, не заслуживающим доверия и потому выводы его по сербохорватской исторической акцентологии несостоятельными [14]. Шахматов удивительно толерантно реагировал на критику. Он не стремился во что бы то ни стало защищать свои выводы. Критические замечания оппонентов побуждали его лишь один раз пересмотреть высказанные предположения; ради поиска истины Шахматов не боялся отказываться от поспешных решений, стараясь усилить аргументацию там, где был убежден в своей правоте. Шахматов ответил Решетару в своей работе 1898 г. [4] и позднее в 1901 г. продолжил дискуссию с ним в обширной рецензии на труд Решетара об ударении юго-западных сербохорватских говоров [5]. Сознвая неудовлетворитель-

⁴ Л. А. Будаховский склонен объяснять «изменчивость акцентологических гипотез Шахматова» особенностями его научного подхода к материалу: Шахматов решал трудные проблемы, работал с сложным материалом, который не позволял «установить закономерностей исторического процесса, а пуждается для своего истолкования в допущениях и предположениях теоретического порядка — гипотезах, требующих творческого воображения» [13].

ность «физиологического» метода в применении к памятникам, бесконечно требовательный к себе Шахматов признавал: «...я ставлю сам себе тот упрек, что старался прочесть у старых грамматиков то, чего они, может быть, не дают для обоснования выводов, к которым я приходил теоретическим путем» (разрядка наша. — Р. Б.) [4, с. 2].

Однако остается признать, что работы А. А. Шахматова несомненно являлись вершиной исторических исследований по сербохорватской (и вообще славянской) акцентологии того времени, они определили развитие науки на многие десятилетия вперед. Старые системы Берлича, Крижанича, Рельковича, выявленные Шахматовым, составляют золотой фонд источников сербохорватской исторической акцентологии. Методики эксперции акцентологического материала из памятников письменности остаются основой для современных исследователей. Вера Шахматова в неизблемость сравнительно-исторического метода языковедения обеспечивала высокую результативность его исследований. А. А. Шахматов в 1890 г. писал: «... данные славянских языков сами по себе достаточны для восстановления общеславянских ударений... Степень вероятности восстановления системы общеславянских ударений стоит таким образом в прямой зависимости от качества и количества привлеченного из отдельных славянских наречий материала» [2, с. 1]. Набор языков, которым оперировала историческая акцентология того времени, был весьма ограничен: сербохорватский, русский, чакавский диалект, спорадически чешский и словенский. Он был значительно расширен лишь спустя 80 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов А. А. К истории сербско-хорватских ударений. — Русский филологический вестник, т. XIX, № 2. Варшава, 1888.
2. Шахматов А. А. К истории сербско-хорватских ударений. — Русский филологический вестник, т. XXI, № 2—3, 1890.
3. Шахматов А. А. Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении. — Русский филологический вестник, т. XXII, № 4, 1894; т. XXXIII, № 1—2, 1895; т. XXXIV, № 3—4, 1895.
4. Шахматов А. А. К истории ударений в славянских языках. — Изв. Отд. русского языка и словесности, т. III, кн. 1, СПб., 1898.
5. Шахматов А. А. Рецензия на кн.: M. Rešetar. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien. 1900. — Отд. русского языка и словесности, т. VI, кн. 1, 1901.
6. Daničić Gj. Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske. — Rad Jugoslavenske Akademije, knj. XX. Zagreb, 1872.
7. Новаковић Ст. Акценти штампаних српско-словенских књига црногорских и млетачких. — Гласник Српског ученог друштва, књ. 44, Београд, 1877; Новаковић Ст. Акценти Трговишког јеванђеља од 1512 г. — Гласник Српског ученог друштва, књ. 74, 1879.
8. Брандт Р. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880.
9. Masing L. Die Hauptformen des Serbisch—Chorwatischen Accents. St. - Petersburg, 1875.
10. Lehište I., Ivšić P. Accent in Serbocroatian, an Experimental Study. Ann Arbor, 1963.
11. Булатова Р. В. Работы советских исследователей по славянской исторической акцентологии на материале древних памятников письменности. — Сборник за филологију и лингвистику, т. XXII/1, Нови Сад, 1979.
12. Ivšić St. Akcenat u gramatici Matije Antuna Reškovića. — Rad Jugoslavenske Akademije, knj. 194, Zagreb, 1912; Ivšić St. Akcenat u gramatici Alojzije Brlića. — Rad Jugoslavenske Akademije, knj. 194, Zagreb, 1912.
13. Булаховский Л. А. Акцентологический закон А. А. Шахматова. — В кн.: А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. Вып. 3. М. — Л., 1947, с. 421.
14. Rešetar M. Neuere Ansichten über das Wesen und die Entwicklung der serbokroatischen Accentuation. — Archiv für slavische Philologie, Bd. XIX. Berlin, 1898.

БОРЬБА КПП ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-Х ГОДОВ)

Вторая половина 30-х годов в Европе характеризовалась возрастанием милитаризма и сил агрессии, стремившихся к новой войне за передел мира, к изменению версальской системы, к уничтожению СССР. Захват Италией Абиссинии, участие фашистских держав в гражданской войне в Испании на стороне генерала Франко, аншлюс Австрии, мюнхенское соглашение и расчленение Чехословакии — наиболее крупные события этого периода, ярко отразившие сущность и цели внешней политики фашистских держав. Пособником агрессоров были западные державы, проводившие политику «умиротворения», основным содержанием которой являлось попустительское отношение фашизму на международной арене, стремление направить военную машину гитлеровской Германии на восток, против Советского Союза, уничтожить первое в мире социалистическое государство.

Вместе с тем возрастала угроза безопасности Польши со стороны гитлеровской Германии. Нацисты не скрывали своих планов захвата польских земель. Несмотря на это, правящие круги Польши («санация») продолжали вести так называемую политику «балансирования» между Германией и СССР, которая исключала возможность сотрудничества с СССР в деле обеспечения мира и предусматривала соглашение с Германией на антисоветской платформе. Надеясь договориться с гитлеровцами, «санация» противодействовала созданию системы коллективной безопасности и обрекала страну на подчинение германскому империализму.

Внешняя политика «санации» вызывала серьезное беспокойство у широких кругов польской общественности. Демократические силы, осуждая эту политику, требовали принятия мер, обеспечивающих суверенитет и безопасность страны. Наиболее последовательно и решительно выступала в защиту национальных интересов польского народа Коммунистическая партия Польши (КПП), тесно связывая вопросы безопасности страны с демократическими преобразованиями в ней.

В соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна КПП развернула широкую деятельность по созданию в стране широкого народного фронта и организации борьбы против угрозы гитлеровской агрессии. Осенью 1935 г. она определила платформу антифашистского народного фронта. Выступая за единство рабочего класса, КПП указывала на необходимость вовлечения в борьбу против фашизма широких крестьянских масс, городской мелкой буржуазии и трудящейся интеллигенции [1, с. 531—542].

Претворяя в жизнь концепцию народного фронта, КПП добилась значительных успехов. Усилилось ее влияние в городе и деревне, особенно среди молодежи [2, к. 72]. Министр внутренних дел С. Складковский, в частности, отмечал, что «новая успешная тактика коммунистов требует большого напряжения сил со стороны органов безопасности» [3, В 23617, с. 4].

КПП резко осудила политику правительства, направленную на сближение с гитлеровской Германией, в связи с подписанной в 1934 г. польско-немецкой декларацией о ненападении. Такая политика потворствовала агрессивным планам Германии, подрывала версальскую систему — правовую основу существования независимой Польши. КПП указывала, что основным направлением внешней политики фашистской Германии была подготовка войны против Советского Союза, а также ее стремление подчинить себе малые и средние страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

Коммунисты разоблачали политику «санации», которая, вопреки очевидной опасности для Польши со стороны гитлеровской Германии, пыталась внушить народным массам, что союз с Германией обеспечит независимость Польши и что ее независимости якобы угрожает Советский Союз [3, КРР, sygn. 158/VI—21, к. 6-а, 7-а]. Она подчеркивала, что именно союз с гитлеровцами ведет к утрате независимости Польши, поскольку они, «...даже находясь в дружбе с „санацией“, не скрывают своего желания захватить Верхнюю Силезию, Поморье и Познанщину. А что произойдет, когда они уже совершенно не будут нуждаться в дружбе? Тогда они открыто скажут, ... что Польша — сезонное государство, что она должна находиться под гитлеровским сапогом и точка» [4, с. 225].

Коммунисты ясно отдавали себе отчет в опасности, которая таилась за временными миролюбивыми жестами Гитлера, имея в виду его программу захвата новых земель, тем более, что об этом открыто писали и говорили видные нацисты. Так, В. Дарре, «вождь немецких крестьян» писал: «Мы стараемся найти нужные нам территории там, где сама природа показывает нашей родине пути на Восток. Мы с беспокойством наблюдаем, что такие в свое время исключительно немецкие города как Таллин, Рига, Варшава и другие стали совершенно утраченными для нашего народа. Как бы такой же удел не постиг и другие наши города, такие как Вроцлав, Берлин, Щецин или даже Лейпциг и Дрезден. Можно ли думать, что Таллин менее немецкий город, чем Вроцлав? Кто так думает, тот сильно ошибается» [цит. по 5, с. 107].

КПП считала, что «внешняя политика Бека проводится под прямую диктовку Берлина». К такому выводу ее склоняли заявления «санационной» дипломатии и печати, утверждавшие, что возможный захват Клайпеды Гитлером не затронет интересов Польши, хотя это усилило бы ее военную и политическую зависимость от Берлина [6, с. 179]. С негодованием восприняли коммунисты отсутствие в правительственной прессе реакции на появление в «Фелькишер беобахтер» трех статей, в которых был дан развернутый план нападения на СССР и его раздела, в котором активная роль отводилась Польше [4, с. 197]. Усиление военной мощи Германии, указывали коммунисты, опасно для Польши независимо от того, направлено оно в данный момент против Франции, Австрии, Чехословакии или Советского Союза [7, с. 205].

Анализируя польско-германскую декларацию 1934 г. и практику отношений между правящими кругами Германии и Польши, коммунисты приходили к убеждению о существовании польско-германских планов нападения на СССР [3, КРР, sygn. 158/VI—21, к. 2].

IV пленум ЦК КПП, проходивший в феврале 1936 г. в Москве, определил задачи партии в деле защиты независимости Польши. Безопасность Польши могла быть обеспечена на основе глубоких демократических преобразований внутри страны и ее тесного сотрудничества с миролюбивыми и прогрессивными силами в мире [3, В 50413, с. 3—6]. В решениях пленума подчеркивалась неразрывная связь существования польской государственности с ликвидацией «санационного» режима и угнетенного положения национальных меньшинств в Польше [1, с. 549, 550].

В изданном в марте 1936 г. манифесте ЦК КПП был сделан вывод о том, что борьба за свержение «санации» — это борьба за жизненные интересы трудящихся, за независимость Польши. Защиту же независимости может обеспечить только политика сближения с СССР и совместная с ним борьба за мир [1, с. 563, 565]. Ю. Ленский писал, что сохранить независимость Польши может только народный демократический фронт, по-

беда которого сблизила бы Польшу со странами, борющимися за мир. Присоединение Польши к пакту коллективной безопасности «создало бы мощную основу для мира, которую не осмелились бы нарушить фашистские поджигатели войны» [7, с. 255]. Коммунисты подчеркивали огромные усилия СССР, направленные на сохранение мира в Европе [8, с. 141].

Нараставшая опасность новой мировой войны вызывала беспокойство у миролюбивой общественности. Развернулось международное движение в защиту миру. В связи с подготовкой международного конгресса мира в Брюсселе в 1936 г. в Польше по инициативе КПП была проведена широкая кампания. На рабочих собраниях и крестьянских сходках принимались резолюции, в которых осуждались военные приготовления Германии, внешняя политика министра иностранных дел Польши Ю. Бека, содержались требования подписания договора с Советским Союзом, Францией и Чехословакией. На конгресс было выбрано 100 делегатов, которым, однако, не были выданы заграничные паспорта, и поэтому они не смогли принять в нем участие. Тем не менее идея борьбы за мир стала более популярной среди населения страны.

В январе 1937 г. состоялся V пленум ЦК КПП, в центре внимания которого были проблемы безопасности страны и защита ее независимости. КПП требовала немедленной отставки главного проводника прогерманской политики Ю. Бека. Ее программа по укреплению независимости страны предусматривала прекращение сотрудничества с Германией, заключение пакта коллективной безопасности с Францией, Чехословакией и СССР, включение Польши в блок миролюбивых государств, сохранение за Гданьском статута «вольного города», немедленное прекращение антисоветской и античехословацкой пропаганды, скорейшее урегулирование отношений между братскими народами, сближение с Францией, где к власти пришло правительство народного фронта [9, с. 272].

Коммунисты утверждали, что попытки «санации» сблизиться с легальной оппозицией под лозунгом «защиты Польши» не решали проблемы. Гарантией независимости Польши, гарантией того, что армия не будет использована против народа, могло быть только «правительство народного доверия, демократическое правительство и демократическое руководство армией» [4, с. 375].

КПП рассматривала проблему безопасности Польши в связи с изменившейся обстановкой в Европе, возрастанием агрессии фашистских сил. Если война в Абиссинии открывает путь Германии к Клайпеде, в Австрию, усиливает перевес Германии над странами Малой Антанты, а также антисоветские военные планы, то в Польше «банда поджигателей войны вместе с немецкими гитлеровцами приветствует эту войну с восторгом... Сегодня Абиссиния, завтра Клайпеда, послезавтра захват Польшей Литвы, удар по прибалтийским государствам, новый поход на Киев и немецко-польско-венгерское нападение на Чехословакию», — так оценивали польские коммунисты возможные последствия итало-абиссинского конфликта для Центральной Европы [4, с. 211]. Поэтому необходимо было сплочение трудящихся в единый антивоенный фронт. КПП призывала протестовать против военных действий, бойкотировать поставки товаров агрессивным государствам, в частности, Италии. «Каждый факт сближения между фашистской Германией и „санацией“, — подчеркивали коммунисты, — обострение отношений с Чехословакией и Литвой, а также военные антисоветские провокации со стороны японских империалистов должны вызывать в массах организованный протест на основе единого фронта» [10, с. 241]. Путь к защите независимости обозначен на знаменах народного фронта, под которыми должны объединиться миллионы трудящихся в борьбе против «санации» [10, с. 284].

КПП заявила о своей солидарности с борьбой испанского народа против франкистов и фашистских интервентов. На V пленуме ЦК КПП говорилось о том, что помощь испанскому народу должна занять важное место в практической деятельности партии [1, с. 581]. Связь между защитой республиканской Испании от фашизма, защитой независимости Польши и борьбой за демократизацию страны ЦК КПП выразил в лозунге: «Дело

Испании — это дело Польши» [4, с. 317]. «Завтра, — указывалось в воззвании домбровцев к польскому народу, — поощренные безнаказанностью своих преступлений, фашистские банды могут поднять свою преступную руку, в соответствии с программой Гитлера, на независимость польского народа» [4, с. 265].

Коммунисты играли ведущую роль в кампании поддержки испанской республики, организовывали собрания и манифестации, сбор средств, с оружием в руках сражались на стороне Республики. Позиция КПП, занятая по испанскому вопросу, подтвердила их приверженность идеям мира и прогресса во всем мире, интернационализма, непримиримой борьбы с фашизмом.

КПП с глубоким беспокойством указывала на обострение международной обстановки в связи с аншлюсом Австрии, стремлением Гитлера разделить Чехословакию, с вопросом о так называемом «коридоре», с фашистской интервенцией в Испании и агрессией японских милитаристов.

Весной 1938 г. КПП решительно выступила против захватнических планов польского правительства относительно Литвы. Польский ультиматум, по мнению коммунистов, имел своей целью продемонстрировать «великодержавность» Польши, усилить внутренние позиции «санации», отвлечь внимание польского общества от угрозы со стороны Германии. «Каждый день пребывания у власти этой авантюристической банды предателей, — говорилось в воззвании ЦК КПП в связи с предъявлением польским правительством ультиматума Литве, — отдаст нашу страну, наши западные земли, нашу независимость под покровительство извечных врагов Польши — юнкерско-империалистической гитлеровской клики. После недавней угрозы Гитлера в связи с вопросом о Поморье (коридор) „марш на Клайпеду“ означает согласие польского правительства и польской реакции на передачу Поморья Гитлеру. В настоящее время вовлечение Польши в любую войну, пусть даже победоносную, вместе с гитлеровской Германией или без нее, против Литвы, Чехословакии, Советского Союза или другого мирного государства поставит нашу страну в полную зависимость от Гитлера, а также может послужить Гитлеру исходным пунктом для захвата „коридора“ и западных земель» [10, с. 407].

КПП призывала к проведению массовых акций протеста против угрозы вооруженного нападения на Литву [3, sign. 158/VI—23, к. 1].

В июне 1938 г. КПП опубликовала «Обращение в защиту Чехословакии», в котором указывалось, что планы «санации» совместной с гитлеровской Германией агрессии против Чехословакии являются губительными для самой Польши. Коммунисты протестовали против превращения свободолюбивых знамен Польши, знамен Костюшко и Гловацкого, героев национальных восстаний и борцов революции 1905 г. в символ порабощения других народов [3, sign. 158/VI—23, к. 2-а].

КПП связывала вопрос о независимости Польши с необходимостью свержения существующего строя. «Международное положение Польши таково, что борьба за ликвидацию санационной системы ... за демократизацию внешней политики, за правительство доверия народных масс становится проблемой жизни или смерти Польши» [4, с. 651].

КПП была единственной в стране политической силой, которая последовательно боролась за интересы людей труда, вносила в ряды польского пролетариата революционное сознание. Она в полной мере осознавала грозящую опасность, которую представлял собой немецкий фашизм для независимости Польши и стремилась сплотить все патристические и прогрессивные силы в народном антифашистском фронте для обеспечения безопасности страны.

КПП разоблачала антинациональную политику «санации», добивалась нормализации польско-советских отношений. Система коллективной безопасности, предлагаемая КПП, являлась наиболее реальной гарантией обеспечения национальной независимости польского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. KPP. Uchwały i rezolucje, t. III. Warszawa, 1956.
2. Archiwum akt nowych, sygn. 866.
3. Centralne archiwum KC PZPR.
4. КПП в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955.
5. *Dembiński H.* Wybór pism. Warszawa, 1962.
6. *Kolski W.* W służbie ludu pod sztandarem KPP. Wybór pism. Warszawa, 1955.
7. *Leński J.* O front ludowy w Polsce. 1934—1937. Publicystyka. Warszawa, 1956.
8. *Hempel J.* Listy do siostry. Lublin, 1961.
9. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
10. KPP w obronie niepodległości Polski. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1953.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА В. ВАНЧУРЫ «МАРКЕТА ЛАЗАРОВА»

Когда в 1931 г. вышел роман «Маркета Лазарова», Ф. Кс. Шальда собственной ему проницательностью назвал его значительной вехой в развитии чешской прозы, связав необыкновенное очарование и оригинальность произведения с его близостью к балладе: «Ванчура как бы сдвинул с места чешскую прозу... Он создал столь поэтический тип прозы со своими определенными закономерностями, что некоторые его книги, как, например, эта просто непозволительно прекрасная и чарующая „Маркета Лазарова“, напоминают баллады великих мастеров стиха» [1]. И позже исследователи, в частности О. И. Малевич [2], Р. Р. Кузнецова [3], Я. Неедла [4], называли произведение Ванчуры балладой, романом-балладой.

Взаимосвязь романа и баллады сложилась и развивалась исторически. Можно привести много примеров, свидетельствующих о том, что задолго до возникновения социально-психологического романа в балладе вызревали мастерство обобщенно-психологического рисунка, умение несколькими штрихами раскрыть «драму личности», принципы композиции, предельно краткого и выразительно-эмоционального изложения. Поэтому есть основание утверждать, что, наряду с другими прозаическими жанрами, баллада участвовала в генезисе романа. В романе издавна использовалось в той или иной форме достигнутое в жанре баллады, а сами баллады играли роль вставных элементов. В свою очередь развитие новеллы и романа влияло на балладу. Эта взаимосвязь весьма ощутима в эпоху романтизма, имевшего в чешской литературе длительную историю. В 30—40-е годы прошлого столетия, когда во Франции и Англии развивался масштабный роман критического реализма, в Чехии все еще преобладала поэзия и романтическая проза небольших форм. Поэтому удельный вес поэзии, в частности баллады, в чешской литературе был весьма значителен. Это сказалось в 30-е годы XX столетия, когда вследствие целого ряда причин общественного и литературного характера в чешской литературе социалистического реализма и отчасти критического реализма возникли выдающиеся произведения, позволяющие выделить балладные тенденции в прозе. Одним из первых таких произведений был роман В. Ванчуры «Маркета Лазарова»¹. В нем своеобразно пересмысляются и сочетаются принципы исторического романа и исторической баллады, приключенческого романа и широко представленной в фольклоре и литературе баллады о разбойниках, в которой особой художественной выразительности достигает тема трагедии девушки, ставшей возлюбленной разбойника.

В. Ванчура повествует о средневековых рыцарях, феодалах, не пожалевших подчиниться королевской власти и ставших разбойниками, рисует картину их быта и отношений с властями. Автор воссоздает не повседневное течение жизни, а исключительное, хотя и вытекающее логично из об-

¹ Подробнее о балладной прозе см. [5].

щественных условий жизни людей данной эпохи, явление, нарушающее установленный порядок, нормы поведения, законы. Этот выбор характерен для баллады, типичность которой «не в типичности ситуации, характера, поступка, а в типичности отношения народного коллектива к поступку и событию. Баллада — акт суда, предостережение от того, чего не должно существовать» [6]. Ванчура, обращаясь к легенде и давнему прошлому, выступает в своем произведении против зла современности, прежде всего против войн, попрания прав человека, извращения человеческой природы. Его интересуют те аспекты далекой истории, которыми она соприкасается с сегодняшним днем, обуславливая и объясняя его по схожести или по контрасту. Время баллады, в отличие от эпоса, не прошедшее, а настоящее, оно же занимает центральное место в «Маркете Лазаровой».

Ванчура обращается к историческому прошлому не ради его простого воссоздания или конфронтации эпох в историческом плане, а в поисках эпического сюжета и поэтического материала, дающего возможность поставить проблему о важном, существенном в жизни человека и человечества, создать поэтическое повествование о «героизме, вере, страсти, преступлении и смерти» [7, с. 12]. Отстаивая свое право на такого рода произведение, Ванчура сказал, обращаясь к молодежной аудитории: «Вы отказываете мне в праве на балладу, это все равно, как если бы я отказывал вам, молодым, в праве на любовь» [7, с. 16].

Писатель постоянно ведет полемику с общепринятым в литературе своего времени, в частности, со сложившимся типом исторического романа, разбивает штампы, ломает каноны. Историзм его произведения очень глубок: он не сводится к отображению исторических событий, но служит созданию характеров, порожденных сложной эпохой перехода от Средневековья к Возрождению. Изображению присуще свойственное литературе XX в. проникновение в диалектику души, понимание ее полифоничности, контрастности и множественности заложенных в каждом моменте человеческой жизни решений и действий, понимание связи времен. Эта связь прошлого с современностью в произведении Ванчуры динамична и диалектична, отмечена постоянной борьбой противоположностей. В прошлом и настоящем писатель старается разглядеть будущее, определить преходящее, временное и вечное, устойчивое в человеке и в жизни. Он воспринимает жизнь как непрерывный процесс, который не может быть остановлен временным злом. Это особенно ярко проявляется в финале произведения: завершается фабула, но жизнь, из которой она взята, продолжается, композиционная законченность не означает полной завершенности всех характеров, ситуаций; все устремлено в будущее, и это движение не может остановиться даже смертью. Рассказав о казни разбойников, Ванчура говорит о смерти: «Драгоценные господа мои, посмотрите-ка все же, как сама эта кумушка убога, как измощена! Я вижу на ее лапе нарыв, который буйно рвется к жизни! Неужто так-таки никто перед ней и не устоит? Слышали ли вы, чтобы она одолела любящих? Никогда! ...

Милостивые государи, история Маркеты Лазаровой еще не кончается! Не умрет она, а произведет на свет сына, которого нарекут Вацлавом. У этого Вацлава будет шестеро сыновей. Дети Буриана, дети Яна, дети остальных братьев и стаи байстрюков будут также благословлены детками...» [8, с. 225—226]. Здесь тоже сказываются традиции балладной поэтики. Исследуя в историческом аспекте русскую народную балладу, Д. М. Балашов замечает, что, наряду с изображением гибели, жизненного поражения героя, зачастую слабого физически и бесправного социально, в балладе осуществляется важное эстетическое открытие принципа духовной победы — победы в поражении. Согласно балладной поэтике, даже смерть героя может эстетически звучать как конечное обличение и ниспровержение сил зла и утверждение неизбежности победы добра и справедливости [9]. Эти заложенные в балладе возможности расширения сферы героического соответствовали устремлениям передовой литературы 30-х годов.

Достигнутое в балладной поэтике сказывается и в композиции романа Ванчуры, построенной, как и баллада, на узловых моментах, на точках

самого высокого драматического напряжения: одна сцена сменяется другой без переходов, объяснений, описаний, чем достигается максимальное насыщение действием и большая эмоциональность. Все направлено не на простое воссоздание картины, а на активизацию жизненного и литературного опыта читателя, его фантазии, способности «додумывать» ситуацию, переживания героя, мотивы его поступков. Каждый штрих должен вызывать соответствующие ассоциации, чувства, мысли, ощущения, требовать соавторства читателя («Баллада, — писал В. М. Жирмунский, — любит слова характерные, индивидуальные, точные, конкретные» [10, с. 95]). Внешне несложная композиция, сохраняющая хронологическую последовательность и умеренно использующая ретроспекцию, помогает донести до читателя не только текст, подтекст, но и создать в его воображении богатый свертхтекст.

Баллада развивалась, сочетая элементы эпоса, лирики, драмы, что характерно и для «Маркеты Лазаровой» — одного из наиболее «драматизированных» романов. Ванчура вводит образ рассказчика и комментатора событий далекой старины, которые как бы разыгрываются перед его глазами, проходят на невидимой кинолентке (приемы киноискусства — наплыв, крупный и мелкий план, монтаж, широко используются Ванчурой, увлеченным в то время созданием кинофильмов).

Он начинает повествование с обращения к читателю как к слушателю и зрителю, прося внимания к этой «старинной были» и приглашая подумать над ней, не судить опрометчиво. Эта повествовательная манера позволяет писателю как бы обнажить перед читателем сам процесс творчества, синтеза точек зрения автора и героя и сохранить за собой право на прямые авторские суждения. Так, В. Ванчура резко осуждает войну, вводя риторические восклицания, например, в обращении к солдатам: «Ну, а что слава? Вот жизнь, или лучше дело жизни, достойно прославления, а смерть — гнусна. Дурной хозяин корчует лес на взгорьях, дурной властелин ведет войны, а дурной поэт сочиняет стихи о гибели. Мир! Мир! Мир!..» [11, с. 72; 8, с. 170].

Внутренняя полемичность всего речевого строя романа исходит прежде всего от образа повествователя, чья речь, как и время, которому он принадлежит, не едины. То он современник автора и отчасти сам автор, раскрывающий в произведении свои эстетические позиции, в частности, отношение к современной литературе: «Как вы недовольны историей, приключившейся в старину? ... Неужто повесть наша в сравнении с роскошной сложностью современной литературы не подобна сокрушительному молоту» [11, с. 65; 8, с. 164]. То он — человек изображенной в романе переходной эпохи от Средневековья к Возрождению, когда привычные и общепринятые религиозные представления уже подвергались сомнению с точки зрения новых гуманистических идеалов. Отсюда противоречивость и изменчивость оценок, например, любви Миколаша и Маркеты, отсюда сочетание патетической речи с «раблезианским» сочным языком с его вольным смелым словом. Рассказчик то скован средневековым страхом греховности, то освобождается от него и смело заявляет: вот человек, таков, каков есть, с пороками, недостатками, не идеальный герой, но прекрасный в свободном проявлении своих чувств. «Право, не знаю, придется ли это по душе скептикам, угрожу ли я мудрецам, греющимсь у печки, но я держу сторону Миколаша, держусь этого свирепого малого, мне нравится ощущать великолепное кипение жизни под его шкурой. Стократно жаль мне всех неудачников, но в этом повествовании полюбился мне Миколаш, хотя он и изверг» [8, с. 175].

Ванчура нередко прибегает к открытой театрализации, сближающейся с драматургией Брехта. Тем самым достигается эффект отчуждения — новый, нестандартный, непривычный взгляд на вещи. Автор не выступает всезнающим и всемогущим, как это характерно для традиционного исторического романа. Отталкиваясь от традиций исторического романа в сочетании с приключенческим, автор не стремится к созданию иллюзии жизненной и исторической достоверности, позволяющей забыть, что перед нами не сама жизнь, а художественное произведение.

Автор, повествователь и комментатор изображаемого, постоянно присутствует, происходящее дается через его восприятие, однако оно лишь ориентирует читателя, не обуславливая его выводов. Обращения к читателю — «вы видите», «вы слышите», «вы припоминаете» — очень часты у Ванчуры: «Вы видите, она выступает вперед, дрожа от страха» [11, с. 35; 8, с. 137]; «помните господа, что некогда Маркета хотела стать невестой христовой, так смилуйтесь же над ней те, у кого найдется хоть капля сострадания» [11, с. 38; 8, с. 139]; «послушайте теперь краткий рассказ о ее праве и рассудите дело по-своему» [11, с. 53; 8, с. 152]. Ванчура, подобно Брехту, стремится разоблачить внешние покровы, сорвать все маски, обнажить суть, побудить читателя оценить действия героев, осмыслить их: «Маркета... Плачет? Плачет!». И тут же: «К черту! Разведем раз и навсегда сомнения в ее невинности» [11, с. 55; 8, с. 155].

У повествователя нет заранее сложившегося мнения, оно появляется как-бы в самом процессе повествования на основании оценки каждой отдельной ситуации и поведения в ней героев, которые как будто вырываются из-под власти автора, действуют согласно логике своего характера и общественных отношений. Кажется, что повествователь не знает, что произойдет в следующий момент и как он сам к этому отнесется, какие представления Средневековья, Возрождения или XX века возьмут верх в его отношении к герою. Отсюда резкие повороты в оценке. Только что он осудил Маркету: «Плачьте, Маркета, вы вели себя как последняя шлюха, и отец ваш лицемерел это». И непосредственно вслед за этим: «Шлюха! Проклятое клеймо, которого не избыть веки. Но есть ли на свете лепка прекраснее, чем лепка человеческого тела?... Маркета, вы вели себя так, как вела бы себя на вашем месте любая девушка» [8, с. 163].

В «Маркете Лазаровой» постоянно ведется скрытый и явный спор на разных временных и философских уровнях: Средневековья и Возрождения, канонов, сложившихся в романах современности, установившегося отношения между автором и читателем. То доброжелательные, сочувственные, то насмешливые, иронические, псевдоуважительные обращения к читателю создают его образ, образ человека XX в. с ослабленной скептицизмом эмоциональной реакцией, которому не легко воспринимать повествование, столь отличное от его повседневности, ощутить его связь с актуальными вопросами сегодняшнего дня и освободиться от усталости и пресыщения.

В ходе изложения повествователь обращается не только к читателю, но и к героям, подбадривает их, обвиняет, взывает к их совести, к чувству человеческого достоинства. В конце произведения, возмущаясь родственниками Маркеты, которые осуждают жену разбойника, сами будучи ворами и грабителями, он обращается к своей героине: «Выше голову, выше!..» [11, с. 112]. Наемным солдатам писатель говорит, что они ничем не лучше разбойников — те по крайней мере не прикидываются честными людьми, и их ждет плаха. Если разбойники — звери, говорит Ванчура, вовсе не идеализирующий своих героев, то наемные солдаты — подручные палача: «Так что не притворяйтесь этакой добродетелью, все вы одним миром мазаны!» [11, с. 72; 8, с. 170]. Писатель заявляет, что если крестьяне возьмут оружие, то сразу поубавится снеси и у солдат, и у разбойников [11, с. 72]. Автор не прячется за своих героев, устанавливая определенную дистанцию между собой и ними, нужную для объективной оценки. Его роман очень «личный», в противоположность роману флюберовского типа.

В основе композиции «Маркеты Лазаровой» — монтаж. С эпическим размахом изображенные сцены боев и столкновений сменяются сценками частной жизни с временными сокращениями между сценами, как в антрактах пьес, что весьма характерно для балладной прозы.

Оригинально соединены в этом произведении эпические, драматические и лирические элементы. Автор-повествователь останавливает действие «стоп-кадром», чтобы поразмыслить о жизни: «Ах, лучше бы Кристиану влюбиться в Маркету» [11, с. 7]; «А теперь мне хотелось бы оправдать в ваших глазах Миколаша. И я не нахожу других причин, кроме его дикарства... Было бы безумием ожидать, что разбойник единым махом прев-

ратится в ягненочка» [11, с. 48; 8, с. 148]. Эти рассуждения по ходу действия и как бы в процессе самого творчества сменяются постановкой общих социальных, нравственных и эстетических вопросов, побуждая читателя участвовать в их решении. Автор часто выводит читателя за рамки повествования и его хронотопа, и тогда слог повествования приближается к сказу, к притче: «Слыхивал я, будто водятся в океане такие твари, что окрашивают вокруг себя воду, и она попеременно становится то голубой, то розовой, то шоколадного цвета. Окрашивать море! Окрашивать время! А что? Разве не окрашивает дух человеческие поступки? Да есть ли где чистая истина?» [8, с. 174].

Некоторые исследователи баллады, в том числе Д. М. Балашов, отказывают ей в психологизме на том основании, что в ней выступает обобщенный образ человека определенной среды и нет мотивировки его действий. Верно ли это? Баллада вызывает представление о переживаниях, трагедии человека, но не содержит описания самих чувств. В. М. Жирмунский отмечает, что в балладе «передаются не рассуждения по поводу событий, а самые события и страсти в непосредственной, красочной и художественной форме. В событиях проявляется индивидуальность действующих лиц, первобытная, несдержанная в любви и ненависти, творчески импульсивная и непосредственная» [10, с. 93]. В том, что мотивация поступков героя не дается готовой, а читатель вынужден ее искать сам, что не допускает автоматизм восприятия и за уровнем высказанного в тексте есть еще более глубинный уровень, состоит своеобразие психологизма баллады. Роман, естественно, обладает гораздо большими возможностями раскрыть переживания и характеры персонажей, чем баллада. Однако, определенный тип «балладного» психологизма сохраняется в «Маркете Лазаровой», сочетаясь с чисто романскими возможностями. Для автора-повествователя многое в поведении его героев остается таинственным и даже страшным, он не обнаруживает всей полноты своего знания, сохраняя элемент недосказанности, благодаря чему обогащается подтекст и сверттекст.

Изображая семью разбойника Козлика, Ванчура создает как полную противоположность присущим модернизму типам изнеженных эстетов и пессимистов тип людей мужественных, смелых, волевых, с полнокровными, сильными чувствами, свободно и естественно выражаемыми. Автор постоянно и прямо противопоставляет их литературным героям своего времени: «В нынешние времена любовь и страсти убоги. Из нашей гортани вырываются лишь стоны, мы скулим и воем, терзаемые похотью, вгрызаемся в нее зубами, а что от этой вспышки останется назавтра?... А Маркета? Страх ее — это самая сердцевина ядра. Это душа любви!» [8, с. 155]. Любовь героев Ванчуры, как и героев баллады, «стихийна, она приносит бесконечную радость и величайшее горе, она не считается с препятствиями» [10, с. 93], и, как в балладах, рассказ о любви нередко переходит в повествование о смерти.

Автор дает яркое представление о борьбе чувств в душе героев, но не через подробное описание душевных переживаний, а через какую-то иногда даже незначительную деталь их внешнего проявления, что активизирует «домысливание» читателя. Повествователь в романе Ванчуры как бы внимательно всматривается в лица, чтобы по их выражению прочесть чувства, которые обуревают героев, но не раскрывает эти чувства изнутри, внутренний монолог практически отсутствует. Вот, например, как говорится о Козлике, который минуту назад в гневе готов был убить Лазара и смягчается, когда Маркета повисла на его руке: «...я различаю на его суровом лице крохотный знак любви, еле приметный знак — веснушку, солнечную отметину, веерок морщин, что прочерчены улыбкой, которая трогала его губы, когда он глядел на птичье гнездышко или на щенка, копошащегося подле суки» [8, с. 162]. Подобные фрагменты показывают «человека во всей сложности его внешних проявлений и внутренних потенций», доказывают, что он «не ограничен и не исчерпан возможностями, представляемыми ему окружающей действительностью, его подлинная сущность скрыта и искажена существующими условиями и во многом неведома ему самому» [12].

Неожиданный поступок, жест, тень или ответ на лице героя открывают вдруг глубины в однозначном и даже, казалось бы, простом характере. Вот Миколаш, спасаясь бегством с поля боя, когда ему дорога каждая секунда, останавливает коня, чтобы подобрать ребенка, или разрешает сесть на повозку пленному, смертельно уставшему Кристиану. Дикость права и чуткость уживаются в характере разбойника. При помощи отдельной детали автор часто раскрывает душевное состояние героя, которое сам он не всегда осознает и выражает словами. Это что-то неуловимое, едва мелькнувшее, зыбкое, но тем не менее весьма существенное в человеке, нередко более важное, чем то, что находит выражение в высказываниях героя или в его мыслях. Углубляет образы и авторское слово «за персонажа», к которому Ванчура прибегает как для характеристики отдельных героев, так и целых групп — разбойников, королевских солдат.

Иногда переживания героя даются в обобщенно символическом плане, сменяющем реальное описание: вот Маркета идет по тропинкам своего детства — «холмистый край, знакомый до боли... Смотрите — дорога несбывшихся грез, тропа позора, пристанище скачущего дерева» [8, с. 208]. В типизации образов наблюдается то, что М. М. Бахтин назвал реалистической эмблематикой: «Весь состав образа остается реальным, но в нем сконцентрированы и сгущены настолько существенные и большие моменты жизни, что значение его далеко перерастает все пространственные, временные, социально-исторические ограничения, перерастает, однако, не отрываясь от этой конкретной социально-исторической почвы» [13]. Отсюда и близость отдельных мест романа к притче и связь с народным мировосприятием. Вот, например, бред тяжело раненного Козлика: разбойнику кажется, что он находится в своем поместье Рогачек в то давно уже прошедшее время, когда «нет здесь ни малейших примет грядущих ужасов, а инструменты мирного труда валяются на подворье» [8, с. 183], над которым пролетает аист. Оказывается, что самое существенное, самое важное и дорогое для этого жестокого душегуба — не разбой, а мирная семейная жизнь и мирный труд, т. е. то, что испокон веков превыше всего ценится в народе. О. М. Малевич верно отметил, что Ванчура, «подобно Гашеку, опираясь на фольклорную и ренессансную традицию, придал чешскому роману размах и масштабность, вернул ему здоровое народное мироощущение и, подобно Чапеку, он соединил в романе национальную основу и универсальную философскую глубину» [9, с. 20].

Большое значение в организации всех компонентов романа-баллады приобретает обращение к поэтическому слову, ритм, лейтмотив. Язык Ванчуры с полным основанием можно назвать поэтическим в духе фольклорных традиций, согласно которым «язык не есть только материал поэзии, как мрамор — валяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова. Поэтому народная поэзия при меньшей степени этого забвения восстанавливает чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону слов...» [14].

Стилевое своеобразие² достигается Ванчурой соединением, чередованием и противопоставлением разных стиливых потоков, слов и образов, взятых из несовместимых или далеких друг от друга сфер. Он часто сознательно не соединяет разные элементы в целое, усиливая сатирический оттенок. О королевских солдатах он говорит, например: «Жаль этого войска, этих добрых парней, которые так любят праздники убоя свиньи!» [8, с. 159]. Автор стремится поразить читателя и вызвать у него ощущение сложности, противоречивости, дисгармонии общественных отношений и неоднозначности человеческих характеров. Ванчура сам объясняет свое пристрастие к смелым сопоставлениям, контрастности и соединению противоположностей: «Все на свете подвластно переменам, и многие цвета слагаются из весьма несхожих красок» [8, с. 165]. Цвета кладутся по принципу мозаики, без тональных переходов, что также свойственно балладной

² Существовало мнение, что Ванчуру можно воспринимать только в оригинале, так как из-за метафоричности, богатства речевых форм перевод его произведений на другие языки очень труден. Тем приятнее отметить творческую удачу В. Мартемьяновой в переводе «Маркеты Лазаровой» на русский язык (см. [8]).

поэтике. Интересно, что даже частое введение вульгаризмов и «особое пристрастие к ругательствам», которое отметил Я. Мукаржовский [15] не разрушает общего поэтического строя речи. К накоплению большей частью весьма своеобразных ругательств по принципу «повторения с нарастанием» Ванчура прибегает чаще всего тогда, когда авторская речь сливается с речью коллективного персонажа, выражая народный взгляд на вещи. Например, ругательства в адрес королевских солдат: «Вы, поденщики меча, вы, пожиратели свиней, вы, крысы кладовых... Вы, торговцы смертью, вы, мародеры-головорезы, чей произвол возведен в ранг права!» [8, с. 168].

Ванчура придает большое значение звуковой организации речи, в частности эвфонии. Он достигает большого мастерства в гармонии звуков, их группировании в рамках одного речевого потока, чередовании интонационных пластов и размещении интонационных акцентов, в употреблении повторов с нарастанием, усиливающих мелодию любви, человечности. Вот разгневанный Миколаш готов задушить Маркету, но... «вдыхает аромат ее волос, касается ее рук, окровавленных рук, мягких, бессильных рук, рученок, ручек, исклестающих ветвями лесной чащи» [8, с. 191]. Эта мелодия порой совсем тихая, ее эвфонию заглушает какофония драк, сражений, жестокости, грубости разбойников и преследующих их королевских солдат — смесь громких и страшных звуков: звон мечей, дикий крик людей, стоны и хрипы умирающих, ржание лошадей, плач стариков. Но мелодия жизни и любви постоянно разрушает, дробит и в конце концов побеждает мелодию зла.

Философские размышления по ходу повествования, вставные ретроспективные рассказы, например, о семье и детстве Маркеты, о графе Кристиане, являются своеобразными антрактами и интерлюдиями в напряженно драматической борьбе мелодий самого действия. Они обладают своим, более спокойным, размеренным, эпичным ритмом. С лиризмом связан ритмический строй, причем лиризм усиливается не только при помощи звуковых ассоциаций и представлений, но и цветowych, и даже обонятельных. Вещественные детали, нередко становящиеся лейтмотивами, характеризуют и среду, и мотивы душевного состояния героя, и само это состояние. Лексические, стилистические повторы служат не замедлению, а определенному эмоциональному нагнетанию действия или усилению психологической характеристики. Все это увеличивает образную емкость повествования, его концентрацию и динамичность.

«Маркета Лазарова» — яркий пример того, что использование в романе принципов, сложившихся на протяжении веков в балладе, вело к его обогащению, дало толчок к новым художественным открытиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Saldův zápisník, 1932—1933, t. V, s. 34.
2. Малевич О. М. Владислав Ванчура: Критико-биографический очерк. Л., 1973.
3. Кузнецова Р. Р. Чешский межвоенный роман: Эволюция жанра и стиля. М., 1980.
4. Nejedlý J. Balada a moderní epika. Praha, 1975.
5. Копытянская Н. Ф. Жанровые модификации в чешской литературе (период становления социалистического реализма). Львов, 1978.
6. Dvořák K. Včlenování folkloru do obrozenecké literatury.— Česká literatura, 1955, № 4, s. 307.
7. Малевич О. М. Предисловие к кн.: В. Ванчура. Пекарь Ян Маргоул. Маркета Лазарова. Конец старых времен. Л., 1975.
8. Ванчура В. Пекарь Ян Маргоул. Маркета Лазарова. Конец старых времен. Л., 1975.
9. Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966.
10. Жирмунский В. М. Английская народная баллада.— Северные записки, 1916, № 10.
11. Vančura V. Marketa Lazarová. Praha, 1961.
12. Кургина М. С. «Эпическая драма» и новые формы повествования в романе.— Проблемы художественной формы социалистического реализма. Т. 2. М., 1971, с. 248, 250.
13. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1978, с. 372.
14. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 198.
15. Mukařovský J. Studie z estetiky.— Praha, 1966, s. 287.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЦАЙЛЬ Л., ЦАЙЛЬ В.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Р. ТРАУТМАНА В ОБЛАСТИ СЛАВИСТИКИ

Рейнхольд Траутман — один из самых видных немецких языковедов-индоевропейцев XX в. Особенно велики его достижения в области славистики и балтистики. Будучи представителем буржуазного гуманизма в немецкой науке, он придавал большое значение сотрудничеству между немецкими и славянскими учеными и старался постоянно ему содействовать.

Траутман учился в Кенигсбергском, Фрейбургском и Берлинском университетах¹. Среди его университетских преподавателей были видные ученые: Ф. Клюге, Г. Рёте, В. Шульце, О. Шаде, В. Циземер, А. Беценбергер. В 1906 г. Траутман получил степень доктора филологии за работу «Germanische Lautgesetze in ihrem sprachlichen Verhältnis» («Германские фонетические законы в сравнительном освещении»). Впоследствии он работал в Геттингене, где в 1907 г. подготовил докторскую диссертацию.

В качестве приват-доцента Геттингенского университета Траутман предпринял накануне первой мировой войны продолжительную поездку в Россию с целью практического овладения русским языком [5]. В Москве наклонности Траутмана к славянским языкам получают особое развитие. С этого времени его научные интересы все больше обращаются к славистике, а позже, под впечатлением развития России после Великой Октябрьской социалистической революции и международного значения последней, — к русистике.

В 1911 г. Траутман был приглашен в качестве преемника Пауля Дильса на должность экстраординарного профессора сравнительного языковедения и славянской филологии в Немецкий университет в Праге, где он работал до 1921 г. (с 1920 г. в качестве ординарного профессора). Там Траутман вплотную приступил к разработке сложной проблематики славяно-германских языковых связей. Особенно углубленно он изучал старочешскую литературу. Важным результатом этих исследований была его публикация «Alttschechische Alexandreis» («Старочешская Александреида», 1916).

В 1921 г. Траутман получил только что учрежденную должность ординарного профессора славянской филологии и страноведения в Кенигсбергском университете. Там он вновь интенсивно занялся балтийскими языками. Результатом было издание в 1923 г. его «Baltisch-slavisches Wörterbuch». Из Кенигсберга в 1925 г. Траутман впервые приехал в Советский Союз, а в 1932 г. вторично побывал в Стране Советов. Затем последовали поездки в Польшу, Чехословакию и Югославию. С 1926 по 1948 г., с перерывом в 1946—1947 гг. Траутман работал в Лейпциге. В этом период он все больше внимания уделял проблемам русистики, не оставляя, однако, в стороне и другие славянские язы-

¹ Об университетских годах Р. Траутмана и его биографии в целом см.: [1, S. 1—5; 2, S. 229—230; 3, S. 171—180; 4, S. 5—11].

ки и культуры, о чем, в частности, свидетельствуют его ономастические исследования и работы по сорабистике.

В предвоенные годы Траутман вследствие своих гуманистических убеждений и демократизма оказался в противоречии с фашистским режимом, его считали политически неблагонадежным и подвергали критике за научную объективность и дружбу со славянами, которые не нравились правящим кругам [6, S. 127]. Траутман был далек от понимания идеологии рабочего класса, а в методологическом плане не выходил за рамки идеализма и позитивизма, однако антикоммунизм и антисоветизм ведущих представителей немецкого «остфоршунга» в годы Веймарской республики и фашистской диктатуры никогда не были его программой [7; 8].

Научные заслуги Траутмана получили признание в ученой среде в 1940 г., когда он был избран действительным членом Саксонской Академии наук и Княжеского Яблоновского научного общества в Лейпциге (президентом которого он позже стал), а в 1944 г. он был избран членом-корреспондентом Прусской Академии наук в Берлине. Весьма симптоматично, однако, что избрание это так и не было утверждено имперским министерством науки, воспитания и народного образования [9].

После освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма, когда на территории Советской зоны оккупации в изменившихся социальных и политических условиях возникли новые предпосылки для развития славистики, Траутман оказался среди тех честных буржуазных ученых, которые поддержали демократические преобразования. Его постоянное стремление к познанию глубинных взаимосвязей в общественной жизни логически привело его в ряды тех сил, которые осуществляли демократическую перестройку и в области науки. В своей разнообразной научной и научно-популяризаторской деятельности он прежде всего стремился сделать как можно более доступными для широких кругов русский язык и культуру. С этой деятельностью связаны его большие заслуги в обосновании и развитии идеи германо-советской дружбы. Однако из поля его зрения никогда не исчезали языки и культуры других славянских народов. Вновь открывшаяся в 1946 г. Германская Академия наук в Берлине избрала его в 1947 г. членом-корреспондентом, а в 1949 г. — академиком [10; 11]. Став академиком, Траутман возглавил основанный в 1947 г. академический Институт славяноведения, первым директором которого был М. Фасмер. До этого (с 1948 г.) он занимал только что открывшуюся кафедру славистики в Йенском университете, где поставил в центр своей преподавательской деятельности русистику. Траутман умер в Йене 4 октября 1951 г.

Борясь с недооценкой славистики в Германии [12; 13], Траутман с 20-х годов настойчиво добивался усиления внимания к славянским языкам и культурам в немецкой системе образования и в научных учреждениях. Он считал это настоятельной общественной потребностью и оставался верным своему убеждению во времена фашистской диктатуры в Германии. В этом Траутман явился продолжателем прогрессивной традиции тех немецких ученых, которые возражали против утверждения, что «подавляющее большинство представителей немецкой науки относилось отрицательно и с непониманием почти ко всем явлениям славянского мира» [14, S. 5]. Виповником этого не только постыдного, но и вредного для науки положения Траутман считал (конечно, еще не видя диалектических связей и более глубоких причин) «равнодушие германской общественности, недостаточное понимание и сознательную, питаемую из разнообразных источников враждебность кругов, призванных заботиться о научной и духовной жизни немецкого народа» [14, S. 6]. Одновременно Траутман отмежевывался от злоупотреблений и конъюнктурного использования славистики в угоду политическим и экономическим интересам правящих кругов. В 1927 г. он изложил перед общественностью свои взгляды по данному вопросу и заявил: «Тот, кто считает ненужным знание славянских языков, лишает себя возможности следить за духовной жизнью целой трети европейского культурного мира, знакомиться с ним благодаря тесному непосредственному соприкосновению с творениями его духовных вождей,

источниками и научными достижениями, в которых отражается собственная жизнь „славянского мира“» [14, S. 5].

Из критики политики Веймарской республики в области образования и науки выросла целая программа «Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik» («Сущность и задачи германской славистики»), выработанная Траутманом в 1927 г. совместно с Г. Ф. Шмидом и при участии других славистов — В. Герамба, Э. Шнеевайса и Й. Матля. Программа обратила внимание на особое значение данной науки в Германии, показала объединяющую народы миссию славистики и ее большие возможности, не упускающая из виду того, что она является составной частью мировой науки, зависит от тесного междисциплинарного сотрудничества германских ученых и ученых других стран. Под славистикой Траутман и солидарные с ним авторы понимали «распространение знаний о славянских народах, изучение славянских культур, их сущности и их исторического развития во всех их проявлениях: в языке и литературе, в искусстве и музыке, в верованиях и обычаях, в праве и экономике, в общественной и государственной жизни» [14, S. 8]. Иными словами, Траутман включал в славистику не только лингвистику и литературоведение, но и более широкий круг явлений культуры, воспринимавшейся в качестве неотъемлемой составной части общественной жизни. По убеждению сторошиков такого подхода, славистом мог быть лишь тот, «кто отказался от всех политических и националистических установок, направленных против славянства, и имеет достаточно мужества для того, чтобы ставить в научном плане и такие проблемы, которые не нравятся определенным кругам немецкого народа, имеющим особые экономические и политические претензии» [14, S. 73]. Немецкий славист, считал Траутман, должен освободиться от предвзятых мнений, от антипатий и ненависти к славянским народам и отказаться от широко распространенного представления о том, что «немецкая культура и славянское бескультурье противостоят друг другу, как солнце и тень»; «речь идет не об антагонизме между культурой и культурным вакуумом, а о взаимодействии двух родственных культур, обладающих большими внутренними потенциалами развития» [14, S. 65]. Эти слова отражают реалистичную и дальновидную идейную позицию, за которой стоит прогрессивное отношение к основным вопросам времени. Глубоким убеждением Траутмана, Шмида и других ученых, присоединившихся к программному заявлению, было то, что научное освоение истории, культуры и языков славян могло бы способствовать лучшему пониманию славянских народов и ликвидации предрассудков против славистических исследований, т. е. углублению немецко-славянских связей. Правда, их призыв понять и поддержать объединяющую народы миссию славистики остался в то время неслышанным.

Научная программа Шмида и Траутмана была опубликована в 1927 г. как ответ на всемирно-исторические изменения, произошедшие со времени Октябрьской революции в России. В действительности этого события и усилившейся под его влиянием национально-освободительной борьбы славянских народов, которая в 1918 г. привела к образованию самостоятельных буржуазных чехословацкого, польского и югославского государств, Шмид и Траутман усматривали «шаг для немецкой буржуазной науки покончить с постыдным неуважительным отношением ко всему славянскому и начать свободное от предрассудков, основанное на стремлении к взаимопониманию освоение культур славянских народов» [15].

Гуманистическая переориентация немецкой славистики, за которую выступали Шмид и Траутман, была недвусмысленно направлена против германского империализма, поддерживавшего его идеологически шовинизма и его отражений в науке, культуре и образовании, а также против исходившей от него враждебности к славянским народам, которая была частью его экспансионистских устремлений на восток и юг Европы. Из того факта, что немецкие слависты являются, «учитывая особую обстановку в Европе, чуть ли не единственными представителями ученого мира Германии, которые находятся в непосредственном и ежедневном контакте с духовной жизнью славянских народов» [14, S. 66], оба автора де-

дали вывод, что долг славистов заключается в том, чтобы способствовать прогрессу их науки и в то же время давать объективную информацию о славянских народах и тем самым «устранять ошибочные суждения, которые не только подрывают авторитет немецкого народа, но и могут мешать германо-славянским культурным отношениям» [14, S. 67]. Это была тщательно продуманная, всеобъемлющая программа развития науки в целях достижения взаимопонимания между народами, которая выходила за рамки буржуазного общественного строя.

Определенное влияние на основную направленность этого программно-го заявления Траутмана несомненно оказала его первая поездка в Советский Союз, которая возобновила его начавшиеся до первой мировой войны связи с Россией, ее людьми и культурой. Траутман присутствовал на 200-летнем юбилее Академии наук СССР в качестве члена Общества друзей новой России [16]. Несмотря на предупреждения и, вероятно, даже угрозы националистических кругов он находился в Советском Союзе с июля по сентябрь 1925 г., увидел Москву, Ленинград, Новгород, Архангельск и Мурманск [17]. Траутман относился к числу тех демократически настроенных немецких буржуазных ученых, которые приезжали в Советский Союз без каких-либо предубеждений, с готовностью увидеть там новое, изучить это новое и принять его, если оно служит человеческому прогрессу. Подобное отношение было хорошей основой для широкого развития конструктивных, взаимовыгодных германо-советских научных связей в соответствии с идеей мирного сосуществования государств с различным социальным строем, которую Траутман безоговорочно поддерживал. Он вернулся в Германию «обогащенный опытом и пониманием события огромного исторического значения», как он признавал в «Reiseerinnerung» («Воспоминаниях о поездке»). Публикацию их он считал необходимой, поскольку из-за «массированной лживой пропаганды», которую ведут против Советского государства капиталистические страны, «мы, современники, узнаем о великих, имеющих всемирно-историческое значение событиях, происходящих в России с 1917 г., в таком своеобразном освещении, что мы... вообще уже не видим огромного исторического события как таковое» [18, S. 10]. Оставаясь на буржуазных классовых позициях, Траутман попытался нарисовать в целом объективную картину преобразований, осуществленных в Советском Союзе со времени Октябрьской революции. Он высказал, в частности, свое убеждение в том, что «возврат к прошлому» невозможен, поскольку «Советское правительство прочно опирается на подавляющее большинство народа» [18, S. 10—11].

Траутман как славист всегда придавал большое значение тому, чтобы «изучать культуру славянских стран путем собственных наблюдений, упражняться в практическом применении славянских языков, использовать для научной работы возможности центров славянской духовной жизни, устанавливать и поддерживать личные контакты с учеными славянских стран, которые чрезвычайно важны для прогресса науки» [14, S. 74]. Он поступал так сам и рекомендовал это своим коллегам. «В высшей степени заслуживало бы одобрения, — писал он по этому поводу в 1927 г., — если бы в какой-нибудь славянской стране, прежде всего в Ленинграде или в Москве, был бы создан Немецкий исследовательский институт славистики, который предоставлял бы немецким славистам (преподавателям, исследователям и студентам) возможность достаточно полно ознакомиться с жизнью Советской России в процессе продолжительной и интенсивной работы» [14, S. 79]. Под этим углом зрения следует рассматривать поездки Траутмана в славянские страны, его пребывание в Чехии, а затем в Чехословацкой республике, с 1911 по 1921 г. и в 1929 г., в Польше — во время первой мировой войны и в 1927 г., в Югославии — в 1930 г., а также в России — перед первой мировой войной и в Советском Союзе — в 1925 и 1932 г., причем его второе посещение Москвы и Ленинграда было связано прежде всего с исследованием русских былин.

Широк круг научных проблем, исследованных Траутманом в его работах, причем он продолжил всемирно признанную традицию германской науки, которая дала блестящие результаты. Важным вкладом в развитие

славистики и баллистики была уже его докторская диссертация «Древне-пруссские языковые памятники», опубликованная в 1910 г. Она включала перепечатку всех сохранившихся памятников древнепрусского языка, изложение его грамматики и этимологический словарь. Шагом вперед в изучении этой темы, по сравнению с ее разработкой Эрихом Бернекером, было, в частности, подробное исследование соотношений заимствованных слов в древнепрусском языке, в том числе и славянских, затем исследование родственных отношений древнепрусского языка с литовским и латышским, а также тщательный анализ значения древнепрусских глосс в двуязычных словарях [19].

Характерно для Траутмана было то, что он всегда уделял особое внимание той части славянского мира, которая его непосредственно окружала [20]. В Праге это ярко проявилось в подчеркнутой ориентации на чешский язык. Важным результатом его исследований в области богемистики была публикация и критический анализ одного из старейших языковых памятников чешской литературы, «Старочешской Александриды», что сделало ее доступной для дальнейших исследований. По мнению компетентных чешских ученых в этой работе Траутман впервые сделал критический разбор старочешской Александриды. Подробное лингвистическое исследование отдельных отрывков, для которого ему пригодилось отличное знание чешского языка, привело его к определению возраста памятника. Эта работа Траутмана является «до сих пор непревзойденным примером критического текстового анализа, образцом для других публикаций и блестящим достижением немецкой богемистики» [3, S. 173]. Как справедливо заметил И. Зубаты в 1917 г., благодаря этому труду Траутман имел большие заслуги перед богемистикой [21]. Затем последовала работа «Einige unbekante Prager Drucke des Mikuláš Konáç aus den Jahren 1507 bis 1511» («Некоторые неизвестные пражские издания Микулаша Конача 1507—1511 гг.»), опубликованная в 1925 г. в Трудах Кенигсбергского научного общества [22].

Свое пребывание в Польше во время первой мировой войны Траутман использовал для исследований в области полонистики, которые привели, в частности, к составлению «Книги для чтения на польском языке» [23]. В Кенигсберге Траутман продолжил исследование в области баллистики, начатые в диссертационной работе «Древнепрусские языковые памятники» и тесно связанные со славистическими исследованиями. Важнейшим их результатом было издание в 1923 г. «Балто-славянского словаря», который считается «лучшей и самой оригинальной научной работой» [1, S. 2] Траутмана и вносит существенный вклад в разрешение вопроса о родственности балтийских и славянских языков. Видные ученые славянского и неславянского происхождения в Германии и других странах указывали на его большую ценность и достоверность, например, известный французский славист А. Мейе [24], польский ученый А. Брюкнер [25]. В 1925 г. Траутман опубликовал очередной важный труд — «Die altpreußischen Personennamen» («Древнепрусские имена»), в дальнейшем продолжал выступать со статьями и рецензиями по вопросам балтийской филологии. Подводя итоги работы в данной области, он с основанием констатировал, что «теперь материал, который дает нам возможность выяснить суть древнепрусского языка, может быть представлен исследователям в сравнительно полном объеме» [26].

С 1926 г. центральное место в исследованиях Траутмана заняли русский язык и русская культура. В 30-е и 40-е годы он представил целый ряд важных работ по вопросам русской литературы и культуры, которые явились результатом его волнующих поездок по Советскому Союзу, работ, которые в то же время пропагандировали в Германии культурные достижения русского народа. Позже из-под его пера вышли ценные переводы художественной и научной литературы с русского языка. В 1931 г. в Лейпциге в переводе Траутмана вышла древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» («Die altrussische Nestorchronik»), сопровождаемая подробной вводной статьей.

Обстоятельный анализ и превосходный перевод этого источника, с учетом тогдашнего уровня исследований, были по достоинству оценены научной критикой [27]. В 1948 г. в Лейпциге вышли под тем же названием избранные отрывки из этого важного исторического и языкового источника. В 1935 г. Траутман опубликовал в Гейдельберге книгу «Die Volksdichtung der Großrussen» («Народная поэзия великоруссов»), представляющую обобщенное изложение вопроса, которому раньше он уделял меньше внимания. Для этой книги он интенсивно собирал материал в 1932 г. в Москве и Ленинграде. В ней проанализированы важные научные проблемы и представлены обширные переводы песен, исследование которых уже было успешно начато в Германии Вильгельмом Вольнером [28; 29], в России продолжено А. Н. Веселовским, В. Ф. Миллером и их учениками, но впоследствии оказалось в Германии заброшенным. Мнение Траутмана о возникновении и распространении русских былин, так же как и его интерпретации этих произведений русского народного эпоса, сегодня уже не могут быть признаны удовлетворительными; но его переводы русского фольклора, а также усилия, направленные на его изучение и пропаганду в Германии, который он «как никто другой до него показал в широком контексте» [3, S. 176], являются новаторскими достижениями, находящими признание и в наши дни [30]. Особое значение работ Траутмана «Die Volksdichtung der Großrussen» и «Die altrussische Nestorchronik» заключается в том, что они «вызвали интерес широких кругов историков-неславистов к русским историческим источникам, специалистов в области классической филологии и германистов — к русскому фольклору и способу его передачи» [1, S. 3]. Многие менее крупные труды Траутмана также дали импульс развитию смежных дисциплин, например, работы «Das russische Heldenlied» («Русская героическая песня») (1926); «Die russische Ballade» («Русская баллада») (1937); «Altrussische Helden- und Spielmannslieder» («Древнерусские героические и скоморошьи песни») (1948); «Byliny» («Былины») (1948); «Das altrussische historische Lied» («Древнерусская историческая песня») (1951).

В изучении и популяризации русской художественной литературы Траутман также добился самостоятельных достижений, каковыми являются, например, свидетельствующая о тонком понимании большая монография «Zu Form und Inhalt der Novellen Turgenjews» («О форме и содержании рассказов Тургенева», 1942) и исследование «Turgenjew und Tschekow» («Тургенев и Чехов», 1948). В интерпретации Чехова, которая дана также в содержательном введении к переводам рассказов писателя, Траутман, появивший, что Чехов художественно отобразил противоречия буржуазного общественного строя, и подчеркнувший, что писатель осознал необходимость радикального изменения общественных отношений, приблизился к марксистской трактовке Чехова.

После освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма Траутман своими многочисленными научными и научно-популярными работами, начинаниями, а также переводами художественной и научной литературы с русского языка, свидетельствовавшими о его глубоком уважении к Советской стране, увеличил свои заслуги перед русистикой, принял активное участие в демократическом строительстве в восточной части Германии и позже в ГДР, и энергично выступил за укрепление германо-советской дружбы [4, S. 5—11; 6, S. 126—130]. Он сразу понял, что возникли благоприятные предпосылки для осуществления его замыслов в области русистики. Это видно и из его письма маршалу Г. К. Жукову, Главноначальствующему Советской военной администрации в Германии, от 16 августа 1945 г., в котором, в частности, говорилось: «Моя работа и в дальнейшем будет обращена на Восток. И я надеюсь, что в нынешних условиях непосредственного контакта с Советским Союзом моя работа получит новые возможности и новый смысл» [6, S. 128; 19, Bl. 89].

Из письма Траутмана от 28 июля 1946 г. можно заключить, что в научные планы ученого входило издание краткого этимологического словаря русского языка, антологии русской лирики от Жуковского до Есенина и работы об историческом развитии русской лирики [19, Bl. 76]. Эти планы

свидетельствуют о том, что после 1945 г. он хотел уделить еще большее внимание русской культуре и языку. Вступительная лекция Траутмана в Йенском университете в 1948 г. также была посвящена теме из области русистики — истории русского письменного языка.

Обзор Траутмана «Die slavischen Völker und Sprachen» («Славянские народы и языки»), опубликованный в 1947 г. в Геттингене и в 1948 г. в Лейпциге, — ценная для своего времени работа, задуманная как «введение в славистику», так же, как и другие публикации и деятельность ученого в послевоенное время показывают, что при всем значении, которое он придавал русистике, он и в последние годы своей работы не хотел оставлять без внимания культуру и языки других славянских народов.

В Лейпциге тонкое понимание Траутманом окружающего его славянского мира проявилось во включении в научно-исследовательскую и преподавательскую работу лужицкого языка, чем он продолжил плодотворную традицию совместной германо-славянской научной работы в этом университете. В многогранной славистической деятельности Траутмана и в прогрессивной поддержке им славянских народов сорабистика никогда не играла второстепенную роль, а его отношения с представителями лужицкой интеллигенции занимали особое место [31]. Траутман включил сербо-лужицкий язык не только в программу содействия славистическим исследованиям в Германии, но и в собственную преподавательскую и исследовательскую деятельность. В 1928 г. он опубликовал в Лейпциге «Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter» («Вольфенбюттельская нижнелужицкая псалтырь»), лужицкий языковой памятник, созданный неизвестным автором на исчезнувшем диалекте местности Лукау, который мог дать важные разъяснения относительно развития и судьбы нижнелужицкого языка. Публикации предшествовал глубокий анализ этого памятника, его языка и локализации этого языка, а также истории возникновения и изучения памятника. Этим изданием Траутман, продолжая плодотворную традицию немецкой славистики [32; 33], внес большой вклад в фундаментальные исследования по сорабистике, которые до 1945 г. находились на начальной стадии и затрагивали лишь ее отдельные области. Важное значение имело и то, что Траутман побудил своего ученика Курта Хенике к работе над диссертацией, посвященной Вольфенбюттельской нижнелужицкой псалтыри, и руководил этой работой [34].

После второй мировой войны, в новых социальных и политических условиях, Траутман посвятил себя сорабистическим исследованиям и созданию института сорабистики. Выполняя свои преподавательские обязанности в Йене, он в то же время сосредоточил усилия на расширении Славянского института Берлинской Академии наук, где он, уделяя внимание уже стоявшим перед институтом задачам, прежде всего стремился осуществить свои давно вынашиваемые планы содействия сорабистическим исследованиям. Он планировал разработку «Thesaurus Linguae Sorabicae», задуманного как продолжение и расширение трехтомного «Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte» («Словаря нижнелужицкого языка и его диалектов») К. А. Муки, который издавался с 1911 по 1928 г. в Петербурге и Праге при поддержке Петербургской и Пражской академий наук, затем запись на магнитофон текстов на нижнелужицком языке и издание серии «Sorbische Texte» («Лужицкие тексты») [20, P I/I, S. 1106]. Одновременно он поддержал новое издание вышедшей в 1906 г. «Grammatik der niedersorbischen Sprache» («Грамматики нижнелужицкого языка») Богумила Швелы, которое было опубликовано уже после смерти Траутмана в обработке лужицкого ученого Фридо Метшка [35]. Ухудшение здоровья и смерть Траутмана помешали осуществлению задуманных им работ. Но его планы были подхвачены серболужицкими и немецкими учеными.

Больших успехов добился Траутман и в области топонимики. Об этом свидетельствует его книга «Die wendischen Ortsnamen Ostholsteins, Lübecks, Laubenburgs und Mecklenburgs» («Вендские топонимы Восточного Гольштейна, Любека, Лауенбурга и Мекленбурга»), напечатанная в Неймюнстере в 1939 г. и ставшая там жертвой воздушной бомбардировки

«после того, как Национал-социалистическая цензура поставила под вопрос появление книги» [1, S. 4]. Второе, улучшенное издание появилось в 1950 г. в Берлине под названием «Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins» («Славянские топонимы Мекленбурга и Гольштейна»), а также его работа «Die Elb- und Ostseeslawischen Ortsnamen» («Топонимы полабских и балтийских славян») (1948—1949).

Судьба вышеупомянутого труда «Die wendischen Ortsnamen...» свидетельствует о тяжелой ситуации, в которой находились слависты гуманистического направления в годы фашистской диктатуры в Германии. Издание книги было запрещено приказом имперского министерства внутренних дел по требованию контролировавшего публикации фашистского ведомства, сама книга была внесена в список запрещенных, и весь тираж, за исключением 50 экземпляров для внутреннего пользования, подлежал уничтожению. Траутман был обвинен в том, что своим доказательством славянского происхождения различных топонимов способствовал «уменьшению числа немецких названий» и, тем самым, придал своей работе прославянскую и антинемецкую направленность [19, Bl. 54]. Попытки провести рукопись через цензуру в исправленном и измененном виде потерпели неудачу [19, Bl. 58]. В 1940 г. фашистской «издательской службе» казалось необходимым, «чтобы и славистам как представителям восточно-европейской истории, и представителям истории древнего мира, средних веков, нового времени, а также германистики, включая географию и этнографию, было разъяснено, какую опасность может повлечь за собой научное изучение славянства в Германии» [19, Bl. 56—57]. Славистам рекомендовалось, пока не изменится политическое положение, «выбирать другие темы, которые не таят в себе подобной опасности» [19, Bl. 57]. С точки зрения имперского министерства иностранных дел, только в исключительных случаях, «в ответ на выступления противников внутри страны и за границей», могло быть признано необходимым опубликовать научную работу или опровержение [19, Bl. 55].

Научный эксперт Бруно Шир, этнограф, германист и славист, профессор Лейпцигского университета, высказался против уничтожения книги, так как в противном случае ее пришлось бы вновь переработать и «при толковании топонимов в 98% случаев результат был бы тем же, что и в книге Траутмана». По его мнению, результаты исследований Траутмана имели большое значение для находившейся в расцвете топонимики и для немецкой исторической науки, все еще недостаточно осведомленной в вопросах славистики. В славистической топонимике Траутман достиг непревзойденных успехов и создал удивительную по глубине книгу, которая будет служить еще многим поколениям германистов, славистов и историков желанным путеводителем по трудным и полным опасностей дорогам топонимики [19, Bl. 59—60]. Таким образом топонимическое исследование Траутмана было по достоинству оценено компетентным специалистом.

Картина научной деятельности Траутмана и особенно ее значения для славистики будет неполной, если не упомянуть о его заслугах в связи с изданием совместно с М. Фасмером ценных «Очерков по славянской филологии и истории культуры» («Grundriß der slavischen Philologie und Kulturgeschichte») и с выпуском в сотрудничестве с В. Шульце «Журнала по сравнительному языкознанию» («Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung»), а также о его деятельности по изданию «Славяно-балтийских источников и исследований» («Slavisch-Baltische Quellen und Forschungen») и «Славистической учебной библиотеки» («Slavistische Studienbücherei»). Вместе с П. Дильсом и М. Фасмером он участвовал в подготовке раздела «Славянская филология и история культуры» («Slavische Philologie und Kulturgeschichte») в «Новых германских исследованиях» («Neue Deutsche Forschungen»), опубликованных под руководством Б. фон Арнима.

О широте интересов, исследований и знаний Траутмана в области славистики свидетельствуют, наряду с научными публикациями, и его лекции и семинары. Помимо вводной лекции о славянских народах и их языках он читал лекции по грамматике староболгарского языка, сравнительной грамматике славянских языков, о словообразовании в славянских языках,

образовании славянских топонимов и антропонимов, исторической грамматике русского и чешского языков, истории польского, лужицкого и литовского языков, проводил занятия по староболгарскому, старопольскому и древнепрусскому языкам и преподавал русский язык как в начинающих, так и в продолжающих группах. В области истории литературы он читал лекции и проводил занятия по всей русской литературе с начального периода до конца XIX в., читал курсы, посвященные русским былинам и сказкам, «Повести временных лет» Нестора и «Слову о полку Игореве», о Пушкине, Лермонтове, Грибоедове, Толстом, Шевченко и Тургеневе; преподавал чешскую литературу с зарождения до творчества Я. Коменского, читал курс о старочешской Александреиде; читал лекции о современных польских писателях, а также о сербском героическом эпосе и других произведениях сербскохорватской литературы. Этот неполный обзор его преподавательской деятельности показывает многосторонность ученого Траутмана.

Траутман был глубоко убежден, что «изучение иностранных языков и литератур должно основываться только на симпатии к народам, создавшим эти языки и литературы» [2. S. 231]. Соединение жажды познания с симпатией к изучаемым народам является важнейшей характерной чертой Траутмана, который даже в труднейших условиях выступил за гуманизацию науки в целях достижения взаимопонимания между народами. Результатом гуманистическо-демократических убеждений ученого явились ценные научные труды, внесшие существенный вклад прежде всего в славистику, а также в балтистику. После 1945 г. Траутман стал свидетелем коренных изменений, произошедших в немецкой славистике, и мог убедиться в том, что в новых социальных и политических условиях, в тогдашней Советской зоне оккупации Германии, а позже в ГДР эта наука получила признание, за которое он так упорно и безуспешно боролся в предшествующие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vasmer M.* Reinhold Trautmann.— *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1954, Bd. 22.
2. *Bielfeldt H. H.*, *Wissmann W.* Nachruf auf Reinhold Trautmann.— In: *Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1952—1953*. Berlin, 1955.
3. *Fischer R.* Reinhold Trautmann in der deutschen Slawistik.— In: *Beiträge zur Geschichte der Slawistik*. Berlin, 1964.
4. *Olesch R.*, *Schroeder H.* Schriftenverzeichnis von Reinhold Trautmann.— *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1954, Bd. 22.
5. *Zeil L.* Die Förderung slawistischer Arbeiten durch die Franz — Bopp-Stiftung.— *Zeitschrift für Slawistik* (далее — *ZfSl*), 1982, Bd. 27, S. 64.
6. *Hexelschneider E.* Vom Neubeginn der Leipziger Slawistik nach 1945.— *ZfSl*, 1977, Bd. 22.
7. *Voigt G.* Aufgaben und Funktionen der Osteuropa — Studien in der Weimarer Republik.— In: *Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft*. Bd. II. Berlin, 1965, S. 369—399.
8. *Wróblewski T. S.* Slawistyka w NRD i w NRF na tle jej historycznego rozwoju. Poznań, 1973.
9. Die Berliner Akademie der Wissenschaften in der Zeit des Imperialismus. Teil III. Berlin, 1979, S. 278.
10. Die Mitglieder der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1700—1950. Berlin, 1950, S. 49, 169.
11. *Zeil L.* Reinhold Trautmann und die Berliner Akademie der Wissenschaften.— *ZfSl*, 1983, Bd. 28, S. 854—867.
12. *Цайль В.*, *Порт Г.* Этапы развития славистики в Германии до 1945 г.— В сб.: *Методологические проблемы истории славистики*. М., 1978, с. 146—173.
13. *Цайль В.* Славяноведение в Германии (с конца XVII в. до 1945 г.).— *Советское славяноведение*, 1979, № 4, с. 67—85.
14. *Schmid H. F.*, *Trautmann R.* Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik. Eine Programmschrift. Leipzig, 1927.
15. *Schmidt H.* Mit dem Blick auf die Zukunft. Eine Stellungnahme humanistisch-bürgerlicher deutscher Slawisten unter dem Eindruck der Oktoberrevolution.— Vor 50 Jahren erschien die Programmschrift «Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik» (1927) von H. F. Schmid und R. Trautmann. Halle, 1978, S. 4.
16. *Münch H.* Die Gesellschaft der Freunde des neuen Rußland (1923 bis 1933).— In: *Deutschland — Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit*. Berlin, 1966, S. 110—116.

17. *Zeil L., Zeil W.* Bekenntnis eines deutschen Slawisten zum jungen Sowjetstaat — Erinnerungen Reinhold Trautmanns an seine Reise in die Sowjetunion 1925.— ZfSl, 1983, Bd. 28, S. 868—879.
18. *Trautmann R.* Reiseerinnerung.— Das Neue Rußland. 3 (1926), № 5/6.
19. Universitätsarchiv Leipzig (далее — UAL), PA 267, Bl. 21.
20. Zentrales Archiv der Akademie der Wissenschaften der DDR (далее — AAW). Personalakte Trautmann. № 465, Bl. 150r.
21. *Listy filologické*, 1917, Bd. 44, S. 128.
22. *Trautmann R.* Über einige unbekannte Prager Drucke des Mikuláš Konáč aus den Jahren 1507—1511. Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Klasse 1(1925), № 5, S. 143—161.
23. *Trautmann R.* Polnisches Lesbuch. Eine Auswahl polnischer Poesie und Prosa des 19. und 20. Jahrhunderts. Göttingen, 1920.
24. *Slavia*, 1924/25, Bd. III, S. 673—676.
25. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1927, Bd. 4, S. 212, 217.
26. *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Ein Beitrag zur baltischen Philologie. Göttingen, 1925.
27. *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slawen*, 1931, Bd. VII/3, S. 312—313.
28. *Zeil W.* Wilhelm Wollner — ein verdienstvoller Slawist.— ZfSl, 1977, Bd. 22, S. 227—231.
29. *Хексельшнейдер Э.* Немецкий славист о русском эпосе. (Диссертация Вильгельма Вольнера, 1879.) — Советская этнография, 1981, № 2.
30. *Hezelschneider E.* Reinhold Trautmann und einige Fragen des russischen Bylinenepos.— In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1958/59, Bd. № 5/6, S. 521—522.
31. *Zeil W.* Die Sorabistik im wissenschaftlichen Wirken Reinhold Trautmanns (1883—1951).— In: Lëtopis B des Instituts für sorbische Volksforschung, Bautzen, 1982, Bd. 29/2, S. 200—222.
32. *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für slawische Philologie (1870—1945). Ein Beitrag zur Geschichte der Slawistik in Deutschland und der deutsch — slawischen Wissenschaftsbeziehungen.— In: Lëtopis A. Bautzen, Bd. 24/2, 1977, S. 202—225, 221—224.
33. *Zeil L., Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik in Berlin von 1925 bis 1945 und ihre Bedeutung für die Sorben.— In: Lëtopis A. Bautzen, 1978, Bd. 25/1, S. 22—42.
34. *Hoenicke C.* Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter. Kirchhain, 1930.
35. *Swéla B.* Grammatik der niedersorbischen Sprache, 2. Aufl. Bautzen, 1952.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Э. А. ЛЕЙКИН. *Дружба, сотрудничество, братство*. Минск, 1983, 170 с.

Книга Э. А. Лейкина посвящена выяснению роли Белорусской Советской Социалистической Республики в развитии и упрочении связей народов Советского Союза с народами стран социалистического содружества.

В ней рассматриваются межпартийные, государственные, внешнеэкономические, научно-технические, производственные связи республики. Большое внимание автор уделит вопросам культурного сотрудничества БССР с социалистическими странами, а также связям общественных организаций республики с подобными организациями братских стран.

Хотя работа Э. А. Лейкина не является первой среди такого рода исследований, тем не менее хочется отметить новизну постановки ряда вопросов. Правилен общий подход автора к рассмотрению внешних связей Белоруссии в общем контексте связей Советского Союза со странами социалистического содружества.

Хотелось бы подчеркнуть комплексный характер освещения всех важнейших аспектов внешних связей республики, привлечение большого нового фактического материала. А это придает исследованию особую убедительность.

В книге показаны разнообразные контакты партийных организаций и органов народной власти республики с аналогичными учреждениями и органами власти социалистических стран. Так, в 70-е годы с опытом деятельности Компартии Белоруссии в различных областях общественной жизни познакомились свыше ста партийных делегаций стран социалистического содружества. Жители республики и ее столицы проявили сердечное гостеприимство, принимая руководителей братских партий и государств — Фиделя Кастро, Тодора Живкова, Густава Гусака, Эриха Хонеккера (с. 16).

Широкое развитие получило сотрудничество на уровне областных, городских, районных, а также крупных первичных партийных организаций. Например, в начале 80-х годов все шесть обкомов Коммунистической партии Белоруссии сотрудничали с аналогичными партийными органами ГДР, Болгарии, Чехословакии и Польши. Вопросы развития интернациональных партийных связей систематически рассматриваются на бюро и в секретариатах партийных комитетов (с. 22—23). Автор освещает такие формы деловых партийных связей, как взаимное изучение опыта по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию трудящихся, обмен лекторами и пропагандистами между породненными областями, участие в научно-теоретических и научно-практических конференциях, творческое сотрудничество между редакциями областных, районных и заводских газет и т. п., что имеет особенно важное значение для ознакомления белорусской общественности с историческим прошлым, современной жизнью социалистических стран, с которыми установлены постоянные дружественные контакты.

Эффективное участие Компартии Белоруссии в развитии двусторонних межпартийных связей КПСС, констатирует автор, свидетельствует о неисчерпаемых возможностях плодотворного обмена опытом партийной работы в решении узловых проблем социалистического строительства, в деле воспитания масс на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма (с. 166).

Большое место в исследовании отводится проблеме участия БССР в экономическом и научно-техническом сотрудничестве СССР со странами социалистического содружества. Автор справедливо

Отмечает, что бурное развитие и высокая степень специализации промышленного производства, превращение Белоруссии в республику с мощной тяжелой индустрией и развитой легкой и пищевой промышленностью обусловили широкое участие БССР в международном социалистическом разделении труда, ее важную роль в производственной специализации и кооперации в рамках СЭВ.

Охарактеризовав общие экономические связи СССР с социалистическими странами, автор далее раскрывает многообразие производственных и научно-технических связей республики, убедительно подтверждая свою теоретическую посылку о том, что экономическое сотрудничество социалистических государств служит наиболее эффективным средством хозяйственной жизни и решающим образом воздействует на сближение братских народов. На социалистические страны приходится три четверти объема внешнеэкономических связей БССР, в том числе три четверти экспорта машин, оборудования, топлива, сырья. При техническом содействии БССР в последние годы за рубежом было построено и реконструировано более 50 объектов. Среди них такие крупные, как Карловский тракторный завод в Болгарии (реконструкция), ряд предприятий в Софии, Варшаве, Праге, на Кубе. БССР играет важную роль в снабжении стран СЭВ тракторами, автомобилями, электротоварами, химическими удобрениями.

Столь широкие экономические связи республики стали возможны благодаря тому, что ее промышленный потенциал является составной частью мощного единого народно-хозяйственного комплекса Советской страны. Предприятия республики тесно связаны с другими производственными объектами СССР, снабжающими ее металлом, сырьем и осуществляющими кооперированные поставки комплектующих деталей машин белорусским заводам. Следовательно, конечная продукция белорусских заводов является, как правило, материализованным результатом общественного труда всего советского народа.

В рамках общегосударственного торгового обмена республика получает новые образцы зарубежных машин и оборудования, товары народного потребления и т. д. Широкие размеры приобрело межгосударственное производственное кооперирование и международная внутриотраслевая специализация, в которой БССР участвует в области сельско-

хозяйственного машиностроения, автомобильной, электронной и электротехнической промышленности.

Интересный материал приводит автор для характеристики широко развернувшегося интернационального обмена производственным опытом.

В специальной главе анализируется сотрудничество БССР с социалистическими странами в области культуры, а также роль спорта и туризма в укреплении дружбы.

Автор исходит из основной методологической посылки о формировании общности социально-экономического строя, новой культуры, интернациональной по форме и социалистической по содержанию, на основе единого мировоззрения (с. 89). Не возражая в принципе против такого тезиса, основанного на известном ленинском положении о создании пролетариатом разных стран интернациональной культуры, полагаем целесообразным особо отметить, что процесс ее формирования разворачивается параллельно с бурным развитием и обновлением национальной культуры каждой из социалистических наций.

В книге убедительно демонстрируется популярность белорусских писателей и поэтов в странах социалистического сотрудничества и интерес белорусского читателя к творчеству мастеров художественного слова этих стран.

Широкий характер приобрели связи белорусских учреждений культуры и искусства с аналогичными учреждениями социалистических стран, повседневные творческие контакты белорусских артистов, художников, кинематографистов с коллегами из-за рубежа. Автор рассказывает о гастрольях белорусских театров в социалистических странах, показах там белорусских фильмов, выступлениях коллективов самодеятельности. Приводятся примеры о постановках пьес зарубежных авторов на сценах театров Белоруссии, гастрольях театров из социалистических стран и других творческих коллективов, кинофестивалях и т. д. Так, только за последние семь лет в Белоруссии было проведено около 40 кинофестивалей, в которых участвовали кинематографисты Болгарии, Венгрии, Кубы, ГДР, Вьетнама, Румынии, Монголии, Польши и Чехословакии (с. 109). Практикуется и создание фильмов на двусторонней основе. Не обошел автор вниманием и творческие связи художников Белоруссии и социалистических стран.

Высоко оценивается в книге деятельность профсоюзов, молодежных организаций, обществ дружбы по укреплению и расширению дружеских связей трудящихся Белоруссии и социалистических стран.

Вся эта многообразная система интернациональных связей и сотрудничества нашей страны с братскими государствами,

в которой заметную роль играет и Белорусская ССР, как констатирует автор в заключении книги, оказывает самое непосредственное позитивное влияние на процесс сближения народов стран социалистического содружества.

Недорезов А.

Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria VIII. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1984, 241 s.

Польско-восточнославянские исследования

Вышел в свет очередной — восьмой по счету — том литературных «Польско-восточнославянских исследований». Это серийное издание, первые выпуски которого с одобрением были встречены как в польской, так и в нашей печати [1, 1976, № 1; 1977, № 2, 4; 1979, № 6], обязано своим выходом инициативе и стараниям проф. Б. Бялокозовича, известного польского русиста, недавно удостоенного ордена «Знак Почета» за свои заслуги в области развития польско-советской дружбы и сотрудничества. Конечная цель подобных исследований, по мнению польского ученого, — создание обобщающего труда по истории многовекового развития литературных связей Польши с восточными славянами, чему должна предшествовать долгая, кропотливая работа по выявлению, сбору и предварительному анализу массы фактов литературного общения поляков с русскими, украинцами и белорусами. В довоенные годы постановке этой задачи препятствовали не только причины идеологического характера, но и отсутствие кадров. Ее реализация не под силу отдельным ученым, фиксирующим разрозненные факты, попадающие в их поле зрения по ходу исследований. Дабы случайные находки и открытия литературоведов не терялись в нагромождении разнородных публикаций, нужно было добиться объединения специалистов в целые коллективы, которые, сменяя друг друга, могли бы вести систематическое освещение литературных связей определенного региона на всем протяжении их долгой истории. Превосходным организатором в этом направлении и явился Б. Бялокозович, который вот уже более десяти

лет, настойчиво стремясь к достижению намеченной цели, объединяет для временной работы над очередными выпусками «Польско-восточнославянских исследований» все новых и новых специалистов и всякий раз привлекает к участию в коллективном труде молодых ученых. Так, рецензируемый том, подготовленный, как и предшествующие ему тома, сектором восточнославянских литератур Института славяноведения ПАН, создан при активном, творческом участии сотрудников Института славянской филологии Вроцлавского университета, кафедры украинской филологии Варшавского университета, Института русской филологии Высшей педагогической школы в Жешове, а также Института подготовки учителей и педагогических исследований в Кошалине.

VIII том посвящен в основном переводческой, редакторской и издательской деятельности Казимежа Анджея Яворского (1897—1973). В истории налаживания, укрепления и развития польско-славянских литературных связей, особенно связей Польши с литературами восточных славян, К. А. Яворскому — учителю из Хелма, где его именем названа ныне одна из школ, — принадлежит особая роль. Выступив глашатаем идеи славянского сближения еще в середине 20-х годов, когда ни в Польше, ни в стране Советов она не пользовалась широким признанием, Яворский, пожалуй, как никто другой из его соотечественников, содействовал ее внедрению в сознание прогрессивной польской общественности своими разносторонними усилиями — и как одаренный поэт-переводчик, и как многолетний редактор журнала «Катена»

и как литературный критик, и как издатель зарубежных славянских писателей в Польше. С первых шагов своей литературной деятельности и до последних дней жизни К. А. Яворский самоотверженно, последовательно и упорно осуществлял намеченную им программу, добиваясь сотрудничества представителей различных славянских литератур в целях взаимного ознакомления, выявления истинной, непреходящей ценности славянских культур, их национальной оригинальности и значения для развития общечеловеческого духовного начала. Яворский переводил произведения художественной прозы и поэзии, причем не только со славянских языков, а и с французского, немецкого, английского, венгерского, латышского, бенгальского и др. По данным К. Пруса, созданное Яворским-переводчиком в количественном отношении приближается к достижениям таких титанов переводческого труда, как Т. Бой-Желенский и Ю. Тувим (с. 9). Причем более всего положил он труда на ознакомление Польши с русской литературой, из которой, начиная с Ломоносова и кончая новейшими советскими поэтами, сделал свыше тысячи стихотворных переводов, составивших десять поэтических сборников. Среди этих переводов, отмеченных печатью яркой поэтической оригинальности Яворского, есть вещи, которые, как отмечают в своей статье М. Хаецкая и Д. Язукевич-Оселковская, вполне сопоставимы с шедеврами Ю. Тувима — признанного виртуоза в искусстве перевода цупкинской поэзии (с. 104). Надежным подспорьем в благородной деятельности польского поэта-переводчика, как убедительно доказывают М. Хаецкая (с. 61—69) и М. Зелиньская (с. 71—81), служили его постоянные контакты с советскими писателями, письма которых к Яворскому частично публикуются на страницах тома. В общем из материалов рецензируемого выпуска, носящих характер либо историко-литературных исследований, либо архивно-документальных и библиографических публикаций, вырисовывается обаятельный образ влюбленного в поэзию гуманиста, неутомимого труженика пера, отдавшего все силы ума и сердца делу пропаганды и распространения идей сближения, дружбы и сотрудничества славянских народов.

К лучшим статьям, помещенным в VIII томе «Польско-восточнославянских исследований», относится обстоя-

тельная, содержащая тонкие и глубокие наблюдения, по существу своему новаторская статья К. Пруса «Казимеж Анджей Яворский — переводчик русской и советской поэзии» с приложенной к ней «Библиографией переводов русской поэзии Казимежа Анджея Яворского». Наше представление о переводческом искусстве польского поэта, которое со знанием дела в важнейших чертах раскрыто в статье К. Пруса, существенно дополняет очерк Я. Грицковяна — «Казимеж Анджей Яворский как переводчик украинской поэзии». Две статьи — «Письма Александра Гатова к Казимежу Анджею Яворскому» М. Хаецкой и «Переписка Григория Петникова с Казимежем Анджеем Яворским» М. Зелиньской — проливают свет на дружеские отношения польского переводчика с русскими литераторами. Важнейшим достоинством содержательной статьи М. Хаецкой и Д. Язукевич-Оселковской «Культура и литература восточных славян на страницах „Камепу“ под редакцией Казимежа Анджея Яворского (1933—1962)», проблемно насыщенной, выдержанной в лаконичном стиле документальных обоснований мысли, является относительно полная, разносторонняя характеристика деятельности К. А. Яворского и тех трудностей, какие приходилось преодолевать ему в многолетней борьбе за претворение в жизнь своих убеждений. М. Хаецкой и Д. Язукевич-Оселковской составлен и библиографический указатель, опубликованный здесь отдельной статьей под названием «*Rossica, ukrainica et białorusienica* в журнале „Камепу“ (1933—1962)».

Остальные материалы VIII тома «Польско-восточнославянских исследований» в соответствии с установкой на комплексное освещение литературоведческих проблем и их интеграцию с исследованиями родственных научных дисциплин, расширяют тематические рамки сборника. Так, небольшая статья Ф. Селицкого «Белорусские и польские загадки бывшего вилейского повята», построенная на основе авторских воспоминаний, может представлять особый интерес для фольклористов и этнографов. На материале, частично извлеченном из личного архива и ценном прежде всего для историков, построена статья А. Середницкого «Польско-украинские культурные связи в изданиях Украинского общественно-культурного общества в Польше».

Этот том, как и прежние выпуски, снабжен именным указателем, краткими сведениями о некоторых авторах данного издания и списком иллюстраций (факсимиле многочисленных писем). Составляющие его статьи и публикации, восполняя пробелы в изучении польско-восточнославянских литературных отношений, тем самым укрепляют фундамент, на котором польские ученые предполагают со

временем создать обобщающий труд по истории развития связей польской литературы с родственными ей литературами восточных славян.

Горский И. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение.

Украинская библиография по балканистике (1917—1980)

Интенсивное развитие славяноведения и смежных наук требует квалифицированного учета литературы, которая появляется в разных странах, особенно в новых учебных и научных центрах. При этом важна не только простая информативность, но и отражение в той или иной мере состояния исследований в соответствующей области: наличие или отсутствие специальных работ, проведение конференций, рецензирование и реферирование, иными словами — освещение итогов и задач дальнейшей творческой работы. Именно поэтому так необходимы и полезны появившиеся недавно библиографические издания, опубликованные в СССР и за рубежом (см., например, [1; 2; 3; 4; 5]).

Среди новейших изданий этого типа особое место занимает справочник о балканских исследованиях в УССР, выпущенный издательством «Наукова думка» [6] — первый специальный труд о работах советских ученых по истории, культуре и языкам балканских народов; как известно, до сего времени вся эта разнообразная литература лишь частично находила освещение в бюллетенях ИНИОН АН СССР и сборниках «Балканские исследования» (см., например, [7]). Данный указатель является результатом международного научного сотрудничества, объединения усилий сотрудников Института истории АН УССР, Киевского университета им. Т. Г. Шевченко и Института балканистики Болгарской академии наук. Он дает нам возможность достаточно широко судить об изданных в пределах УССР трудах украинских ученых. Вместе с тем здесь дается информация о работах ученых из других республик нашей страны и зарубежных

специалистов, посвященных данной многоотраслевой проблематике. Даже такой строгий и «сухой» библиографический перечень свидетельствует об интенсивности научных связей ученых и целых учреждений в нашей стране, ученых СССР и европейских социалистических государств.

Указатель открывается предисловием, в котором кратко характеризуются балканские исследования на Украине, а также показывается состояние данного направления в СССР и других европейских странах. Вполне справедлива констатация быстрого роста кадров и литературы по этим вопросам, в частности, в УССР [6, с. 6], наглядным выражением чего и послужил рецензируемый справочник, подготовленный по плану научного сотрудничества АН УССР и БАН. Одним из инициаторов его создания был профессор Киевского университета В. А. Жебокрицкий (1906—1975). Далее идет введение, в котором составители (Д. Димчева-Вирчева, Т. А. Балабушевич и М. В. Кирсенко) поясняют избранные ими критерии отбора соответствующей литературы и ее рубрикации.

Первый раздел книги «Общие вопросы» включает специальную рубрику «Основоположки марксизма-ленинизма о балканских странах», список научно-исследовательских центров, перечень конференций и основных проблем истории балканистики, а также персоналии. Здесь же приводится литература общеполитического профиля — «Балканские страны в целом»; при этом делаются подразделения для источниковедения, историографии, проблем этногенеза, древней, средневековой, новой и новейшей истории, вопросов законодательства и

права, литературы и фольклора, языков и искусства, справочных изданий. Такая же конкретная рубрикация (порой — с более мелкими делениями) дается далее применительно к отдельным балканским странам, а именно к Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии. Завершается книга списком рецензированных изданий, указателями (именным, географическим и предметным) и списком сокращений.

Вполне понятно, что при оценке любого библиографического справочника, в том числе и данного, решающим является определение полноты и качества отбора литературы и ее рубрикация. Однако, разумеется, это зависит, в первую очередь, от избранных критериев библиографического охвата, а они вовсе не однозначны и в нашей стране и за рубежом. Укажем лишь на одну спорную проблему, т. е. как поступать с трудами зарубежных ученых, изданных в своей стране и за ее пределами; как известно, решения избираются неодинаковые, причем иногда даже в рамках одного и того же справочника (т. е. в зависимости от мнения составителя). На наш взгляд, более целесообразен метод, примененный в одном из указателей трудов Института славяноведения и балканистики АН СССР [8] — выделение работ сотрудников этого учреждения, опубликованных в других странах, — в особый раздел.

Отметим также, что в подходе составителей украинской библиографии заметна некоторая несогласованность или же непоследовательность, отразившаяся и в различающихся формулировках их подхода [6, с. 6, 7]. Речь идет об отборе лишь литературы, опубликованной в УССР (причем с оговоркой «в основном все имеющие научную ценность труды» [6, с. 6]) или же — более широко — о включении публикаций украинских балканистов в других республиках Советского Союза и за рубежом [6, с. 7]. По всей видимости, такая нечеткость критериев и привела к тому, что из указателя выпали некоторые работы по балканистике, изданные на Украине и в РСФСР (см.,

например, [9; 10]), зато приведены публикации, которые не соответствуют названным критериям (см., например, [6, № 36, 37, 256, 2636, 2672]). К сожалению, вовсе нет перечня учтенных изданий (журналов, серий, сборников) и ссылок на имеющиеся библиографические работы или важнейшие труды по славяноведению, истории Турции и византиноведению (см. [11—14]). Вряд ли можно согласиться с «выпадением» такой рубрики, как история Византии. Кстати, говоря о рубрикации, нельзя не отметить явные «смещения» имеющихся здесь подразделений: например, некоторые работы должны были бы упоминаться в следующем разделе [6, с. 77, 78]; работы о М. Дринове помещены в рубрике «Болгаро-русско-украинские революционные связи» [6, с. 84—85], хотя их следовало бы перенести в раздел «История культуры, науки...» [6, с. 109 и сл.] или на страницу 19, где представлены сведения о наиболее видных представителях науки. Вероятно, в предисловии необходимо было сказать и о В. И. Пичете [6, с. 4], об Институте балканских исследований в Салониках [6, с. 5]. Встречаются здесь и досадные ошибки и неточности. Например, на с. 173 [6] названа заметка Г. Б. Домбровского о Законнике Душана, напечатанная якобы в исторической серии Научных записок Львовского университета, но в действительности автор ее — проф. П. Б. Домбровский и напечатана она в юридической серии этого издания.

Однако все эти и некоторые другие пробелы, разумеется, не исключают общего положительного вывода, что создание такого полезного и нужного справочника является важным шагом в развитии этой необходимой отрасли научно-информативной деятельности и, вероятно, предпосылкой к дальнейшей работе в данной области, в частности, к подготовке аналогичного справочника по славяноведению, по балканистике не только за период после 1917 г., но и за XIX—XX вв. в целом.

Наумов Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская болгаристика. Указатель литературы. 1945—1980. Отв. ред. И. А. Калоева. М., 1981, ч. 1—2.
2. Съветски българистични изследвания. София, 1981.
3. *Слацева Ц.* Историческата българистика в чужбина. 1944—1980. София, 1983.
4. Историографија на Македонија. 1965—1975. Скопје, 1982.
5. *Живковић П.* Библиографија објављених извора и литературе о средњовјековној Босни. Сарајево, 1982.
6. Балканистика в Украинској ССР. Библиографический указатель. 1917—1980. Киев, 1983.
7. Основные проблемы балканистики в СССР. Балканские исследования, вып. 7. М., 1982, с. 279—285.
8. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1947—1977. Справочно-информационный обзор. М., 1977, с. 98—100.

9. *Барвинок В. У.* Роля балканських слов'ян в історії Візантії за IV хрестового походу.— В кн.: Юбілейний збірник на пошану ак. Д. І. Багалія. Київ, 1927, с. 1175—1187.
10. *Митряев А. И.* Изучение в украинской советской историографии средневековой истории зарубежных славян (1917—1967).— В сб.: Славянская историография и археография. М., 1969.
11. *Калоева И. А.* Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960). М., 1960.
12. *Можяева И. Е.* Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 гг. М., 1969.
13. *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
14. Библиография Турции. Литература на русском языке (1917—1975). М., 1982.

Х ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

30 января — 1 февраля в Харькове проходила X Всесоюзная научная конференция историков-славистов, приуроченная к 40-летию великой Победы над фашизмом и социальных революций в зарубежных славянских странах. «Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма» — так была обозначена ведущая, центральная тема этой конференции, которую организовали Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Украинской ССР, Министерство просвещения СССР, Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Харьковский государственный университет имени А. М. Горького.

Регулярно проводимые вот уже почти четверть века, с 1962 г., всесоюзные форумы историков-славистов стали заметным явлением в научной жизни страны, способствуя развитию исторической науки, совершенствованию учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях. С течением времени неуклонно возрастает их представительность, увеличивается количество докладов и научных сообщений, расширяется диапазон обсуждаемых проблем [1]. В работе десятой, юбилейной конференции приняли участие 230 историков из 43 городов 9 союзных республик: Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Молдавии, РСФСР, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Они представляли 64 высших учебных заведения страны, в том числе 25 университетов и 12 педагогических институтов, а также 13 научно-исследовательских учреждений: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт международного рабочего движения АН СССР, Институт истории СССР АН СССР, Институт истории партии при ЦК Компартии Украины — филиал ИМЭЛ при ЦК КПСС, институты истории АН Украинской, Бело-

русской и Молдавской ССР, Институт социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, Институт общественных наук АН УССР и др.

Накануне конференции были опубликованы программа предстоящих заседаний [2], а также тезисы всех докладов и научных сообщений [3].

Конференцию открыл председатель ее Оргкомитета ректор Харьковского университета проф. И. Е. Тарапов. Он подчеркнул, что в Великой Отечественной войне советский народ не только отстоял свою свободу и независимость, но и внес решающий вклад в освобождение народов Европы, с честью выполнив свой интернациональный долг. В результате победы развернувшихся в благоприятной обстановке социальных революций 40-х годов ныне все зарубежные славянские народы уверенно идут по пути социализма. Изучение истории зарубежных славян, продолжал директор, имеет в Харьковском университете давнюю традицию, восходящую к его основанию в 1805 г. Полтора столетия назад, в 1835 г., здесь была основана одна из первых в наших университетах кафедра славяноведения, где работали известные слависты И. И. Срезневский, М. С. Дринов, П. А. Лавровский, Г. А. Ильинский и др. Сформировавшаяся в прошлом веке харьковская университетская школа славистов занимает достойное место и в наши дни.

Участникам конференции поступили приветствия от Минвуза СССР и Президиума Академии наук СССР. Тепло встретили участники конференции выступление воспитанника Харьковского университета директора Института славяноведения и балканистики АН СССР академика Д. Ф. Маркова, отметившего важное значение вклада историко-славистических исследований в решение актуальных задач советской исторической науки.

На первом пленарном заседании были

зачитаны три доклада. Освещая борьбу славянских народов против фашизма, проф. В. П. Чугаев глубоко раскрыл значение совместных действий народов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии против общего врага накануне и в годы второй мировой войны. На обширном материале он показал, как в горниле суровых испытаний формировалась, крепла и закалялась братская дружба славянских народов, ковалось их боевое и революционное содружество. Проф. М. И. Семряга в докладе «Освободительная миссия Советского Союза и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945)» подчеркнул, что освобождение славянских стран от фашизма Советской Армией явилось решающим внешним фактором победы народно-демократических революций.

Проф. Г. Н. Попов посвятил свой доклад историко-славистическим исследованиям в Харьковском университете за послевоенное сорокалетие. Эти годы стали наиболее плодотворным этапом в изучении и преподавании истории зарубежных славян за все 180 лет его существования. Заметно увеличилась численность славистов, расширилась сфера их преподавательской и научной деятельности, в разработку славистических проблем включились специалисты смежных дисциплин. 15 лет назад на состоявшейся в Харькове V Всесоюзной конференции, университет был представлен 10 докладами, на нынешней — 33-мя. Плодотворно исследуют историю зарубежных славян и многие воспитанники университета, работающие в других вузах города — институтах культуры, педагогическом, медицинском, авиационном, юридическом и др. В той или иной степени изучением проблем славистики занимается сейчас свыше 60 человек — преподаватели всех 5 кафедр исторического факультета, а также кафедр общественных наук ХГУ и других вузов города.

Далее работа конференции продолжалась в семи секциях. Первая секция — «Вклад славянских народов в разгром фашизма» заслушала доклад академика АН БССР И. М. Игнатенко «Влияние второй мировой войны на рост революционного сознания народных масс стран Центральной и Юго-Восточной Европы» и 13 научных сообщений. Н. В. Волостнова, В. Н. Казак и Е. П. Пугач осветили вклад народов Чехословакии в европейское движение Сопротивления, А. П. Дикань и Л. В. Ярош — помощь СССР в создании вооруженных сил Чехословакии и Польши. В сообщениях

В. А. Горлова, Л. П. Решетникова и Е. Н. Тарасова рассмотрены некоторые вопросы национально-освободительной войны и революции в Югославии. Д. Б. Мельцер рассказал об участии зарубежных славян в партизанском движении Белоруссии, А. В. Кузьмин привел новые данные об освободительном марше советских войск по территории Болгарии, Ю. И. Макара охарактеризовал историческое значение советско-польского договора 1945 г. о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Вторая секция — «Революции 40-х годов и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» — заслушала и обсудила доклады В. В. Марьиной «Освобождение от фашизма и развитие революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», Г. П. Мурашко и А. Ф. Носковой «Закономерности переходного периода от капитализма к социализму. Опыт создания социалистического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», М. Б. Ешича и М. И. Кузьмина «Проблемы развития социалистических славянских культур периода социализма». Е. Л. Валева остановилась на некоторых вопросах развития многопартийной системы в условиях строительства основ социализма. В ряде сообщений обобщался опыт национальногосударственного строительства (И. С. Дзюбко, Д. Т. Лопасава) и формирования класса кооперированного крестьянства (С. Г. Водотыка) в ЧССР, затрагивались некоторые вопросы молодежного движения ПНР (С. М. Антоюк) и СФРЮ (Е. Ю. Гуськова), анализировались аграрные (Л. Н. Краснова) и культурные (Н. В. Мухина) преобразования в НРБ. И. С. Яжборовская привлекла внимание к обострившейся идеологической борьбе вокруг революционных событий 40-х годов в этом регионе, О. Н. Решетникова разоблачила попытки фальсификации политической истории Болгарии 1944—1948 гг. буржуазной британской и американской историографией. Секция отметила, что в будущем следует больше внимания уделить разработке проблем строительства развитого социалистического общества и усилить критику антикоммунистической историографии.

Одной из наиболее многочисленных по составу участников (42 человека) была третья секция — «Становление и развитие сотрудничества социалистических стран». Поэтому в рамках ее наряду с пленарным заседанием работали три подсекции, рассмотревшие дружественные контакты в сфере политической жизни и деятельности

общественных организаций, в области экономического и научно-технического сотрудничества, а также на поприще духовной культуры. Центральное место в работе секции заняли доклады «Формирование социалистического содружества — новой формы политического союза дружественных государств» А. Ф. Кизченко, «Общественно-политическая активность трудящихся масс как фактор развития социалистических производственных отношений» чл.-корр. АН УССР И. Н. Мельниковой, «О некоторых аспектах исследования проблемы сочетания социальных, национальных и региональных интересов в процессе сотрудничества социалистических стран» П. С. Соханя, «Культурное сотрудничество славянских народов после второй мировой войны: этапы, содержание, формы» Г. Н. Попова и С. Ю. Страшнюка. В докладах и сообщениях рассматривались методологические вопросы развития социалистических международных отношений, многостороннего и двустороннего сотрудничества братских стран в сферах политики, экономики, идеологии, культуры, а также вопросы историографии и методики научных исследований. В научных сообщениях много внимания уделялось становлению и развитию взаимосвязей рабочего класса европейских стран социализма (С. В. Виднянский, А. И. Дороченков, Л. М. Дорофеева и И. П. Жеребченко, И. М. Кулинич, Б. И. Распутник и Я. М. Сухий, Р. И. Шевченко). О научных связях народов славянских стран, их сотрудничестве в подготовке и повышении квалификации кадров говорили М. И. Клян и С. И. Митряева, В. М. Литвин. Об изучении педагогического наследия А. С. Макаренко в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии рассказали Н. Н. Окса и Л. Д. Попова.

Особое внимание эта секция уделила становлению, развитию и перспективам братского сотрудничества славянских стран с Советским Союзом в политической, экономической и духовной сферах. Результатами своих исследований различных аспектов советско-болгарских связей поделились В. П. Аниксено, В. В. Бойко, И. Б. Верещагина, С. Ю. Лукаш, И. Г. Попова, М. Г. Станчев, С. Ю. Страшнюк, А. И. Тумакон, Н. И. Турвиненко, Н. А. Царюк, А. И. Черный и др., советско-чехословацких — Р. М. Постоловский, В. Н. Романцов, В. В. Сухарев, И. М. Чаварга; советско-польских —

А. И. Елкин, В. К. Мороз, В. С. Поляк; советско-югославских — Л. Я. Гибианский, А. В. Кравченко, Э. А. Лейкин, Н. И. Матевка, Л. Ф. Юрченко. Г. В. Милюха и М. В. Соколова подвергли аргументированной критике некоторые антинаучные буржуазные и ревизионистские концепции о развитии мировой системы социализма и характере взаимоотношений между социалистическими странами.

Народно-демократические революции в славянских странах, развернувшиеся благодаря победам Советского Союза в Великой Отечественной войне, явились прежде всего закономерным результатом внутреннего политического и социально-экономического развития этих стран. Эта проблема обсуждалась в четвертой секции — «Кризис буржуазной политической системы зарубежных славянских стран в межвоенный период». Было заслушано два доклада. И. В. Мухутина проанализировала общие черты и особенности политического строя в славянских странах, обозначила определенные этапы в его развитии, рассмотрела специфический характер фашистских режимов этого региона. Г. Ф. Матвеев сосредоточил внимание на рабочем и крестьянском движении, их связи и взаимодействии. О деятельности буржуазных партий и реакционной политике правящих кругов, растущем влиянии коммунистов и других прогрессивных сил среди тружеников города и деревни говорили Т. А. Бадюкова, В. Ф. Кадацкий и Т. Ф. Маковецкая, М. М. Кожокин, О. Я. Красивский, Г. Г. Лазько, С. Ю. Пруница, Е. Ф. Фирсов, А. В. Хланга. Ряд выступлений был посвящен участию зарубежных славян в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР (А. П. Каплин, О. П. Надточий, И. С. Плахтий), международной солидарности пролетариата разных стран (А. И. Аврус, И. М. Григорьев, С. В. Кушинская, Н. С. Шаповалова), международному значению опыта революционной борьбы трудящихся (Л. Л. Дубова, Ю. А. Львуин), внешнеполитическим аспектам развития славянских стран (О. Н. Исаева, И. М. Теодорович); В. Д. Козлитин и О. Г. Чуйко рассказали о сотрудничестве прогрессивной общественности Болгарии и Югославии с трудящимися СССР в сфере духовной жизни.

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие зарубежных славянских народов до Великой Октябрь-

ской социалистической революции рассматривалось в пятой секции.

Г. Г. Литаврин в докладе «Становление и развитие феодальной государственности у южных и западных славян» подчеркнул необходимость комплексного подхода к изучению этого процесса, использования результатов исследований историков, археологов, лингвистов и этнографов, указав на то, что главную интегрирующую роль призвана играть историческая наука. В сообщениях анализировались этнополитическое развитие полабо-прибалтийских славян (В. С. Савчук), роль дунайских городов в политической и социально-экономической структуре средневековой Болгарии (Д. И. Польшвинный), достижения марксистской историографии феодальной Чехии (М. В. Тарасова, И. Р. Фишер), правовое положение крестьянства (Ю. М. Гроссман и А. М. Козий) и развитие общественной мысли в Речи Посполитой (В. М. Дмитриев). В связи с докладом И. Б. Грекова и Е. П. Наумова «Южные и западные славяне в системе международных отношений в средние века» обсуждались вопросы о международном положении польского государства в первой трети XI в. (А. Б. Головки), о польских источниках по истории Османской империи (Н. С. Рашба), о развитии культуры в славянских землях и межславянских культурных связях (Л. В. Горина, Я. Д. Исаевич, Е. С. Макова, А. В. Рандиг).

По проблеме национально-освободительного движения славянских народов в конце XVIII — середине XIX в. были прочитаны доклады: «Ранние буржуазно-национальные революции у зарубежных славянских народов» (В. Г. Карасев), «Народные массы и национальное пробуждение в славянских землях» (И. И. Лещилловская), «Формирование национальных государств в Юго-Восточной Европе в конце XVIII — 70-х годах XIX в.» (И. С. Достяц, В. И. Фрейдзон), «Проблемы формирования национальных культур зарубежных славянских народов (вторая половина XVIII — 70-е годы XIX в.)» (В. И. Злыднев). В сообщениях затрагивались различные аспекты формирования сербской и словацкой наций (Ю. В. Костяшов, Г. В. Ронина), польского восстания 1830—1831 гг. (В. В. Кутявин), болгарского национального возрождения (К. С. Лилуашвили, Н. Н. Червенков), зарождения и становления сербского буржуазного государства (В. А. Винников,

А. В. Карасев), истории Боснии и Герцеговины XIX в. (Д. Ф. Понылко), театральной культуры югославских народов (А. В. Данилова), межславянских связей (Ю. П. Аншаков, М. М. Криль, Н. А. Лучинина, В. М. Хевролина). В центре состоявшейся дискуссии находилась проблема буржуазных революций на Балканах. Были раскрыты общие и отличительные черты событий 1804—1813 гг. в Сербии, 1821—1829 гг. в Греции, 1875—1878 гг. в Боснии и Герцеговине, 1876—1878 гг. в Болгарии и высказаны различные мнения относительно обоснованности их оценки как буржуазных и национальных революций. Было обращено внимание на необходимость повышения внимания к социально-экономической истории южных и западных славян в XVIII—XIX вв.

Теме «Зарубежные славянские народы во второй половине XIX — начале XX в.» были посвящены доклады чл.-корр. АН СССР Ю. А. Писарева «Политика великих держав на Балканах в последней четверти XIX — начале XX в.» и «Национальный вопрос в условиях перехода к империализму (конец XIX — начало XX в.)» Т. М. Исламова, С. М. Фалькович и В. И. Фрейдзона. Большая часть выступавших касалась вопросов роста политической активности рабочего класса, идеологии и политики социал-демократии сербской (С. П. Мовчан, А. З. Нюркаева), болгарской (Е. Н. Андришин, В. И. Иванов), чешской (З. С. Ненашева) и польской (Г. И. Быкова, Т. И. Боровская и Б. Я. Табачников). На заседаниях рассматривались также особенности формирования национальных государств в Центральной Европе (С. М. Фалькович), историография истории БЗНС (А. В. Крапивин), развитие крестьянской прессы в Царстве Польском (Х. Х. Хайретдинов), интернациональные революционные связи (С. А. Виноградов, И. Д. Фурсенко, А. П. Чижов), некоторые проблемы внешней политики (В. В. Зайцев, М. Ю. Золотухин, А. К. Мартыненко, Е. В. Сахновский, В. П. Фисанов).

Шестая секция «Проблемы истории славистики» обсудила доклады В. А. Дьякова «Важнейшие итоги работы советских историков-славистов за послевоенное сорокалетие» и А. С. Мыльникова «О задачах разработки историографии зарубежного славяноведения». В этих тесно связанных между собой тематически докладах обобщены важнейшие достижения советской историко-славянистической нау-

ки и намечен ряд актуальных проблем, в том числе методологического характера, которые предстоит еще решить. Заслушанные на секции сообщения касались вопросов истории славистики в СССР и зарубежных славянских странах, а также анализа творческой деятельности отдельных ученых. Г. И. Чернявский остановился на развитии марксистско-ленинской историографии новейшей истории Болгарии в 1944—1956 гг., а Г. К. Кожолинко — состоянии изучения истории материальной культуры в университетах ПНР. О вкладе ученых Украины в историю славяноведения говорили В. В. Кравченко и О. Ф. Скакун, А. И. Митряев, И. Г. Протасова, несколько специальных сообщений было посвящено историко-славистическим исследованиям дооктябрьских лет в Харьковском университете (Г. В. Павленко, В. З. Фрадкин, Л. П. Юрченко и др.). Л. Е. Грачева рассказала о заслугах болгарского ученого и общественного деятеля Г. Бакалова в разработке марксистской концепции болгарской истории и истории болгаро-русских революционных связей. Исторические взгляды русских дореволюционных ученых А. Д. Черткова и П. А. Ровинского проанализированы М. М. Фроловой, В. Б. Хлебниковой, Л. А. Котлярской и М. М. Фрейденбергом. Л. И. Уткина и Б. В. Грабовецкий осветили творческую деятельность видных советских историков В. И. Пичеты и И. П. Крипякевича. Оживленную дискуссию вызвало сообщение «О ходе работы над библиографическим словарем „Славяноведение в СССР“» А. Н. Горяинова, который рассказал об итогах четырехлетней работы авторского коллектива, познакомил с критериями отбора материала для публикации. Принявший участие в работе секции В. А. Дунаевский отметил активное участие славистов в развитии историографической тематики.

Особый интерес для большинства участников конференции представляла седьмая секция «Методологические и методические проблемы преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях». Она явилась, по существу, «круглым столом», за которым состоялся оживленный обмен опытом и мнениями по широкому кругу вопросов. При обсуждении докладов В. Г. Карасева и З. С. Ненашевой об основных проблемах учебного пособия «Историография истории южных и западных славян», И. М. Гранчака — о преподавании

истории культуры, сообщений С. М. Гуделко — об отражении культуры зарубежных славян на страницах советской учебно-методической литературы, Л. А. Запкильяка — об опыте чтения спецкурса по историографии, М. М. Фрейденберга и Б. М. Руколь — о методологических и методических принципах построения, содержания и структуре готовящегося к печати первого тома трехтомной хрестоматии по истории славянских народов выступавшие подчеркивали, что назрела потребность шире и оперативнее внедрить достижения исследователей в практику преподавания, ускорить подготовку новых учебников и учебных пособий, больше издавать учебно-методической литературы для преподавателей и студентов, настойчиво внедрять проблемный метод преподавания, созывать специальные симпозиумы по истории культуры зарубежных славян, постоянно совершенствовать учебно-воспитательный процесс в высших учебных заведениях, больше оказывать помощи общеобразовательной и профессиональной школе. Все единодушно признали, что результаты работы этой секции имеют непосредственный, наибольший выход в практику преподавания, наиболее тесно связаны с проведением школьной реформы.

На втором, заключительном пленарном заседании конференция подвела итоги, заслушав отчеты руководителей секций и подсекций: Д. Б. Мельцера, В. В. Марьиной, И. Н. Мельниковой, Г. Ф. Матвеева, Л. В. Гориной, И. И. Лещиловской, Ю. А. Писарева, В. А. Дунаевского, А. И. Митряева.

Конференция отметила, что выполняя задачи, поставленные XXVI съездом партии и последующими пленумами ЦК КПСС, советские историки-слависты достигли некоторых новых успехов в разработке важнейших проблем истории славянских стран, особенно их совместной борьбы против фашизма в годы второй мировой войны, социальных революций 40-х годов и последующего развития Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, неуклонно крепнущего и углубляющегося сотрудничества братских народов с Советским Союзом, а также в совершенствовании преподавания курса истории южных и западных славян в вузах страны.

На пленарных заседаниях было заслушано 175 докладов и сообщений, в ходе развернувшихся дискуссий выступило 104 человека. Анализ обобщенных дан-

ных о пленарных и секционных заседаниях показывает, что 65 докладов и сообщений посвящены общим закономерностям исторического процесса в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы, многостороннему сотрудничеству социалистических стран, вопросам истории славистики, совершенствованию методологии исследований и методике преподавания, 40 — истории НРБ, 25 — СФРЮ, 24 — ПНР, 21 — ЧССР.

Конференция рекомендовала сосредоточить дальнейшие усилия на решении следующих наиболее актуальных проблем: всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции; общие закономерности и национальные особенности народно-демократических революций в зарубежных славянских странах; этапы построения основ социализма и перехода к строительству развитого социалистического общества в славянских странах; история мирового социалистического содружества, его борьбы за мир и социальный прогресс; история революционного рабочего и национально-освободительного движения; социально-экономическое развитие и история классовая и политическая борьба в славянских странах, закономерным итогом которой явилась победа социалистических революций; международные отношения и межславянские связи; роль и место славянских народов в миро-

вом историческом процессе; развитие культуры и общественной мысли; историография и источниковедение, критика буржуазных фальсификаций исторического процесса.

Очередную, XI Всесоюзную научную конференцию историков-славистов намечено провести в 1987 г. в Минске. Она будет посвящена 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции и ее влиянию на зарубежные славянские народы.

Участники конференции выразили сердечную благодарность Харьковскому университету за хорошую организацию работы и гостеприимство.

Цолов Г. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронков И. А., Карасев В. Г.* Историко-славистические научные конференции. — Вестник высшей школы, 1983, № 8, с. 42—44.
2. Программа X Всесоюзной научной конференции историков-славистов «Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма» (30 января — 1 февраля 1985 г. — Харьков, 1985), 39 с.
3. Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. Тезисы докладов и сообщений X Всесоюзной научной конференции историков-славистов. Харьков, 1985, 249 с.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

17—18 июня 1985 г. в Москве состоялась научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР по проблеме «40-летие Победы над гитлеровской Германией и международное значение сотрудничества СССР и ПНР в годы войны и послевоенный период». Конференцию открыл председатель Советской части Комиссии акад. Б. А. Рыбаков. Затем выступил председатель Польской части Комиссии чл.-корр. ПАН Ю. Бардах.

На конференции были заслушаны доклады советских историков: канд. ист. наук П. А. Кочегуры (Ин-т военной истории Министерства обороны СССР) «Освобождение Советской Армии и Войском Польским Польши от гитлеровской оккупации», чл.-корр. АН Лит.ССР Б. И. Вайткявичюса «Сотрудничество литов-

ских и польских партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны», канд. ист. наук А. Е. Липского (Ин-т экономики мировой социалистической системы АН СССР) «Сотрудничество СССР и ПНР в послевоенном урегулировании международных отношений в Европе», д-ра ист. наук В. П. Дмитренко (Ин-т истории СССР АН СССР) «Международное значение опыта строительства социализма в СССР», д-ра ист. наук И. С. Яжборовской (Ин-т международного рабочего движения АН СССР) «Борьба КПСС и ПОРП за единство международного коммунистического и рабочего движения», ст. н. с. Н. А. Чудаковой (ИЭМСС АН СССР) «Взаимодействие СССР и ПНР в рамках СЭВ», чл.-корр. АН БССР П. Т. Петрикова и д-ра ист. наук Л. П. Мирочицкого

«Культурные связи между БССР и ПНР». Был представлен доклад канд. ист. наук Н. И. Бухарина (ИЭМСС АН СССР) «Проблемы истории народной Польши в советской историографии». Сотрудник Управления научного сотрудничества с социалистическими странами АН СССР А. Л. Виноградов сделал сообщение о советско-польских исследованиях, удостоенных премий АН СССР и ПАН.

Польские ученые выступили с докладами: проф. М. Лечик — «Вклад Польши в победу антигитлеровской коалиции во второй мировой войне (военные действия)», проф. Т. Валихновский — «Историко-политические предпосылки возвращения Польше западных и северных земель», доц. А. Слип — «Пресса Войска Польского в год победы над гитлеровской Германией (1944—1945)», проф. М. Танты — «Значение победы над фашизмом для развития польско-советских отношений в 1945—1947 гг.», доц. Г. Курпис — «Советская помощь в восстановлении портов и морского хозяйства в Гданьском воеводстве», проф. Б. Бялкозович — «Состояние и задачи изучения польско-советских культурных отношений», д-р О. Вышомирская-Кузьминьская — «20-летие сотрудничества польских и советских историков в рамках польско-советской исторической комиссии (1965—1985)».

Подводя итоги, проф. И. И. Костюшко и проф. Ю. Бардах отметили важное значение прочитанных докладов и обмена мнениями участников конференции по интересующим их вопросам.

На заседании Комиссии историков СССР и ПНР была рассмотрена деятельность Комиссии в 1981—1985 гг. и обсуждены предложения, касающиеся дальнейшей ее работы.

Советская и Польская части Комиссии с удовлетворением констатировали, что работа Комиссии проходила в соответствии с планом и предусмотренные в нем на 1981—1985 гг. научные мероприятия были успешно осуществлены. Деятельность Комиссии способствовала развитию творческих связей между советскими и польскими историками и разработке ряда важных проблем, представляющих интерес для обеих сторон.

Советская и Польская части Комиссии признали целесообразным провести в 1986—1990 гг. конференции по следующим важным проблемам исторического и культурного развития народов СССР и ПНР: 1. Проблемы социально-экономического и культурного развития России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши во второй половине XVII — первой половине XVIII в. (1986, ПНР); 2. 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции (1987, СССР); 3. Восстановление независимости Польши и проблемы польско-советских отношений (1988, ПНР); 4. Славяне во времена Римской империи (1989, СССР); 5. Борьба народов Центральной и Восточной Европы против экспансии рыцарских орденов (проблемы историографии) (1990, ПНР).

И. К.

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ПРОЛЕТАРИАТА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

31 октября 1984 г. в Будапеште (Институт истории ВАН) состоялось второе заседание международной рабочей группы по реализации целевого проекта № 21 «Социальная структура общества и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (середина XIX в. — 1918 г.)», разработка которого началась в 1983 г. в рамках «Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран». Участников заседания приветствовал вице-президент Венгерской академии наук, директор Института истории ВАН академик Ж. П. Пах.

В заседании группы приняли участие: Н. Херриштадт (Центральный институт истории АН ГДР), Х. Цвар (Университет Карла Маркса, Лейпциг), М. Лацко, Ф. Мучи, Э. Нидерхаузер, З. Сас и П. Ханак (Институт истории ВАН), Д. Боршани, Л. Варга, Я. Кеде и Т. Эренц (Институт истории партии ЦК ВСРП), Р. Колодзейчик (Институт истории ПАН), А. Жарновская (Варшавский университет), Т. М. Исламов и А. М. Орехов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), П. Хапак (Институт истории САН и Институт чехословацкой и мировой истории ЧСАН). Были обсуждены доклады Р. Колодзейчика и Х. Цвара о мето-

Дологических и методических проблемах изучения рабочего класса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В ходе оживленной дискуссии участники заседания пришли к единодушному выводу, что изучение социальной истории пролетариата в указанном ареале представляет большую научную и политическую актуальность, что исследовать проблему необходимо в сравнительно-историческом плане, с учетом как универсальных закономерностей, так и национальных и региональных особенностей развития. Ввиду многоплановости и сложности проблемы признано целесообразным сосредоточить внимание в первую очередь на начальном этапе формирования рабочего класса (от возникновения до конца 80-х годов XIX в.). В дискуссии подчеркивалось, что исследования следует вести в стадийно-региональном разрезе, принимая во внимание асинхронность процесса генезиса пролетариата, существенные нацио-

нальные и региональные различия в уровне социально-экономического, политического и культурного развития.

Принято решение провести в конце 1985 г. в Москве (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) международный симпозиум на тему «Рабочий класс в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период его формирования. (Сравнительно-историческое изучение)». На этом форуме будут рассмотрены следующие вопросы: 1) методологические проблемы исследования пролетариата в период его формирования; 2) историография проблемы; 3) рабочий класс как социальная категория (социальное, юридическое, экономическое положение пролетариата, его духовная культура и социальная активность). По материалам симпозиума предполагается подготовить проблемно-тематический сборник.

А. О.

БРАТИСЛАВСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ И СИМПОЗИУМ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ»

11—14 февраля 1985 г. в Смоленицах под Братиславой состоялось очередное заседание Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов и приуроченный к нему симпозиум «Актуальные проблемы истории славистики».

В настоящее время основными задачами Комиссии, созданной в 1958 г. на IV Международном съезде славистов, являются: подготовка серии сборников статей «Исследования по истории мировой славистики»; осуществление принятого на заседании Комиссии в Киеве (1983) проекта создания библиографии важнейших исследований по истории славистики; всемерное содействие разработке проблем истории славяноведения на национальном уровне и стимулирование теоретической разработки вопросов, связанных с пониманием предмета славистики и развитием обобщающих, в том числе комплексных исследований по истории славяноведения.

В состав Комиссии входят 44 ученых из 16 стран. В работе Братиславского заседания и симпозиума участвовало свыше 60 ученых из 12 стран, в том числе четыре советских слависта во главе с председателем комиссии академиком Д. Ф. Марковым.

Члены Комиссии З. Вилце (СФРЮ), С. Урбанчик (ПНР) и ее вице-председатель Й. Хамм (Австрия) сделали сообщения о ходе работы над сборниками статей по истории мировой славистики, подготовка которых ведется в соответствующих странах и охватывает проблематику межвоенного двадцатилетия (национальная комиссия по истории славистики ПНР), второй половины XIX в. (национальная комиссия по истории славистики СФРЮ), а также историю славистики в неславянских странах (Австрийская Академия Наук).

Были также обсуждены и в принципе одобрены внесенные советскими учеными предложения об организации работы по созданию международной библиографии важнейших исследований по истории славистики. Комиссия поручила Советской национальной комиссии по истории славистики совместно с представителями ГДР и ЧССР провести практическую работу по подготовке и созданию библиографии, в том числе разработать инструкцию по отбору и описанию включаемых в нее материалов. В состав Комиссии был введен ряд новых членов.

Параллельно с заседаниями Комиссии проходила работа симпозиума «Актуальные проблемы истории славистики», в рам-

ках которого были обсуждены три комплекса вопросов: некоторые проблемы истории мировой славистики, итоги и современное состояние исследований по истории славистики в ЧССР, библиографический аспект истории славистики. Симпозиум открыл вице-председатель Международной комиссии по истории славистики, председатель Чехословацкой национальной комиссии по истории славистики В. Матула. Собравшихся приветствовали председатель Международной комиссии акад. Д. Ф. Марков и акад. Й. Поулик (ЧССР).

В. А. Дьяков (СССР) в докладе «О состоянии и перспективах исследований по истории славистики» дал обзор важнейших советских историко-славистических исследований в сопоставлении с трудами зарубежных ученых и высказал соображения о путях дальнейшего развития истории славяноведения. С докладами и информационными сообщениями, в различных аспектах освещающими историю и современное состояние славистики в славянских и неславянских странах, выступили Й. Хамм (о сборнике «Славистика в неславянских странах»), датчанин К. Стифф (о развитии датской славистики в 1945—1984 гг.), С. Урбанчик (характеристика польской славистики межвоенного периода), норвежский ученый Э. Эгеберг (актуальные проблемы норвежской славистики), З. Винце (результаты развития хорватской славистики за последнее десятилетие), представители ГДР В. Цайль (современное состояние и перспективы исследования истории немецкой славистики в ГДР), М. Каспер (некоторые замечания о роли этнографии в славистике), румынский славист И. Кицимия (вклад румынского ученого П. Хадшпеу в историю славистики).

В. Штястный (ЧССР) прочитал доклад «Разработка истории чехословацкой славистики после 1945 года». С сообщениями по истории и современному состоянию славистики в Чехословакии выступили ученые из Праги, Братиславы, Брно и других научных центров ЧССР. С. Вольман проанализировал результаты, достигнутые в области изучения славяно-чешских литературных и культурных связей. Методологическим аспектам исследования межславянских литературных связей было посвящено выступление Е. Пановой. Е. Рудловчикова осветила вопросы развития и перспективы словацкой литературоведческой украинистики.

Ф. Гейл и М. Элиаш остановились на развитии и современном состоянии славистики в Брненском университете и на участии Матицы Словацкой в разработке вопросов истории славистики, Я. Вацек рассказал о 60-летней деятельности Славянской библиотеки в Праге.

Различным вопросам истории чешской славистики XVII—XIX вв. были посвящены сообщения К. Горалека, Я. Тибенского, В. Урбанковой. Р. Пражак, М. Крбец, И. Даровский, М. Квапил рассмотрели некоторые аспекты славистической деятельности Й. Добровского, Г. Иречека, Л. Челаковского.

В ряде выступлений чешских и словацких участников симпозиума анализировалось освещение славистической проблематики на страницах периодических изданий (Я. Подоляк, Я. Дорула, Й. Грозиевич).

Ряд интересных сообщений был сделан по теме «Библиографический аспект истории славистики», обсуждение которой открылось докладом А. П. Горяинова (СССР). Остановившись на специфических особенностях библиографии литературы по истории славяноведения, докладчик обосновал необходимость создания международного библиографического указателя по этой проблематике. Отбору материала и некоторым другим вопросам методики работы над будущим указателем посвятил свое выступление Х. Порт (ГДР). Х. Шаллер (ФРГ) и Б. Белак (ЧССР) говорили о библиографии по истории славистики в контексте библиографической деятельности в Федеративной Республике Германии и Чехословакии.

Различные аспекты деятельности в области библиографии славистики в Чехословакии затронули в своих выступлениях чешские и словацкие ученые Э. Шимечек, Е. Велинская, Е. Фриммова, А. Вахушкова, Л. Бенешова.

Работа Международной комиссии по истории славистики и симпозиума широко освещалась в чехословацкой печати. Высокую оценку ее результатов дал Председатель Правительства Словацкой Социалистической Республики, член Президиума ЦК КПЧ П. Цолотка, устроивший для членов Международной комиссии по истории славистики прием в правительственной резиденции в Братиславе и выступивший на нем с приветственной речью.

А. Г.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1985 Г.

СТАТЬИ

Алексеев А. А. Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия	№ 1
Базыли Бялокозович. (ПНР). Польско-советский культурный обмен. Состояние и перспективы исследования	№ 3
Белов В. А. Жанрово-стилевое своеобразие «Жития Петра Великого» Захарии Орфелина	№ 1
Белозерова Е. В. Социальное развитие рабочего класса Чехословакии на этапе построения основ социализма	№ 6
Беляева В. И., Валева Е. Л. Некоторые аспекты чехословацкого кризиса 1938 года в современной буржуазной историографии	№ 1
Билек Й. (ЧССР). Вклад Г. Я. Мейснера в развитие чешско-русских литературных связей	№ 5
Борисова О. В. Социально-экономическое положение болгарской интеллигенции (конец 20-х — начало 30-х годов)	№ 3
Будагова Л. Н. К проблеме эволюции литературных связей	№ 6
Булатова Р. В. Вклад А. А. Шахматова в сербохорватскую акцентологию	№ 6
Васильева Н., Шинкарев И. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне	№ 2
Гавришина Л. К. Из истории сербо-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.)	№ 1
Гибиянский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С. Антифашистское движение Сопротивления и общественно-политические сдвиги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны.	№ 6
Греков Б. И. Восточная экспансия Германии в 1900—1914 годах (Опыт применения системного подхода к изучению проблемы)	№ 1
Гудимова С. А. Особенности музыкальной жизни Польши 50-х годов XIX века	№ 5
Данченко С. И. Борьба за новую конституцию в Сербии и Россия (80-е годы XIX в.)	№ 2
Досталь М. Ю. Некоторые итоги изучения славяноведческой и балканской историографии	№ 2
Живов В. М. Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков	№ 3
Зализняк А. А. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном»	№ 4
Кальбе Э. (ГДР). Вопросы сравнительного изучения Великой Октябрьской социалистической революции и революций 40-х годов	№ 4
Кишкин Л. С. Литературные связи и литературный процесс (Проблематика, перспективы изучения)	№ 4
Коровицына Н. В. Некоторые процессы социокультурного развития в Словакии в 70-е годы XX века	№ 2
Левочкин И. В. «Отеческие книги» и Изборник Святослава 1073 года	№ 6
Лещиловская И. И. Классы в процессе формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)	№ 4
Марьяна В. Освобождение от фашизма и развитие революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 3
Мурьянов М. Ф. Миняя как тип средневековой книги	№ 5
Недорезов А. И. Майское восстание чешского народа и освобождение Чехословакии советскими войсками	№ 2
Никифоров К. В. Внешнеполитическая программа Сербии 1844 г. и ее освещение в историографии	№ 6
Носкова А. Ф. Идеино-политическая борьба и поражение аграризма в Польше в 1947 году	№ 6

Овчаренко А. И. К вопросу о советско-польском экономическом сотрудничестве в 1950—1955 годах	№ 1
Онищук М. И. Войско Польское в борьбе за упрочение народной власти в Польше в 1944—1948 годах	№ 4
Орел В. Э. К вопросу о происхождении одного славянского названия постройкики	№ 5
Парсаданова В. С. 40-летие советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве	№ 2
Пашаева Н. М. Историческая книга славянского национального возрождения (вторая половина XVIII в.— первая половина XIX в.)	№ 4
Писарев Ю. А. Балканский союз 1912—1913 гг. и Россия.	№ 3
Помогач Б. (ВНР). Идеи социалистического гуманизма и венгерская литература 60—70-х годов	№ 4
Пушкаш А. И. К 40-летию освобождения Венгрии от фашизма	№ 2
Пятигорский Г. М. Восточный кризис 20-х годов XIX века и греческая эмиграция Одессы	№ 1
Светличная Е. И. Мифологические мотивы в творчестве Йоргоса Сефериса	№ 2
Семиин В. В. Важнейший фактор мира и безопасности (Варшавскому Договору — 30 лет)	№ 3
Середя В. Т. Концепция гуманизма в литературе европейских социалистических стран 60—70-х годов	№ 5
Тарасов Б. Н. Британская политика в отношении Югославии в ходе коренного перелома во второй мировой войне (ноябрь 1942 — январь 1944 г.)	№ 1
Тарасов О. Ю. Польско-румынский союз в восточноевропейской политике правительства А. Мильерана (январь — сентябрь 1920 г.)	№ 5
Флоря Б. Н. Славянская письменность и европейская культура раннего Средневековья	№ 2
Хромов С. С., Костюшко И. И. Связи российского и германского рабочего движения (до 1914 г.)	№ 5
Целунова Е. А. К вопросу о межславянских языковых контактах во второй половине XVII века (на материале псалтыри Авраамия Фирсова)	№ 2
Шинкарев И. И. Словацкое национальное восстание и освободительная миссия Советской Армии	№ 1
Яжборовская И. С. Проблемы развития Центральной и Юго-Восточной Европы и разработка политической линии коммунистического движения (К 50-летию VII конгресса Коминтерна)	№ 4

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Дьяков В. А. Итоги работы советских историков-славистов (1945—1984)	№ 5
Цайль Л., Цайль В. (ГДР). Научная деятельность Р. Траутмана в области славистики	№ 6

СООБЩЕНИЯ

Гарус Н. В. КПП в борьбе за безопасность и независимость Польши (вторая половина 30-х годов)	№ 6
Калашникова Н. Ю. Изменение социально-классовой структуры румынского общества в процессе социалистического строительства	№ 3
Копытянская Н. Ф. Жанровое своеобразие романа В. Ванчуры «Маркета Лазарова»	№ 6
Костюшко И. И. Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР на период до 2000 года	№ 3

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Боброва С. П. Д. Ф. Попяцько. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской литературной мысли	№ 4
Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М. Новые источники по истории народной культуры средневековья	№ 1
Горский И. К. Studia polono-slavica-orientalia	№ 6
Ильина Г. Я. Н. М. Ваганова. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20—30-е годы XX века	№ 4
Исаевич Я. Д. Ojtozi E. A. máriarócsi baziliták cirillbetűs konyvei	№ 2
Копруковняк А. (ПНР). Труды по истории Люблищины (1974—1979)	№ 4
Макар Ю. И. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI, январь 1956 г.— декабрь 1960 г.	№ 1
Михилев А. Д. И. В. Шабловская. Самой высокой мерой: современная проза европейских социалистических стран о войне	№ 3
Мыльников А. С. България в руската дореволюционна литература (XVIII — началото на XX век). Библиографски указател. Т. I. Материали от научни периодични издания	№ 1
Наумов Е. Украинская библиография по балканистике (1917—1980)	№ 6

Недорезов А. И. Э. А. Лейкин. Дружба, сотрудничество, братство . . .	№ 6
Носов Н. Е. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. (Главные тенденции политических взаимоотношений) . . .	№ 4
Орел В. Э. Ж. Ж. Варбот. Праславянская морфология, словообразование и этимология . . .	№ 2
Павленко Г. В. Ф. Г. Зуев. Социалистическое содружество и разрядка в Европе. Исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов . . .	№ 1
Пахомов Ю. В., Фрейденберг М. М. Е. Вечева. Търговията на Дубровник с българските земи (XVI—XVIII вв.) . . .	№ 2
Полывинный Д. И. Български средновековни градове и крепости. Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море . . .	№ 5
Поц И. И. M. Tejchman. Voј o Balkán. Balkańské staty v letech 1939—1941 . . .	№ 1
Попова Т. В. Язык и письменность среднеболгарского периода . . .	№ 4
Пучко В. Г. Јованка Максимовић, Српске средњовековне минијатуре . . .	№ 2
Соловьева А. И. М. Порочкина. Л. Н. Толстой и славянские народы (литературно-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX в.) . . .	№ 1
Страхова О. Б. Н. Б. Мечковская. Ранние восточнославянские грамматики . . .	№ 5
Титова Л. Новые книги о чешском театре межвоенного периода . . .	№ 5
Толстой Н. И. Ценное издание древнесербской псалтыри . . .	№ 1
Толстой Н. И. Gerhard Gesemann. Gesammelte Abhandlungen . . .	№ 2
Хорева О. Bibliografie českých vydání K. Marxе a F. Engelse . . .	№ 2
Худанич В. И., Ковальчук Т. Н. Желицки Б. Й. Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов . . .	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Г. Братиславское заседание Международной комиссии по истории славистики и симпозиум «Актуальные проблемы истории славистики» . . .	№ 6
А. О. Изучение генезиса прелстариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы . . .	№ 6
Булатова Р. В. Чтения памяти В. М. Илич-Свитыча . . .	№ 2
В. З. Присуждение премий двух академий . . .	№ 3
Воробьева И. Г. Славяноведение на кафедре истории древнего мира и средних веков Калининского государственного университета . . .	№ 5
В. Р. Г. Литаврин — лауреат Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия . . .	№ 3
Г. М., С. Ш. Заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 40-летию Словацкого национального восстания . . .	№ 1
Досталь М. Ю. Аксаковские чтения в Абрамцево . . .	№ 2
Дроснева Е. (НРБ). Научная сессия в НРБ, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Каравелова . . .	№ 4
Е. В. Научная сессия, посвященная 40-летию социалистической революции в Болгарии . . .	№ 1
Ерещенко М. Д. Знаменательная дата в истории румынского народа . . .	№ 1
Ермакова М. И. Конференция «Я. А. Смолер и его время» . . .	№ 3
Заборовский Л. В. К 300-летию со дня Венской битвы и смерти Ю. Крижанича . . .	№ 2
И. К. Конференция Комиссии историков СССР и ПНР . . .	№ 3
И. К. Научная конференция и заседание Комиссии историков СССР и ПНР . . .	№ 6
Крапивин А. В. Чтения, посвященные памяти академика В. И. Пичеты . . .	№ 5
Наумов Е. В специализированном Совете по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории) . . .	№ 2
Осипова М. А. Рабочее совещание «Тенденции демократизации и интернационализации современных славянских литературных языков» . . .	№ 3
Оцхели В. И. Международная конференция славистов в Щецине (ПНР) . . .	№ 3
Попов Г. Н. X Всесоюзная научная конференция историков-славистов . . .	№ 6
Прокопова И. И. Конференция АН СССР . . .	№ 5

НЕКРОЛОГИ

Беляева В. И. <u>Сергей Иванович Прасолов</u> . . .	№ 3
Горина Л. В., Горяинов А. Н. <u>Анатолий Евсеевич Москаленко</u> . . .	№ 3

CONTENTS

<i>Belozerova E. V.</i> Social development of the working class of Czechoslovakia at the stage of the building up of the socialism basis. <i>Guibianskii L. Ya., Murashko G. P., Parsadanova V. S.</i> Antifascist resistance movement and social-political changes in the Central and South-East European countries during the Second World war. <i>Noskova A. F.</i> The ideological and political struggle and defect of the agrarianism in Poland in 1947. <i>Nikiphorov K. V.</i> The serbian conception of foreign policy in 1844 and its interpretation in historiography. <i>Budagova L. N.</i> To the problem of evolution of the literary connections. <i>Levochkin I. V.</i> «Paternal Books» and Svyatoslav's «Izbornik» of 1073. <i>Bulatova R. V. A. A.</i> Shachmatov's contribution to the serbo-croatian accentuation	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Garus N. V.</i> The Polish Kommunist Party in struggle for security and independence of Poland (in the second half of the 1930s). <i>Kopystyanskaya N. F.</i> Genre originality of V. Vanchura's novel «Marketa Lazarova»	87
--	----

FROM THE HISTORY OF THE SLAVONIC STUDIES

<i>Zeil L., Zeil W.</i> (GDR). R. Trautmann's scientific activity in the field of slavonic studies	99
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nedorezov A. I. Э. А. Лейкин.</i> Дружба, сотрудничество, братство. <i>Gorsky I. K.</i> Studia polono-slavica-orientalia. <i>Naumov E.</i> An Ukrainian bibliography on Balkan studies (1917—1980).	109
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Popov G. N.</i> The X-th All-Union scientific conference of the historians-slavists. <i>I. K.</i> The Scientific conference and session of the Comission of the historians of the USSR and Poland. <i>A. O.</i> Studies on the genesis of proletariat in the Central and South-East European countries. <i>A. G.</i> The Session of the International Comission on the history of slavonic studies and Symposium «Actual problems of the history of slavonic studies» (Bratislava)	116
Index of articles published in 1985	125

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12.08.85	Подписано к печати 10.10.85	Т-16761	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл.кр.-отт. 13,4 тис.	Уч.-изд. л.13,2
	Тираж 1157 экз. Зак. 1670		

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В-17
В ОРДИНКА 34/39-40
ТОЛСТОМУ Н И
70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891